

A close-up portrait of a man with dark hair, wearing a dark suit jacket, a white shirt, and a dark tie. He is looking directly at the camera with a serious expression, his right hand raised near his forehead. The background is a white spiderweb. The title is overlaid on the bottom half of the image.

ЧЕРНЫЕ
Даравыз
ПАУТИНА

Ульяна
Соболева

Annotation

АННОТАЦИЯ.

Они возвращаются в мире криминала. В их жизни никогда не наступит покой. Только извечная борьба за власть и влияние. Они никогда не знают, чем закончится их день. Они забыли, что такое безопасность. Они научились смотреть в глаза смерти, не моргая. Клан Воронов становится слишком силен, количество врагов растет с каждым днем, как и желающих ударить по самому больному. Смогут ли герои выбраться из ловко сплетенной паутины интриг, грязных тайн, опасности и предательства? Ставки непомерно высоки. На кону — самое дорогое в жизни каждого из них. И за роковые ошибки им придется заплатить слишком большую цену.

В этой книге всей семье Воронов придется пройти через настоящий ад. Череда подстроенных врагом событий спровоцирует всплеск неконтролируемых эмоций. Что на самом деле значит доверие? Какова на самом деле любовь Максима? Нт придется ли Дарине пожалеть, что она так наивно и доверчиво отдала в его руки свое сердце и не попадет ли Андрей в собственную ловушку из жажды мести?

Из лжи, предательств...
Паутиной...
Сплетая адские узоры.
Из тонких нитей цвета крови.
Без обвинений и мотивов
В огне презрения сгорая...
Я, как молитву, повторяю...
Когда кричать уже нет мочи.
Убийце... Твое имя... Молча
Я не прошу себе пощады
Минуты счастья сочтены...
Мне ничего уже не надо.
Ведь мой убийца — это ТЫ.

-
- [Ульяна Соболева и Ульяна Лысак](#)
  - [ГЛАВА 1. Дарина](#)
  - [ГЛАВА 2. Андрей](#)

- [ГЛАВА 3. Карина](#)
  - [ГЛАВА 4. Карина](#)
  - [ГЛАВА 5. Максим](#)
  - [ГЛАВА 6. Андрей](#)
  - [ГЛАВА 7. Максим](#)
  - [ГЛАВА 8. Андрей](#)
  - [ГЛАВА 9. Дарина](#)
  - [ГЛАВА 10. Бацит](#)
  - [ГЛАВА 11. Андрей](#)
  - [ГЛАВА 12. Дарина](#)
  - [ГЛАВА 13. Дарина](#)
  - [ГЛАВА 14. Дарина](#)
  - [ГЛАВА 15. Андрей](#)
  - [ГЛАВА 16. Максим](#)
  - [ГЛАВА 17. Дарина](#)
  - [ГЛАВА 18. Андрей](#)
  - [ГЛАВА 19. Фаина](#)
  - [ГЛАВА 20. Андрей](#)
  - [ГЛАВА 21. Максим](#)
  - [ГЛАВА 22. Андрей](#)
  - [ГЛАВА 23. Дарина](#)
  - [ГЛАВА 24. Дарина](#)
-

**Ульяна Соболева и Ульяна Лысак
Паутина. Черные Вороны. Книга 3**

ГЛАВА 1. Дарина

Я смотрела, как переливается темно-бордовая жидкость в бокале. Красивый цвет. Насыщенный. Глубокий. Напоминает цвет крови. Покрутила ножку бокала и взгляд скользнул на кольцо. Каждый день я любовалась им, и мне не верилось, что оно действительно существует. Вот это кольцо. На моем пальце. Обручальное. Такое простое, тоненькое. Без единого украшения и камней. Максим хотел, чтобы мы сменили кольца на более яркие, дорогие, когда вернемся домой, но я не захотела.

Я даже ни разу его не сняла. Мне казалось, что ничего красивее и быть не может, чем именно этот символ моей законной принадлежности Максу. Он покупал его не в каком-то дорогом магазине, не выбирал неделями, он купил его лишь потому, что решил — я стану его женой здесь и сейчас. Что может быть дороже этого? Любовь не должна быть обдуманной, выбранной, пафосно-красивой, чтобы окружающие любовались ею — она простая, и этим сложная, она необдуманная и спонтанная, она далеко не всегда красивая, и именно этим она прекрасна. Вот именно такое кольцо и олицетворяло для меня нашу любовь.

Подняла взгляд на небо — солнце садится, и оно теряет насыщенно синий цвет, становится сиреневым. Внутри опять разливается тоска. Позади меня орет музыка, раздаются голоса гостей. Веселье в самом разгаре, точнее, оно только началось, а я бросаю взгляды на сотовый и... снова верчу в пальцах бокал. Мне не весело, хотя все эти гости собрались здесь ради меня. Мне исполнилось двадцать, и это первый день рождения, который я согласилась отпраздновать с таким размахом. Никогда не любила толпу. Она меня напрягала... особенно после охоты на даче Ахмеда. И сейчас, когда Макса здесь не было, празднование превратилось в пытку. Он уехал три недели назад по делам в Бельгию и, к сожалению, не мог вырваться даже на мой День рождения. Но это и не было столь важно. Я все понимала. Понимала, за кого вышла замуж, понимала, что он не будет рядом со мной каждую секунду. Мне хватало того, что теперь он мой. Что теперь я гордо называюсь его женой. Я о таком даже не мечтала.

Эти несколько месяцев после нашей свадьбы были самыми сумасшедшими в моей жизни. Счастье ослепляло и сводило с ума. Мне казалось, я парю в невесомости. Я никогда не знала Макса таким, каким он был для меня все это время. Он создавал для меня иллюзию, что рядом с ним я могу получить буквально все. Не было ничего, что он считал бы

невозможным. Я заикнулась о том, что никогда не ездила на море, и мы в ту же минуту уже мчали в аэропорт, а потом провели два сумасшедших дня на Санторини. Я рассказала, что в детстве мечтала научиться ездить верхом — и мне подарили моего собственного жеребца. Каждая прихоть, намек, желание. Щелчок — и у меня это есть... но самое ценное, что у меня было — это его любовь. Я ее чувствовала кожей, видела в его глазах, в каждом прикосновении и тембре голоса. Он умел дать мне ее почувствовать так, чтобы у меня мурашки шли по телу, а от восторга дух захватывало. И при этом он ни разу не сказал мне, что любит. Да и зачем? Слова так бессмысленны и пусты, особенно если зимой тебе звонят и напоминают, чтобы оделась потеплее, если пойду на улицу, что приедут и проверят, или вдруг звонил, спрашивал, где я, и уже через какое-то время он там. Просто потому что соскучился или хочет меня... притом не важно, где я могла в этот момент находиться. Он возьмет без ожидания. В туалете кафе, на лестнице офиса, в машине, отвезет в отель. И это сводило с ума больше всего. Знать, что настолько ему необходима. Вот этому зверю. Такому безумно красивому, жестокому, циничному, который мог шептать мне на ухо грязные пошлости и тут же нежности. Контраст на контрасте. И я понимала, что моя одержимость им выходит на иной уровень, и что теперь я действительно не смогу прожить без него ни дня.

Я могла наблюдать за ним часами, любоваться, затаив дыхание, как он спит, как быстро ест по утрам, собираясь уехать из дома, как говорит по телефону или ведет машину, как стреляет в тире, а потом учит стрелять меня и шепчет на ухо, что это другой ствол и держать его надо иначе... тот ствол я подержу чуть позже и не в руках. Я краснею... не попадаю в цель, а он смеется, и у него глаза такие светлые... Вот как это небо. Мой муж. Мой мужчина. Мой. Мой. Мой. Это можно повторять про себя бесконечно, захлебываясь восторгом.

Мой мир изменился до неузнаваемости. Макс вознес меня в то самое небо. Свое небо. Очень высоко. Пронзительно высоко. Где я ни о чем не думала. Рядом с ним думать вообще невозможно. Он заполнил собой всю ту пустоту, которая звенела во мне до встречи с ним. Заполнил мои сны, мои пробуждения, мое дыхание и мысли. Я погружалась в него, растворялась в нем, впадая в еще большую зависимость от его взглядов, голоса, запаха, прикосновений. И я понимала, что это не та любовь, о которой знала из книг или фильмов. Это ураган и стихийное бедствие. Мои чувства к нему невыносимо острые, сумасшедшие. Любви слишком мало. Всего, что можно озвучить, невероятно мало. Я понимала, что во мне почти не остается места для моего собственного "я". Потому что меня без него и

не существовало раньше. Я и есть он. Продолжение, частичка, да что угодно. Я просто ЕГО. Настолько, что меня здесь почти не осталось. И это самое прекрасное, что может случиться с женщиной — принадлежать целиком и полностью своему мужчине, сходя с ума от восторга.

Макс поработал своей властью и харизмой, стирал между нами все границы дозволенного, приемлемого, мыслимого. Он давал мне так много... но и брал взамен все, что я могла предложить. Отбирал, отрывал с мясом. И у меня кружилась голова только от мыслей о нем. Разве так бывает? Разве мужчина умеет давать женщине настолько много? Да. Мой мужчина может. Мне казалось — он может все. Если захочет. И самое дикое, ненормальное, безумное — он хотел. Меня. Для меня. Со мной. С ним рядом я превращалась в женщину. Женщину во всех пониманиях этого слова. Для него. Он выдернул наружу каждый из пороков и превратил их в мое собственное оружие против него. Он показал, какой я могу быть с ним — распутной, пошлой, его самой грязной шлюхой, и в тот же момент мог относиться ко мне, как к богине. И я использовала все, чему он меня учил, я отработывала на нем каждую грань соблазна, чтобы видеть, как он сжимает челюсти и обещает мне взглядом адские пытки за провокацию. Секрет красоты прячется в мужском возделении. Если женщина желанна, она всегда красива. И ее красота должна отражаться в горящем мужском взгляде, а не в зеркале. Зеркало может лгать, а мужской голод — никогда.

А еще он давал мне то, на что, казалось бы, не способен — нежность. Все оттенки нежности, какие только можно себе представить — от невесомой до грубой и изощренной, сладкой и до дикости развратной. От пыток до поклонения. И, да, он умел быть очень нежным... настолько, что у меня выступали слезы на глазах... Ведь так произнести "малыш" мог только он... Мой Зверь.

И сейчас, без него, мне казалось, что все дни превратились в одну серую сплошную массу. В череду бессмысленности. Я скучала. Я тосковала так сильно, что первые дни не могла уснуть в нашей постели. Меня шатало от усталости, и даже аппетит пропал, а сна нет. Макс узнал об этом, и звонил мне каждую ночь... вот так просто, говорил что-то, рассказывал, а я клала сотовый на подушку и засыпала под звук его голоса.

— Даш, ты чего тут стоишь? Тебя гости ждут. Еще и раздетая почти. Холодно же.

Обернулась к Фаине и улыбнулась.

— Не люблю толпу. Захотелось на воздух.

— Это первый праздник в твоём доме. В вашем с Максимом. Часть твоей семейной жизни, часть той жизни, которая должна быть такой, как

положено по статусу его жены.

— Да, я понимаю. Скоро вернусь. Вот солнце сядет и вернусь. Я так устала от шума.

— Скучаешь по нему, да?

— Очень.

— Не скучай. Идем. Он скоро приедет. Я точно знаю, — она подмигнула мне и ушла обратно в зал.

А я снова посмотрела на небо, на то, как закат окрасил его на горизонте в ядовито-розовый с золотистым. Самый ужасный День Рождения в моей жизни. Самый яркий и праздничный, но без него это ведь не имеет никакого смысла. Однако Фаина права. Я должна вернуться к гостям. Потому что они в моем доме, пришли ко мне.

НАШ дом. Максим купил его после того, как увидел, что я рассматриваю в интернете загородные домики. Я тогда сказала, что это непередаваемо — жить в собственном доме. Без соседей, на природе. Как свой остров посреди хаоса повседневности. Он тогда спросил, какой из них мне понравился и чем, и я показала на небольшой уединенный особняк, утопающий в зелени. Я бы не назвала его роскошным, но мне нравились огромные окна, плоская крыша, увитые цветами стены.

А он взял и купил его. Вот так просто принес ключи и положил мне в ладонь.

"— У моей женщины должно быть все, что сделает ее счастливой.

— У меня есть ты. Этого достаточно.

— Мне недостаточно. Я хочу, чтобы ты стала в нем хозяйкой. Почувствовала, что это такое — твой дом.

— Наш.

— Наш. Верно, наш. Я жду благодарности. Иди ко мне, малыш".

Сотовый в руках завибрировал смской и я посмотрела на дисплей — сердце тут же радостно заколотилось.

— Что делает моя девочка? Веселится с гостями?

— Нет. Вышла. Устала от толпы.

— Ты не дома?

— Не дома.

— А где ты?

Усмехнулась, представляя, как он сейчас думает — набрать ли Фиму, чтобы тот пробил геолокацию, или пока не стоит.

— Как я могу быть дома, если тебя тут нет? Без тебя это не дом, а просто здание. И да. Я в этом здании.

— Провоцируешь? Хочешь, чтоб я тебя наказал? Оттрахал прямо здесь и сейчас?

— Ты слишком далеко, чтобы наказать меня и... оттрахать.

Улыбнулась и послала ему смайл с языком. Быть наглой на расстоянии не так-то и сложно. Впрочем, эта наглость мне всегда сходила с рук.

— Ты сейчас где? С гостями?

— Нет, вышла на балкон. Дышу свежим воздухом... О тебе думаю.

— Что на тебе надето? Помимо красного платья. В чем ты под ним?

В горле моментально пересохло и задрожали пальцы. Участился пульс. Медленно выдохнула, предвкушая игру.

— Красные трусики с кружевами, красный лифчик и чулки телесного цвета.

— Иди в библиотеку. Сейчас.

— Зачем?

— Иди. Я так хочу.

Смайл с рожками. Он всегда его присылает, когда хочет показать, что настроен решительно или наигранно злится. Смеюсь и все же послушно иду в библиотеку.

— Закрой дверь на ключ и сними свои влажные красные трусики с кружевами. Они ведь уже влажные, малыш?

Перехватило дыхание и сердце заколотилось в горле. Повернула ключ в двери и сняла трусики, придерживая сотовый между щекой и плечом. Бросила их на ковер, ожидая, что будет дальше. Точнее... предвкушая.

— Очень влажные. Мокрые насквозь.

— Сними лифчик, но оставайся в платье. Иди к креслу. Я пишу — ты выполняешь. Отвечаешь только тогда, когда я скажу.

Я послушно выполнила все, что он просил. Подошла к креслу, продолжая растерянно улыбаться. Даже не представляя себе, что он собирается со мной делать.

— Обнажи грудь.

Негнуцимися дрожащими пальцами я потянула за корсаж платья, прохлада тут же коснулась воспаленной кожи, соски мгновенно затвердели, моля о ласке и прикосновениях. Его прикосновениях.

— Твои соски уже затвердели? Я уверен, что да. Прикоснись к ним кончиками пальцев. Не так. А нежно. Очень нежно, задевая ногтями.

У меня над губой выступили капельки пота, а сердце колотилось с такой силой, что казалось я его слышу в этой тишине, наполненной моим прерывистым дыханием. От возбуждения начало лихорадить. Кажется, я начала понимать, что он задумал, и от этого между ног стало горячо и

очень мокро.

— Сожми их. Сильно. Не жалей. Я бы их не жалел... ты же знаешь. Чувствуешь, как я сжимаю их... или кусаю? Чувствуешь меня?

О да, я знаю. Я чувствую. О Боже. В ответ на эти мысли заныло внизу живота. Требовательно, сильно. Он доведет до сумасшествия, и я просто умру от неудовлетворенного желания. Меня начало колотить мелкой дрожью.

— Поставь ногу на кресло, подними подол платья и оближи пальцы, маленькая. Я хочу, чтобы они были мокрыми, скользкими. Вот так. А теперь прикоснись к себе. Представь, что это мои пальцы, а не твои. Чувствуешь, какая ты там мокрая и горячая? Не отвечай. Просто кивни... Я же знаю, что именно ты чувствуешь.

Я запрокинула голову и тихо застонала, трогая себя и изнывая от безумного желания, чтобы это и в самом деле были его руки или его язык. Боже. Пока я дождусь, когда он приедет, я сойду с ума.

— Не торопись. Медленно. Как это делаю я, когда хочу, чтобы ты плакала от нетерпения. А теперь проникни в себя двумя пальцами. Вот так. Глубже. Еще глубже.

Я громко застонала, запрокидывая голову, кусая губы.

— Сюда смотри, малыш. Оставайся со мной. Возьми их снова в рот. Соси их сильно. Чувствуешь, какая ты вкусная, когда течешь для меня? Ласкай себя снова.

О Господи. Что же он делает со мной? Это невозможно... Вот так сходить с ума. Я покорно облизала блестящие от собственной влаги пальцы, представляя, что он погружает свои мне в рот, когда отдает мне мой собственный вкус. Я даже не думала, что могу настолько озвереть от похоти и желать исполнить все, что он скажет. Вот так. Когда он не рядом и в тот же момент настолько близко, что я реально чувствую его присутствие. Пальцы дотронулись до клитора, и тело свела мучительная боль наслаждения. Острая и пронзительная.

— Смотри сюда, — вибрация телефона заставляет опустить затуманенный взгляд на дисплей. — Двигай пальцами быстрее, маленькая. Жестче. Сильнее. А теперь остановись. Дыши глубже. Я хочу слышать, как ты дышишь.

Но я не могла остановиться, пальцы двигались сами по твердому, пульсирующему клитору, растирая все сильнее, заставляя стонать громче, не моргая глядя на сотовый, перечитывая все что он написал до этого. Чувствуя, как приближаются спазмы оргазма. Я уже готова взорваться... Одно его слово, и я разлечусь на осколки.

— Не можешь остановиться? Нравится? Продолжай. Да. Вот так. Сильнее и быстрее. Трахай себя. Не жалей. Глубже. И снова ласкай.

Ты близко, маленькая? Стонешь и закатываешь глаза? А сейчас остановись. **ОСТАНОВИСЬ, ДАРИНА.**

Я чуть не зарыдала вслух от разочарования. Все тело дрожит, как в лихорадке, оно болит в жажде разрядки, оно почти дошло до точки невозврата. И это физически больно... вот так... Терпеть. Ждать.

— Макс, пожалуйста-а-а-а-а, — дрожащими пальцами, не попадая по буквам.

В дверь постучали. А я не могла пошевелиться, меня трясло. Да и как я открою вот такая, полуголая, с обнаженной грудью, торчащими сосками и безумным взглядом? Нужно, как минимум, прийти в себя и привести одежду в порядок. Отдышаться. Снова завибрировал сотовый, и я задохнулась, когда увидела:

— **ОТКРЫВАЙ. ДАЛЬШЕ Я САМ.**

Бросилась к двери, повернула ключ дрожащими пальцами. Через секунду Макс уже задирает мое платье, жадно целуя в губы, приподнимая за ягодицы, рывком наполняя собой, срывая в тот самый оргазм, на лезвии которого я балансировала так мучительно и болезненно. От первого же грубого толчка полетела прямо в раскаленную бездну, с протяжным криком, выгибаясь, впиваясь в его волосы, судорожно сокращаясь вокруг его члена, чувствуя, как он сам дрожит от возбуждения, как срывается на стоны.

* * *

А потом мы несколько минут стояли не шевелясь, тяжело дыша и глядя друг другу в глаза, прислонившись лбами, все еще вздрагивающие после всплеска животного безумия. Мои пальцы в его волосах, а он все еще держит меня за голые бедра. Пока Макс не улыбнулся, проводя по моим губам большим пальцем.

— Здравствуй, малыш. С Днем рождения.

Я обняла его, закрывая глаза от наслаждения чувствовать его запах. Сильно сжала, зарываясь лицом в шею. Туда, где так концентрировано пахнет им. Моим мужчиной. Приехал. Ко мне. Все бросил и приехал. Не выдержал. Сумасшедший. Просто сумасшедший.

— Я так соскучилась, — бормочу, пока целует мои волосы, скользит ладонями по спине, хаотично целую в ответ, — я так тосковала по тебе.

Мне все не в радость.

— Я знаю, маленькая.

— Ничего ты не знаешь, — жалобно всхлипнула и сжала его еще сильнее.

— Да. Не знаю. Я чувствую.

Позже он поправлял на мне одежду, зашнуровывал сзади платье, расправлял складки и поправлял волосы, при этом жадно пожирая взглядом. Наклонился и подхватил комочек кружева с пола.

— Следы преступления надо всегда прятать.

Хитро усмехаясь и приподняв одну бровь, сунул мои трусики в карман.

— Заберу их с собой.

— Фетишист.

— О, да-а-а. Маньяк, психопат и жуткий извращенец.

Прижал к себе, обнимая сзади.

— М-м-м-м-м, как же ты пахнешь. Проклятые гости. Мы не закончили. Это так — прелюдия. Слишком голодный был.

Щеки вспыхнули от обещания, и я снова шумно вдохнула его запах, уже в который раз.

— Мой Зверь.

— Твой. Закрой глаза. Я привез моей девочке подарок.

Послушно закрыла, улыбаясь и кусая губы. Почувствовала, как отбросил мои волосы с затылка, и кожи коснулась прохлада. Пальцы гладили изгиб у плеча. Заставляя слегка подрагивать. Никогда не привыкну к его прикосновениям. Никогда они не станут для меня чем-то самим собой разумеющимся.

— Не открывай.

Подтолкнул меня, видимо к зеркалу, целуя шею, за ухом, вызывая дрожь от щекотки.

— Вот теперь открой.

Я распахнула глаза, но сначала увидела его отражение. Жадно пожирая взглядом каждую черту, глядя в глаза, все еще продолжая кусать губы, а потом посмотрела на ожерелье. Очень хрупкое и тонкое, в виде сплетенных бутонов роз, а по краю лепестков, как роса или слезы, блестят маленькие бриллианты, и в середине надпись на стебле одного из цветков: "Дыши мной". Снова перевела взгляд на его лицо, переставая улыбаться, заводя руку назад, обнимая и чувствуя, как дерет в горле от переизбытка эмоций.

— Я всегда дышу тобой... мыслями о тебе, твоим присутствием в моей жизни, твоим голосом, запахом. Всем, что имеет отношение к тебе.

Если тебя не будет рядом — я умру.

— Меня не будет рядом, только если меня закопали на три метра под землю, и то, если живым — выберусь и вернусь обратно.

Зарылся лицом в мои волосы.

— Это я сдохну, если тебя не будет рядом... Или убью тебя сам, если уйдешь или предашь меня.

Я улыбнулась, а он в этот момент сильно сжал меня под ребрами, настолько сильно, что у меня перехватило дыхание.

— Больше всего я боюсь, что смогу причинить тебе боль, малыш... — продолжает держать все так же сильно, целуя затылок, и я стараюсь не дышать, потому что больно и потому что чувствую, как он в этот момент напряжен, как говорит что-то, чего раньше никогда бы не сказал вслух. — Больше всего я боюсь, что ты можешь заставить меня причинить ее тебе.

Я зарылась пальцами ему в волосы, все еще чувствуя, как он вдыхает сзади мой запах и скользит щекой по моим волосам, в каком-то хаотичном исступлении, погруженный в свои мысли, слова.

— Ты не можешь причинить мне боль... Только не мне. Я в это не верю.

Он ничего не ответил, разжал пальцы. Скользнул вверх к груди, обхватил ладонями.

— Пошли к гостям, малыш. Нас уже заждались. Я чертовски соскучился по брату и племяннице. Давно не видел его лоценную физиономию и костюмчик от Армани.

Одной рукой все еще сжимая грудь, второй провел по горлу, ключицам и по ожерелью. Поцеловал меня в губы и тихо попросил:

— Не снимай... когда забудешь, как дышать, у тебя есть напоминание. А теперь пошли, не то я отправлю всех к чертовой матери и буду утолять свой адский голод до утра.

* * *

Я смотрела, как Максим рывком обнял Андрея, как тот похлопал его по спине, так же крепко сжимая в сильных объятиях.

А потом пристально посмотрел на прическу Макса и усмехнулся, иронично приподняв одну бровь:

— Ты забыл причесаться. По правилам этикета вначале принято здороваться с гостями...

— Ну куда мне до графского этикета.

— Учись, брат. Ты женат на графской сестре, должен соответствовать. Ну черт с тобой если она счастливо улыбается, можешь вообще со мной не здороваться, недостойный холоп.

— Счастье твоей сестры превыше всего. А за холопа...

— Челюсть не болит, не?

Макс демонстративно подвигал пальцами челюсть, сосредоточенно хмурясь.

— Ноет в плохую погоду, напоминая, что надо вернуть сдачу.

Они рассмеялись, а я непроизвольно трогала свое ожерелье и, поймав довольный взгляд Фаины, глубоко вздохнула, счастливо закатывая глаза. Она кивнула на Макса и снова мне подмигнула. Они знали, что он приедет. Вот негодяи, и никто мне не сказал. Я снова посмотрела на мужа, а он привлек меня к себе за талию. Так непринужденно, по-хозяйски, а у меня сердце заколотилось от мысли, что этот красивый, опасный хищник, на которого буквально все женщины в этом зале смотрят, пуская слюни, принадлежит мне и не скрывает этого ни на секунду.

— Ну как, приехал твой старый знакомый из Штатов? Борис Давыдов, кажется?

— Ага. Он самый. Приехал, возле баб ошивается. В цветнике, аки нарцисс недоделанный. О, как чувствует, что о нем говорят. Сюда идет. Хитрая шельма. Пока не сказал, что ему надо. Наши проббили, вроде ничего такого не нашли. Есть у него пара интересных занятий. Может быть полезным.

— Посмотрим, насколько, и чего это он вдруг решил наведаться на Родину. Помнится, когда он приезжал в последний раз, я оставил ему на память маленькую горбинку на переносице. Чтоб много не разговаривал.

— Да ты вообще, как только мог, так и отличился в свое время. Как тебя до сих пор не подстрелили — ума не приложу.

— Ну и ты отжал пару пуль себе. Жмот, он и в Африке жмот.

— Так а что все тебе да тебе. Делиться надо, Макс. По-братски.

Я обожала их перепалки. Мне ужасно хотелось обнять обоих и сдавить до хруста. Если и есть на этом свете мужчина, которого я люблю так же сильно, как и Макса, то это мой брат. В этот момент муж наклонился к моему уху:

— Расслабилась? Я жду, когда они разъедутся нахрен. Твои трусики в моем кармане все еще мокрые... и это, бл**ь, с ума сводит.

Настолько просто сказал, невозмутимо. Низкий тембр обжег фантазию дикими картинками, и я вспыхнула. Бросила взгляд на Андрея, но тот уже пошел навстречу высокому мужчине в элегантном темно-сером костюме и

черной рубашке. Светловолосый, подтянутый. Одет шикарно. Чуть старше Андрея.

— Черные Вороны в полном составе, — он протянул руку Максиму и бросил взгляд на меня. Янтарные глаза слегка вспыхнули. — Давно не виделись, Зверь.

Смотрю, женился. Не ожидал, не ожидал. Хотя выбор изумителен.

Макс усмехнулся и сильнее прижал меня к себе, а взгляд Бориса липко скользнул по моему лицу, телу, по руке Максима на моей талии.

— Я всегда выбираю самое лучшее, Боря.

— Я в этом даже не сомневался. Разрешишь потанцевать с твоей женой? Ты не против?

— Против, Боря. Против. Давай пойдем, пообщаемся. Думаю, ты не танцевать сюда приехал, верно?

Давыдов снова посмотрел на меня и усмехнулся уголком губ.

— А он ревнивец, даже не думал. Хотя, будь вы моей, я бы и сам ревновал, как черт.

— Тебе такие не светят, Давыдов, — сказал Андрей. — Пойдем, выпьем, пообщаемся. Обсудим пару тем.

Я проводила их взглядом и, взяв с подноса у официанта бокал вина, сделала несколько глотков. Давыдов мне не понравился. Есть такие люди, которые мгновенно вызывают неприязнь. Он мне напоминал шакала, который пробрался ко львам и пытается держать лицо при плохой игре, хотя сам и боится, но норовит укунить, чтобы не портить о себе впечатление.

Максим уехал утром, пока я спала. Он настолько вымотал меня, что я просто не услышала, как он ушел, а когда вскочила с постели машина уже отъехала от дома. В сотовом пикинула смска:

"Когда проснешься, не забудь, кем надо дышать. Не тоскуй, я скоро вернусь"

И еще одна ровно через минуту:

"Я передумал — тоскуй".

Улыбнулась и нырнула снова в постель, довольно потягиваясь, как сытая кошка. Впервые после его отъезда я проспала почти весь день.

ГЛАВА 2. Андрей

За несколько дней до описанных в 1 главе событий

— Здравствуйте, Андрей. Давненько вы к нам не заезжали. Очень рады видеть...

Продавец цветочного магазина расплылась в улыбке и шагнула к корзине с белыми лилиями. Она знала, что я возьму именно их, знала даже точное количество. Я всегда покупал цветы только здесь на протяжении нескольких лет.

— Здравствуйте-здоровствуйте. Я тоже так решил, поэтому и заехал. Нельзя нарушать традиции.

Она опять улыбнулась в ответ, отбирая 15 веток и, перевязав их белой лентой, протянула мне.

— Вам ведь, как всегда? Еще одна традиция?

— Совершенно верно. Спасибо, Наташа. Цветы великолепны, как, впрочем, и всегда.

— Спасибо, Андрей. Иногда мне даже кажется, что они ждут именно вас. Хорошего дня вам...

— И вам всего доброго...

Я вышел из помещения и знал, что они сейчас будут шушукаться со своей помощницей.

"Есть же бабы шустрые. Где бы нам такой "экземпляр" отхватить? Мало того, что денег валом, да еще и на братка не похож, хотя видно, что "из этих".

Людям всегда кажется, что они видят нас насквозь. Они моментально придумывают нам биографию, наделяют качествами, которые им хотелось бы, чтоб у нас были, и свято верят, что все именно так.

Всего несколько вещей способны ввести их в заблуждение: наша одежда, манера разговаривать и тембр голоса. Нужно сочетание всегда дает необходимый эффект.

Вот и сейчас я чувствовал, как они смотрят мне вслед, с нотами зависти и злорадства думая о том, кому "так повезло" и почему на ее месте не одна из них.

Смотрел на букет, который лежал рядом на сиденье, источая резкий аромат, и словно услышал знакомый до боли голос. Как она, смущаясь, опускала ресницы, даже покрывалась легким румянцем и говорила

"Спасибо, мой любимый". Никогда не могла к этому привыкнуть, каждый раз принимая их с какой-то особенной благодарностью, а я улыбался, как мальчишка, и мне хотелось купить ей миллион таких букетов. Чтобы слышать вот это "любимый" и чувствовать ее восторг.

Она любила именно лилии. Не розы, как это обычно бывает. Говорила, что эти цветы кажутся ей самыми красивыми. Чистыми, и вместе с тем их запах был настолько сильным, что голова шла кругом. Как и у меня тогда... в эти несколько месяцев вырванного у судьбы счастья.

Первое время после смерти Лены я не мог заставить себя даже ступить на территорию кладбища. Не хотел видеть могилу, памятник с этими зловещими цифрами, выгравированными на мраморе... Так, словно прийти сюда — значит принять, что ее больше нет. Как будто смириться с тем, что я лично, собственными руками, убил ее. Убил, потому что виноват был... Перед ней и Кариной. За то, что уберечь не смог, что жив остался, что дышу, хожу по этой земле, а она — глубоко под ней.

Потом я приезжал сюда каждую неделю. Как маньяк, который приходит на место преступления, чтобы еще раз испытать эмоции, связанные с последними секундами жизни своей жертвы. Нескончаемое количество раз прокручивая в голове мгновения, когда она была жива. Каждое ее движение, слово, вздох, взгляд, как умирая, говорила, что любит, что благодарна... И чувствовать себя последней тварью... Потому что ей не за что было меня благодарить. Хотелось казнить самого себя здесь, смотря на улыбающееся лицо на фото — "запомни меня такой, любимый". И ненависть в глазах Карины, которой она сама, казалось, начинает задыхаться, была тогда мне необходимой. Давала возможность чувствовать хоть что-то. Да, мне была нужна ее ненависть, молчаливые упреки и отчаяние... чтоб не забывал. Никогда.

В последние полгода я бывал на ее могиле все реже. Не оправдывая себя делами и суетой. Просто никогда в этом не лукавил. Я привык к своей боли, она перестала терзать, потому что вросла в мою кожу так, будто я и не жил без нее никогда. Мы с ней стали заодно. Она получила свое сполна, а теперь был ее черед отдавать. И она не осталась в долгу. Дала силы жить... Открыть глаза и увидеть главное — в моих руках теперь жизнь Карины. Как второй шанс — спастись, не закопав самого себя на дне своей пропасти.

Уже не так невыносимо больно ехать по этой дороге, которая ведет на кладбище. Уже не разрывают сердце на части острые крюки отчаяния. Уже не сдавливают горло цепкие пальцы тоски по ней. Все это постепенно отходило на второй план, уступая место размытым воспоминаниям.

Моментам, которые были нам отмерены.

Я остановил машину и, взяв в руки цветы, направлялся в сторону массивных кованых ворот.

Тихо... как же здесь тихо. Не слышно даже пения птиц. Это раньше эта тишина была для меня зловещей, когда хотелось орать во все горло, чтобы разбить ее, словно тарелку о стену, ко всем чертям. А сейчас она воспринималась как умиротворение. Потому что только те, кто оказались здесь, знают, что такое покой. А все, кто остались, продолжают жить, поджариваются на костре своей скорби, мечутся от ненависти и сожаления, рвут на себе волосы от горя и учатся жить заново...

Шаг за шагом преодолевал расстояние до могилы и по мере приближения заметил два силуэта... Почувствовал, что в груди нет привычного стука — сердце замерло... Потому что они были до боли знакомыми. После нескольких секунд оцепенения меня захлестнула волна злости... Какого черта они здесь делают? Кто разрешил? Кто пустил? Он не имеет права здесь находиться... Само его присутствие здесь, возле нее, смотрелось как осквернение. Руки сами сжались в кулаки, а скулы напряглись от того, насколько сильно я сцепил зубы, чтобы заставить себя идти молча. Зачем приехал? Убедиться, что добился своего? Что Ворон, бл***, всегда получает то, что хочет? Что все равно все будет так, как решил он? Как же я его сейчас ненавижу. Вышвырну к дьяволу отсюда. Плевать, что болен, что отец мне. Ему здесь не место. Избавить ее от него, даже после смерти — хоть это сейчас в моих силах.

Я ускорил шаг... вижу, как подходит к отцу Афган и помогает привстать с инвалидной коляски... Кто узнал бы в этом немощном старике того самого Ворона, который вселял когда-то ужас, отнимал жизни или решал, кому их подарить? Время никого не жалует. Кажется, я даже вижу, как дрожит его рука, как тяжело ему стоять на ногах, каким жалким он себя сейчас чувствует. Потому и заперся дома, на люди не выходит, чтобы не видел никто, во что превратился. Чтобы не разбить ту иллюзию могущества, которую он всегда излучал.

В следующий момент я просто оторопел. Все внутри клокотало от ярости, я хотел подойти к нему и трясти, схватив за горло, чтобы никогда больше не смел сюда приезжать, но ноги меня не слушались. Как будто парализованный стоял, с места не мог сдвинуться. Потому что он прислонился к холодному мрамору лбом и, черт меня раздери, но я видел, как задрожали его плечи от непрошенных слез.

Мне казалось, что я в каком-то долбаном сне... Что я, бл***, хочу проснуться, потому что этого не может быть. Не может. Не так. Не сейчас.

И почему сейчас? Что происходит?

Афган отвернулся, опуская голову... Понимал, что не должен здесь находиться, что это тот момент, когда человек наизнанку выворачивает себя, душу свою обнажая... но отец не мог уже без поддержки. Физически не мог. Слишком слабый. Подкосило его... болезнь прогрессирует.

А я стоял, как вкопанный, и мне казалось, что меня по горлу кинжалом полоснули. Больно... чертовски... Больно от того, что крик изнутри разрывает, рвется наружу и превращается в камень... Когда воздух ртом хватаешь, а его нет... нет воздуха. Одна ярость ядовитая. Легкие разъедает, превращая их в месиво. Нечем дышать...

Отец вцепился в край креста, еле удерживаясь на ногах. Афган подбежал к нему и схватил за руки, ломая сопротивление — тот освободиться хотел, дальше стоять, но пришлось усесться в коляску, отталкивая от себя помощника. Не может смириться. Внутри все тот же, а тело не слушает уже...

Вдруг ощутил на своем плече прикосновение и резко дернулся, схватив незнакомца за локоть, второй рукой вытаскивая оружие. Движения до автоматизма отточены. Но когда увидел, что это сторож, отпустил:

— Никогда не подкрадывайтесь к человеку со спины... В следующий раз может не повезти... — процедил сквозь зубы, пряча пистолет обратно.

— Прости, сынок... Прости... — со вздохом ответил сторож. — Давно наблюдаю за вами, и тяжело мне...

Я посмотрел на него с недоумением, выравнивая дыхание, даже слов толком не расслышал, но они словно вывели из оцепенения.

— За кем, за вами?

— За тобой да отцом твоим... Я столько горя человеческого повидал, что думал, не проймешь меня ничем, а тут...

— За отцом? Он что, здесь часто бывал? — по телу растекался яд презрения... Кто дал ему право приходить сюда? Еще и вот так — втихую, исподтишка. Как преступник, как вор, который прокрадывается в чужое жилище, чтобы отобрать у его хозяев самое ценное. И сейчас он делал то же самое — позарился на единственно святое, что осталось. Чтобы вцепиться в него своими костлявыми пальцами и оставить там грязные отпечатки.

— Бывал... бывал. Ты же знаешь, мое дело маленькое — за порядком следить, да не лезть, куда не просят. Но растрогал меня старик этот... Не знаю, может себя в нем увидел. Один я остался... вот только и могу, что так

же на могилки ходить...

Я понемногу начинал понимать, о чем он. Нет, все мое нутро протестовало против этой мысли. Я не хотел верить. Так проще — не верить. Потому что поверить в то, что он раскаялся — слишком больно. Я вцепился в свою ненависть к нему с такой силой, словно это единственное, что помогало мне жить. И сейчас он хочет отнять у меня даже ее? Черта с два. Ничего это не значит... Поздно грехи замаливать... Поздно. Раньше надо было думать. Я проговаривал внутри себя эти фразы, а предательское чувство облегчения все больше обволакивало, дурманило... заставляло корчиться от боли, потому что я, бл****, ждал этого. Все эти чертовы годы я ждал. Что он пожалеет. Что признает вину. Так, словно это последняя дань памяти Лены. И сейчас, наконец дождавшись, я не хотел отпускать свою ненависть. Наказать хотел. Еще больше. Хотя видел, что уже сам себя наказал он, но мне было мало. Мало...

Из мыслей, в которых я сейчас варился, как в котле с кипящей смолой, опять выдернул хрипловатый голос старика.

— Сынок... вы ведь похожи... Ты и сам не подозреваешь, как сильно. Не веришь ему — поверь себе... Потом может быть поздно... не вернешь... а сожаление сожрет... как его сейчас... В тень превратился.

Я не отвечал ему, только смотрел, не моргая. Не понимая, что чувствую. Словно в прострации какой-то. Ненавидеть отца хотел и пожалеть одновременно. Упиваться злобой и тяжесть с души сбросить. Выплюнуть в лицо упреки все, что скопились, и прижать к себе, сжимая в объятиях, которых мы никогда не знали.

Я молча приблизился к могиле, отец встрепенулся, увидев меня. Мы молчали... Смотрели друг на друга и молчали. Долго... Казалось, вокруг нас вакуум какой-то образовался. Когда ни вздохнуть, ни пошевелиться не можешь. Как будто любое движение к апокалипсису приведет. К взрыву такой силы, что разнесет мир ко всем чертям. Только взгляды... В них воронка адская из эмоций, которые сжирают заживо, выплевывая из прожорливой пасти ошметки плоти. А дальше — штиль... тихий такой, что мертвым кажется. Когда смотришь на того, кто рядом, и кроме него не видишь больше никого. Впервые в жизни. Словно в душу заглянул, в которой только гниль ожидал увидеть, а оказалось — на ее дне одно сожаление осталось.

Не нужны были сейчас слова. Ни одно правильным не будет. И я, набрав в легкие воздуха, который казался мне сейчас чистым до головокружения, приближался к отцу. Вынул из пакета бутылку водки,

поставил ее на деревянную скамейку и достал из коробки две хрустальные рюмки.

* * *

Савелий

— Ну все, Афган, теперь и помирать можно... — закрыв глаза и откинув голову назад, сказал своему помощнику Савелий Воронов.

— Да ты еще всех нас переживаешь, Ворон. Живучий, прям зависть берет, — отшутился мужчина.

— Да куда уж... уже на том свете прогулы мне ставят... Пора, Афган, пора... Все, что должен был, сделал уже... Теперь уже точно все...

Он смотрел, как отъезжает от ворот кладбища автомобиль, в котором сидел его сын, и в мыслях благодарил, тяжело вздыхая. Его вздох был легким и тяжелым одновременно. Облегчение от того, что приняли его раскаяние, только ничего не вернешь уже. И от этого паршиво на душе было. Что закончилось все так. Он же как лучше хотел... Другую жизнь сыну. Чтоб не возвращался в болото это, чтоб человеком стал, чтоб не связывало его ничего... Да херня все это. Ударил себя руками по коленям, потому что повторял слова эти, как мантру, словно они помогут закрыть пасть тому чувству вины, которое, словно раковая опухоль, сжирало его с каждым днем все больше. Не для сына. Не для него он все делал. Для себя в первую очередь... и не надо сейчас благими намерениями себя оправдывать. Решил он так. Хотел. Его решения не обсуждаются. Как смертный приговор — умри, но сделай. А тут девка эта, провинциалка чертова, карты ему спутала, сыну голову задурила. Да что они понимают... что знают в этой жизни? Ничего. У него еще таких, как она миллион будет. И не вспомнит через месяц. Какая разница, кто по ночам греть будет. Вот что думал. Уверен был, что все как по маслу пойдет. А ее прикормить можно, денег побольше — все они продажные, главное — не продешевить. И проглотили наживки... Оба...

Только чертово время ни хрена не решило. Увиделись — и все... Опять все по новой. Сына родного не узнал. Словно подменили его. Холодный, как лед. Не прошибешь. Плевать хотел на слова отца. Вот что беспокоило Савелия Воронова... Он не привык никому ни в чем уступать. Никогда. Любой ценой добивался желаемого. Сам не заметил, как через грань переступил. Как адский калейдоскоп событий окрасился в кровавый цвет. Как мир их кровью залился... Убивали раньше пачками — и не было

дела... а тут одна смерть всех их изменила. Все пути отрезала. Никогда, как раньше не будет. Такое нельзя простить. Только слишком поздно понял. Отнекивался от мысли этой, хорохорился, повторяя, что так и знал... Что ему виднее всегда было... Что поплатились чертовы упрямы за непослушание...

А потом проснулся как-то среди ночи в холодном поту и испугался впервые. Что сердце не выдержит сейчас, выпрыгнет к дьяволу из груди, билось как ненормальное. Саве казалось, что он не проснулся, что до сих пор видит перед глазами эту жуткую картинку... Как сын его Андрей в церковь заходит с женщиной в свадебном платье, вуаль плотная ее лицо прикрывает, но жених ее не приподнимает, как будто не хочет, чтобы увидел хоть кто-то жену его будущую... А Савелий подходит к ним, руки к ней тянет, чтобы посмотреть, кто там... только Андрей отталкивает его, за рубашку схватил и трясет как куклу тряпичную, приговаривая... "В этот раз ты мне не помешаешь"... Вуаль поднимает, смотрит на девушку счастливым взглядом и не видит, что кожа ее синевой отдает. Что глазницы ее пустые... Что тело покрыто пятнами и несет от него трупной воню... Повернула голову к Саве и засмеялась так раскатисто, громко, надрывно, что мороз по коже пробежал...

Он вскочил с кровати и подбежал к окну, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Ему даже казалось, что Лена за спиной его стоит, а ее смех жуткий до сих пор в ушах эхом звучит... Страшно стало. Не за себя... За сына. По-настоящему. Словно она отнять его может, за собой утащить... Никогда смерти не боялся... а тут испугался. Каким-то мистическим страхом...

Ночью все вещи приобретают свой особый смысл. Все кажется зловещим и необратимым. Ночь — время истины. Тогда и разговоры более откровенны, и чувства обостряются до предела, достигая своего пика...

А потом приходит утро и все становится по-другому. На смену страху пришло чувство вины. Паршивое такое. Которое заставляет посмотреть на себя, чтобы увидеть собственную уродливую изнанку. Без прикрас. Признать, что жизнь сыну сломал, чтобы доказать что-то.

На похороны даже не пришел, потому что боялся — увидят все, что прогнулся Ворон. Вся жизнь так и прошла: главное, чтобы другие боялись. Уважали. Потом липким покрывались, услышав его имя. И что в итоге? Сидит в своей возведенной крепости, чувствуя, как подкашивает болезнь, и время от времени пререкается с помощником своим да Фаей, которая вечно стремится его подлечить.

И детей вроде наклепал, а поговорить не с кем. И правильно... кому

такой отец нужен? Наверное впервые открыто себе в этом признался. Не выдержал — коньяка плеснул, выпил залпом, и так несколько раз. Не отпускает. В душе — тоска, и сон этот жуткий покоя не дает. Виноват ты, Сава, виноват, бл***. Подонок ты, через сына переступил. Все с самого первого дня вспомнил. Как Лену увидел, как смотрел на нее, словно она пустое место. Как злился... как исчезнуть заставил и сына в Америку отправил. Как запугал, смертью ребенка угрожая и расправой... Все вспомнил, и самому от себя противно стало. И опять этот смех ее и Андрей, который не видит, что мертвая она, и смотрит, улыбаясь...

Тогда и решил, что не хочет с собой в могилу все это забрать. Что обязан почтить память, что сыну его еще жить и он должен успеть. Успеть избавить его от этой ноши... от ненависти этой, которая рано или поздно его по куску обглодает...

Это единственное, что он может еще сделать. Тогда и поехал впервые на кладбище. Лилии засохшие увидел — их никогда не убирали, пока свежий букет Андрей не привозил... и лишним себя почувствовал. Сторожу строго-настрога запретил рассказывать сыну, что он приезжает. Не хотел сцен этих дурацких, словно напоказ он это делает. Просто чувствовал, что тянет его сюда. Как будто долг должен отдать. Что умереть даже не сможет, пока камень этот не сбросит. Пока сам перед собой не почувствует, что раскаялся по-настоящему. Он часто сюда приезжал, сидел часами, погруженный в свои мысли. Вначале вспоминал все, даже десяти минут не выдерживая, боролся сам с собой, матерясь и обзывая себя долбаным слабаком, который скатился в старческий маразм. Потом смог усидеть дольше, пытаясь осмыслить все, что происходило с сыном. Хреново становилось, пуговицы рубашки поспешно расстегивал, казалось, что задыхается, но заставлял себя сидеть и разбирать свою жизнь на атомы. Пока не понял, что задолжал детям своим. Сильно задолжал. Что то, что слабостью своей считает, на самом деле — источник его силы. Радовался, что Андрей и Максим вцепились друг в друга, что соединила их необъяснимая в своей одержимости связь — так, словно нет больше никого у них в этом мире. А разве есть? Разве хоть кто-то из них приезжал к отцу просто так, не тогда, когда очередной приступ болезни к кровати приковывает? Потому что заслужил. Он бы тоже к такому отцу не спешил.

Не хотелось подышать, как собака безродная, понял он сейчас, что хочет, чтоб и на его могилу цветы свежие приносили... Потому и решил, что должен успеть всем долги вернуть. Пока не сделает — не умрет.

ГЛАВА 3. Карина

Я сидела в этом чертовом кабинете и ждала. Чего — сама не знаю. Мне никто ничего не говорил, просто усадили на стул и дверь на замок закрыли. Чувствовала себя каким-то зверьком, которого загнали в клетку. Другие, сволочи, убежали, когда полиция подъезжала. Тоже мне, друзья называются. А я, как дура, сидела в ванной и барабанила кулаками по двери — как в идиотской комедии, в самый неподходящий момент заклинило дверь. А они, спасая свои задницы, сбежали, едва услышав вой сирены, и оставили меня в квартире.

Господи. До чего же сейчас унылые люди пошли. Ну подумаешь, врубили музыку на всю громкость, кто-то там пивком побаловался, травку покурил на кухне — кипишевать-то зачем? Бабушка-маразматичка этажом ниже ментам позвонила, орала как потерпевшая, что мы тут притон устроили, что жить ей мешаем, что всех за решетку сажать пора.

Уф-ф-ф-ф... ненавижу просто сидеть и ждать. Интересно, папочке уже позвонили или пока еще думают? Да что тут думать, позвонили, конечно. Сейчас примчится, если дел поважнее не будет, и устроит мне головомойку. Черт... как же меня все это достало. Каждый жизни учит. Некому только их поучить. Дождаться бы окончания школы — больше они меня не увидят. Ну максимум — раз в год, на Рождество, и то, может, и открыткой обойдусь. Я так мечтала убраться отсюда, не знаю куда, да и не важно. Папа денег даст — в любой универ устроит, хоть в Лондоне, хоть в Париже.

Наконец-то дверь отворилась и я, вздернув подбородок и прищурив глаза, подготовилась к нападению. Как там говорят, это лучший метод защиты? Вот и проверим... Только тут я в своих предположениях немного промахнулась. Так как увидела не отца, а какую-то женщину. Красивая, эффектная, и не дура — на лбу, конечно, не написано, но чувствуется. Не ментовка типичная, не истеричка, взгляд пронизательный, наблюдает за мной, и вот что меня напрягло — моя фамилия не произвела на нее нужного впечатления.

Я же привыкла уже, что Воронов любая собака в этом городе знает, что в курсе, какие детки являются "неприкосновенными" и с какими лучше не связываться, а тут... Странно это, и мне не понравилось.

— Здравствуй, Карина. Ну как тебе тут — не скучно?

Я, скрещивая руки на груди и всем своим видом показывая, что не собираюсь неизвестно с кем вести беседы, ответила:

— Начнем с того, что вы мне скажете, с кем, как говорится, честь имею. А то я не знаю, с кем разговариваю и какого хрена должна что-то рассказывать...

Женщина слегка усмехнулась, не занервничала, не смутилась, как я планировала, а смерила меня таким взглядом, что это я почувствовала себя неловко. Так смотрят на капризных детей, которые думают, что их визг кто-то и правда может воспринять всерьез. Это выбивало из колеи, но с другой стороны — пусть лучше оставит меня в покое. Тоже мне — полиция нравов. Она села за стол и, раскрывая какую-то папку с файлами, сдвинула на край носа очки в тонкой оправе и начала свой "отчет".

— Итак, Карина Андреевна Воронова. Мне, в принципе, безразлично, чего ты хочешь и с кем собираешься или не собираешься общаться. В квартире, где вы "скромно отдыхали", обнаружены наркотики и оружие...

— Ой, как страшно. Боюсь-боюсь... А вообще, я имею право на телефонный звонок.

— Папе звонить собралась?

О, попалась. Конечно же она знает, кто я такая, чья дочь и какие ей светят проблемы. И, довольно хмыкнув и иронично ухмыляясь, ответила:

— А что — теперь страшно вам? Не знаю, как вас там по имени...

— Анастасия Сергеевна.

Ну вот — как про папочку услышала, так хвост поджала. Эх-х-х, что за разочарование, я-то думала, она дольше продержится.

— Так что, Анастасия Алексеевна, ой, простите, Сергеевна. Память девичья просто, — издала легкий смешок, — папе звонить будем? Обещаю, я скажу, что меня никто тут не обижал.

— Андрею я позвонила сама, и думаю, он будет даже доволен, если тебя тут немного повоспитывают...

— Да ты что себе позволяешь? — я так разозлилась, что мне хотелось вцепиться в ей волосы. Выскачка... Андрею она позвонила. И вдруг от догадки, что их может что-то связывать, стало так больно, что я взбесилась еще больше. — Ты...

— Сядь и успокойся, — она оборвала меня на полуслове, и от такой наглости я просто потеряла дар речи. — Что за истерики? Конечно, твой папа за тобой приедет. Разве могло быть иначе? Только это не значит, что надо вести себя, как хамка.

Я вскочила и уперлась ладонями о стол, наклоняясь к ее лицу.

— А ты с ним близко знакома, я так поняла.

Она оставалась такой же спокойной и невозмутимой, голос звучал ровно, даже тембр не изменился. Ни на секунду не отводя взгляда с моего

лица, ответила:

— А если и знакома — то что это меняет?

Я поняла все, этот вопрос был красноречивее любого ответа. Конечно, они знали друг друга, при том близко, именно поэтому она разговаривала со мной вот так. Я поникла, замкнулась, выстраивая вокруг себя привычные стены безразличия. Отступила от ее стола и, опять присев на стул, смотрела в одну точку.

— Да мне все равно. С кем он там знаком...

— Сомневаюсь, что все равно, но тем не менее...

— А какая разница, все равно мне или нет? Ему-то до меня дела и так нет... Бабы интереснее, зачем дочь-то — обуза лишняя...

Впилась ногтями в кожу ладони, чтоб эта сучка не видела, как мне больно, как слезы эти дурацкие на глаза наворачиваются. Ненавижу... его и ее ненавижу. За то, что сижу сейчас тут и должна слушать ее нотации и терпеть заносчивый вид. Думает, прыгнула в кровать к этому... и все можно? Хрен вам...

Женщина молчала. Ждала. И в этой тишине мы провели несколько минут. Она наблюдала за мной, я хоть и не смотрела в ее сторону, чувствовала на себе ее взгляд. Черт. Сколько это будет продолжаться. Пусть уведут меня отсюда. Хоть в камеру, хоть куда... Это невыносимо, сидеть вот так... как под микроскопом каким-то и давиться собственными эмоциями, чтобы они не выплеснулись наружу. Наконец, не выдержав, она нарушила молчание:

— Знаешь, чем ты занимаешься, Карина? Тебе никто этого не говорил. Я уверена. А вот я скажу... — пауза. — Ты себя просто жалеешь...

Вот здесь уже не выдержала я. Да кто она вообще такая. Как смеет мне говорить все это. Я вообще ее первый раз вижу, чего она мне в душу лезет. Пошла к черту вместе со своим "Андреем". Повернула к ней голову и прошипела:

— Да что ты обо мне знаешь?

Мне казалось, ее голос немного изменился. Смягчился, что ли. Понимала наверное, что я на взводе.

— Я все о тебе знаю. Все. Даже больше, чем ты сама. И знаю, что ты чувствуешь. Только затянула ты со страданиями, девочка...

Я почувствовала, как защипало в носу — черт, сейчас разревусь. Только не это. Не перед этой, которая разумничалась тут. На меня никто так не смотрел до этого. Никто. Она меня не жалела. Не было там сочувствия. И я не знаю, разозлило это меня или восхитило. Потому что мне и правда

надоела их жалость. Как будто я инвалид какой-то. Слезы все же побежали по щекам, и я поспешно начала размазывать их руками.

Она поднялась со своего стула и, пока обходила стол, обратилась ко мне снова:

— Я не хочу делать тебе больно, Карина... Это не жестокость, это та правда, на которую тебе пора открыть глаза.

Я затихла, успокаиваясь. Раздражение уступило место... заинтересованности. Я не знаю, почему, но я наконец-то почувствовала, что со мной говорят... Именно как с равной.

— Я хочу тебе кое-что показать. Подойди сюда, пожалуйста.

Я поднялась и, преодолевая сомнения, подошла к столу, становясь рядом.

Она вытащила из шкафа несколько папок, наполненных различными материалами. Открыла первую из них. Из фото на меня смотрела девочка лет четырнадцати. Светло-русые волосы, серые глаза, типичный подросток, как любая моя одноклассница.

— Алена Леонтьева, школьница. Мать — алкоголичка, личность отца неизвестна. Впервые была изнасилована отчимом в тринадцать лет в присутствии матери. Она не просто не заступилась за дочь, она позволяла ему регулярно делать это, пока та не забеременела и не скончалась в больнице от потери крови. Когда мать узнала, что ее дочь ждет ребенка, избил ее, чем спровоцировала выкидыш. Врачи уже не могли ничего поделать, кроме как констатировать смерть.

Я чувствовала, как мое тело покрывается холодом, от затылка и до кончиков пальцев пробежал противный озноб. Но я стояла, не двигаясь, тело словно парализовало, и я не могла пошевелиться. Всмотривалась в фото, слышала сухие факты, за которыми — чья-то искалеченная жизнь. Как и моя, просто мне, наверное, повезло больше.

Настя не останавливалась, не дала мне времени на реакцию и спешно открыла вторую папку:

— Ольга Прокофьева, пятнадцать лет. Групповое изнасилование. Ни один из виновных не понес наказания. Парни живут с ней в одном доме и спокойно гуляют на свободе. Дело закрыли из-за недостатка улик. Ольга осталась инвалидом, уже два года не выходит из дома, чтобы не столкнуться во дворе с их насмешливыми взглядами.

Мне казалось, что сейчас меня вырвет. Да, насмешливыми бывают не только взгляды, но и слова, тон голоса, противный смех, от которого у тебя в венах стынет кровь от ужаса, потому что не знаешь, что они хотят с тобой сделать. Точнее, понимаешь, но отказываешься верить, до последнего

надеешься, что кто-то сможет помочь.

Настя открыла третью папку и таким же ровным и спокойным голосом продолжала читать строку за строкой:

— Ирина Пантелеева, тринадцать лет. Изнасилована двумя одноклассниками, которые позвали ее на вечеринку и, подсыпав в алкоголь клофелин, совершили действия насильственного характера в присутствии других школьников. Повесилась в спальне родителей спустя несколько недель. Фото с той вечеринки распечатали и развесили на стенах школьных коридоров. Открыто дело по доведению человека до суицида.

Она отодвинула папки в стороны и сказала:

— Ты теперь видишь? Ты видишь это, — швыряя папки на стол. — Таких, как ты, тысячи, десятки тысяч. Да, это неправильно. Да, это больно. Только знаешь, в чем разница? У них нет того, что есть у тебя... Нет тех, кому они нужны... Вот и думай теперь, сколько еще времени ты готова потратить на жалость к самой себе.

Внутри я словно сжалась в комок, хотелось принять позу эмбриона, забраться под одеяло, удрать на необитаемый остров — только бы остаться сейчас одной. Мне казалось, что у меня получилось отгородить себя от других надежной стеной, и вот сейчас она покрылась глубокими трещинами. Я слушала эту женщину и понимала, что она права. Что есть в ее словах доля истины. Я и сама хотела справиться со всем этим, но у меня не получалось. Я не знала, почему. Ни таблетки, ни психологи, которые пытались копаться в моей голове — ничего не помогало. И тогда я злилась, чувствуя себя ненормальной, слабой, незащищенной. Вымещая свою злость на тех, кто рядом. Только в школе можно было схлопотать репутацию истерички, поэтому пришлось научиться держать себя в руках и делать это постоянно. А дома... дома я была в полной "безнаказанности".

Я упивалась своей властью, когда нащупала самый верный рычаг, с помощью которого можно было влиять на отца. Это чувство вины.

Я видела его страдания и чувствовала себя садистом, который получает от них удовольствие. Уколоть побольнее. Не ответить на приветствие. Забыть поздравить с днем рождения. Сделать открытку на День Матери, подписав ее словами "Если бы ты была жива, мама, я бы поздравила тебя лично", и бросить на стол в его кабинете...

Это больно. Конечно, больно. А мне было хорошо, но только на мгновение. Потому что потом, закрываясь в своей комнате, я чувствовала себя отвратительно. Вместо желаемого облегчения от мести — горькое послевкусие собственной неполноценности. Отталкивала его все больше, а самой становилось все страшнее. Что углубляюсь в свои страхи, что хочу

кричать о помощи, а некому.

Настя заметила перепад моего настроения. Мне казалось, она даже хотела меня обнять, но опасалась, что слишком спешит, что я могу сторониться чужих прикосновений.

— Карина, тебе просто нужно помочь. Но ты должна позволить. Открыться. Принять любовь. Поверь мне, это то, что тебе поможет. Ты абсолютно нормальный человек и сможешь научиться опять радоваться жизни.

— Как? Как мне это сделать? — я разрыдалась, в этот раз не сдерживаясь. Потому что это было глупо — корчить из себя героя перед тем, кто видит тебя насквозь.

Сейчас приедет твой отец... У него, когда он услышал, что у тебя неприятности, даже голос изменился. Дрогнул... У такого сильного и грозного. Поверь мне, я знаю что говорю. Я знаю, как помочь. Вам обоим.

— А ты, случаем, не в мачехи мне нацелилась? — хотелось переключиться. Мне стало стыдно за это проявление слабости, и ничего более остроумного придумать не удалось.

— Замуж за Андрея? Не волнуйся, солнышко, я уже в этой кабале побывала. Больше ни за какие деньги... Так что можешь спать спокойно. Я на свободу твоего отца не претендую.

* * *

Андрей

Когда раздался телефонный звонок и Афган сказал, что есть уже первые результаты по делу Карины, я, не медля ни минуты, сразу же направился к чудо-хакеру, которого мне посоветовал генерал-чекист. Не обманул, паренек и правда асс в своем деле. Я назначил ему встречу в одном из наших ресторанов и, отдав управляющему распоряжение закрыть заведение на несколько часов, направился туда. Не хотелось, чтобы нам мешали. Подъехав к ресторану, увидел, что он уже на месте. Стоит возле входа, переступая с ноги на ногу, видимо, чувствовал себя не совсем комфортно. Я подошел к нему и протянул руку:

— Андрей. Долго пришлось ждать?

Он ответил на рукопожатие, уверенно глядя в глаза:

— Глеб. Очень приятно. Нет, я и сам недавно подъехал.

— Отлично. Тогда давай пройдем внутрь — там нас никто не побеспокоит.

Мы сели за столик, и я, сказав официанту принести нам выпивку, обратился к пареньку.

— Ну давай, показывай, что удалось восстановить...

Он вытащил из спортивной сумки флешку и ноутбук, и пока возился со всем этим, я внимательно его рассмотрел. На вид — года двадцать три. Волосы коротко острижены, темно-русые, глаза серые, внешность ничем не примечательна, но располагающая. Не внушает подозрения, я бы даже сказал, умеет казаться незаметным. Вряд ли это случайно, специфика его работы учит особой осторожности.

Я уверен, он чувствовал на себе мой взгляд, но при этом ни разу не повернулся, продолжая делать свое дело. Хорошо владеет собой, ведет себя уверенно и спокойно. Дождавшись, когда загрузится нужные изображения, начал объяснять.

— Смотрите, это протоколы по делу об изнасиловании. Данные медицинской экспертизы и так далее. Дальше... Закрывая одни файлы, переходил к другим. Вот снимки убитых охранников, которых положили тогда возле дома вашей... — он запнулся, видимо, задумавшись, как назвать Лену. Жена? Бывшая жена? Любая формулировка сейчас была неподходящей. Поэтому он просто продолжил. — Там, видимо, снайпер работал. До того, как они проникли в дом, убрали всю вашу охрану. Потом один из них отогнал машину и уехал на ней в лес, вместе с трупами внутри. Там ее сожгли... Впрочем, вы все это и так знаете.

Я слушал его и понимал, что теперь мой черед держать себя в руках и не дать ни одной своей эмоции отобразиться на лице. А это, бл****, было трудно. Дьявольски трудно. Потому что перед глазами опять весь этот день пролетел. Как с Максом в машине ехали, шутили, как волновался, как к подъезду подъехал и почувствовал неладное. А сейчас весь этот ужас мы просто раскладывали, словно пазлы, устанавливая очередность чужих действий. Как гребанные ублюдки просто пришли и за несколько минут развалили жизнь нашей семьи, взорвали ее на мелкие осколки, превратили в пыль, которая толстым слоем горечи осела в душе. Не отмыть ее уже... никогда.

Даже скулящая и погребенная заживо Малена не дала мне и мгновения покоя. Эта сука горит в аду, когда-нибудь мы с ней там встретимся, и я клянусь, буду закапывать ее вновь и вровь каждый день. Слушать, как умоляет пощадить, как впивается в деревянные доски ногтями, срывая их до мяса, как бьется головой о крышку, задыхаясь от паники и нехватки воздуха... и молчать. Наслаждаясь ее предсмертными криками, страхом и мучениями. И знать, что завтра все это повторится опять.

— Да, знаю. Дальше... — ответил и как будто не узнал собственный голос. Захотелось прокашляться.

— Вот запись с камер видеонаблюдения, машину зафиксировали на нескольких перекрестках.

— Да, я помню. Пробивали тогда автомобиль, только никаких серьезных зацепок найти не удалось.

— Да, потому что не то пробивали. У вас в доблестной милиции, полагаю, не только помощники, но и враги имеются.

— Что значит, не то пробивали? — я напрягся, чувствуя, что мы подбираемся к чему-то, что вскоре перевернет нашу жизнь в очередном кувырке.

— Потому что это не та машина. Цвет тот, номера те, только везли девочку не на ней. Не знаю, у кого там какие завязки были, но этот факт появился в деле уже после того, как его закрыли. Может, для шантажа берегли... Скорее всего. И, думаю, вся эта эпопея с пожаром в архиве и взломом системы была организована для того, чтобы избавиться от улики...

Его слова походили на мощный удар по затылку. Перед глазами потемнело, по телу прошла леденящая дрожь, виски сжало словно тисками. Малена — такая же пешка... Ужасные догадки, одна за другой, как удары под дых — каждый сильнее предыдущего. Я убрал исполнителей... шестерок... мы подвинули итальянцев, перерезав их как свиней, а за всем этим стоит кто-то совершенно другой. Гуляет на свободе, скорее всего, рядом с нами, заматывая следы и скалясь в злорадной ухмылке. Кто это? Кто это, бл****? Это только начало. Это, бл***, прямая заявка на войну. Потому что тронули святое. То, за что уроешь любого и сам сдохнешь, не раздумывая.

— Мне нужна информация...

— Это не так просто. Я не могу вам обещать...

— Я дам тебе все, что нужно. Любые деньги, ресурсы, людей, гарантию безопасности.

— Я понял все, Андрей. Только я тоже не всесилен. Мне нужно еще немного времени. Сделаю все, что смогу...

— Поедешь с моими людьми. Водитель ждет тебя на улице.

Я понимал, что теперь этого паренька нужно крепко держать при себе. Не только потому что он нам нужен, но и для того, чтобы ему раньше времени рот не закрыли пулей в висок и не уплыла важная информация. Мне нужно, чтобы он постоянно был на виду и под нашим контролем. И в этом деле я не собирался терять ни минуты. Он замялся от моего напора и

тона, который не терпел возражения.

— Это лишнее, Андрей.

— Не спорь, мне виднее. Просто поверь и езжай.

Он не ответил, ведь понимал, с кем связался. Но отступить поздно, да и не дал бы ему никто. Отсюда не уходят, как любил всегда говорить мой отец.

Я дождался, пока они отъедут и вернулся в ресторан — забыл на столике телефон, а без него никак. Вовремя вернулся, так как заметил уведомление о нескольких пропущенных.

Итак, врач... В груди неприятно кольнуло. Несколько дней назад отцу опять стало плохо, приступы случались все чаще, и в этот раз ему пришлось остаться в больнице. Он конечно устроил там скандал, посылая ко всем чертям врачей и обещая отыметь всех молоденьких медсестер, чтобы мы убедились, что он здоров как бык, но пришлось подчиниться. Как минимум пару недель нужно было оставаться под присмотром, и мне каждый день звонили оттуда, чтобы сообщить о состоянии здоровья отца.

Набрал его и, услышав, что все под контролем, выдохнул. Хоть об этом пока что можно не волноваться.

Кто у нас дальше? Листая журнал вызовов, увидел, что не успел ответить Насте. Здесь, конечно, несколько вариантов. Надеюсь, она просто соскучилась. Новости, которые входят в ее компетенцию, редко бывают хорошими.

— Алло, Настя, ты звонила?

— Привет, Андрей. Да. У меня для тебя две новости... Прямо классика жанра.

— Ясно, начни с плохой.

— Карина попала в милицию...

Твою мать. Как в милицию? Я чертыхнулся и, схватив ключи, побежал к машине, на ходу отключая сигнализацию.

— Что она натворила?

— Да не переживай, там ничего серьезного... В этот раз.

Я знал, что моя дочь — это чертенок, я установил над ней жесткий контроль. Похоже, мне нужно устроить показательную казнь службе безопасности. И сменить всех нахрен.

— Я лечу уже. Буду в течение получаса. А хорошая какая?

— Она у меня. И... в общем, это не по телефону.

— Настя, не испытывай мое терпение, вот сейчас явно не время. Договаривай.

— Она согласилась встретиться с врачом. Есть у меня один. Я тебе

гарантирую, что это поможет...

— Настя-я-я, ты знаешь, скольких врачей мы обошли? Хватит. Нам это не нужно. Одним шарлатаном больше — одним меньше.

— Нет, Андрей. Этот не шарлатан. Только есть один момент... И это будет непросто...

— Какой момент?

— Он введет ее в состояние гипноза, и ей придется пережить все заново.

— Об этом не может быть и речи. Даже обсуждать не буду.

— Андрей... я ведь никогда тебе не советовала ничего, если не была уверена. Ты знаешь, сколько я таких искалеченных видела? Пачками через нас проходили. И я знаю, о чем говорю.

— Настя, я сказал НЕТ. Не думал никогда, что мне придется повторять дважды. Никакого гипноза. Она только начала в себя приходить.

— Андрей. Ну до чего же ты упрямый... Я же хочу как лучше.

— Настя, тема закрыта. Я заберу дочь, и мы к этому разговору больше не возвращаемся. Еду... — и нажал на кнопку отбоя.

ГЛАВА 4. Карина

— Дашка-а-а-а, как же я соскучила-а-а-ась, — бросилась ей в объятия, крепко прижимаясь. Я правда чертовски по ней тосковала. Дома стало совсем пусто, да и видеться, после того как Дарина с Максом поженились, удавалось не так уж и часто.

— Ой, Каринка, я тоже... Ты где пропадаешь?

— Да не спрашивай, — смотрела на ее счастливое лицо, блестящие глаза и прям завидовала по-доброму, как она сияет. — С моим папашей особо не увильнешь.

— Карина, Андрей просто волнуется. Постарайся понять, он боится за тебя...

— Ага, боится он. Ладно, давай лучше о хорошем. Ты-то как тут? Вижу, супружеская жизнь пошла тебе на пользу...

Дарина покрылась румянцем, а я засмеялась. Ну вот кто из нас тут взрослее? Мне так понравилось ее смущение, что хотелось вогнать ее в краску еще больше.

— Ладно-ладно, можно без подробностей. Я свою юную и неокрепшую психику берегу, с молодую, как говорят. А то мне еще жить и жить, а тут такое.

— Кари-и-и-на, какая же ты вредина. Обожаю тебя. Пойдем, расскажешь мне, как ты. Мне же интересно.

Мы обняли друг дружку за талию и пошли в сторону дома. Дарина начала суетиться, приготовила нам коктейли и нарезала фрукты. Все это могла сделать и прислуга, но ей хотелось таким образом меня побаловать, да и поболтать можно без лишних ушей.

— Ну как вы там поживаете, Карин? С папой-то у тебя как?

Я ожидала этого вопроса, понимала, почему его задает. С одной стороны — переживает за нас, а с другой — когда рядом кому-то хуже, чем тебе самому, это вызывает чувство вины. Тебе ведь лучше, поэтому радоваться своему счастью как будто неприлично. Я понимала ее. Даже слов не нужно было — обо всем говорило счастье, которое она излучала. Взглядом, загадочной улыбкой, легкой задумчивостью. Мы разговаривали, общались, только я видела — мыслями она далеко, не здесь, а с ним. Наверное это здорово — любить кого-то вот так. Когда больше ничто не имеет значения, когда мир кажется лучше, когда хочется дарить всем свою радость, и не замечаешь ничего плохого. Именно поэтому не хотелось

сейчас сложных разговоров и тяжелых бесед о душевных терзаниях.

— Да нормально все, Дашка. Я, конечно, ему расслабляться не даю, недавно вот из милиции меня забирал... Прикинь, какое у него было лицо, когда он услышал эту новость... Думала, приедет и убьет на месте — я закатила глаза и скривилась.

— Как из милиции? Что случилось? Не пугай меня так.

— Ничего такого, просто случайность. Вечеринка была у одноклассника, а соседям это не понравилось — вот и приехали менты, чтоб разогнать.

— Карина, ты же знаешь, я не зануда и не сноб, но просто тебе пора задуматься о том, к какой семье ты принадлежишь. Я тебе не мораль читать хочу, просто пойми — для своего отца ты — единственное слабое место. Ты знаешь, сколько вокруг нас подонков, которые за такой козырь глотку друг другу перегрызут? Ты думаешь, Андрей тебя стережет от того, что ему заняться нечем? Нет... Абсолютно. Я тебя пугать не хочу, но просто мы в постоянной опасности. Каждый день и в любую минуту...

— Ну так что мне теперь, сидеть дома и носа не высовывать? Ну зачем так жить, Даш? У меня вот подружки живут, кайфуют, жизни радуются по полной программе, а я? Все смеются уже, что Карина папенькина доченька... Ты знаешь, как они меня обзывают? Золушкой. Уф-ф-ф, убила бы.

— Хорошая моя... Я понимаю все. Но ты должна быть на чеку... всегда. Обещай мне...

— Ну вот только ради тебя, Дашка. Еще не хватало, чтоб и ты наседкой для меня стала...

— Так что там подружки? Как кайфует молодежь нынче? — Дарина засмеялась своей же реплике. У нас разница-то несколько лет, а она заговорила, как бабка на скамейке возле подъезда.

— Сейчас новая струя пошла. На родительские деньги гулять не модно уже.

— Неужели? А на чьи теперь гуляют?

— Ну как на чьи? Богатый ухажер — вот новый тренд... У меня вот Лика и Светка подсуетелись уже, не теряются... Прикинь — через две недели летят в Барселону...

— Что значит, летят? Им же еще восемнадцать нет. Кто их из страны выпустит? Что-то твои Лика и Светка явно выдумывают...

— Дашка, да там такие связи. Они им любые документы сделать могут. Хоть восемнадцать, хоть тридцать нарисуют.

Я увидела, как Дарина побледнела и стакан, в который она должна

была налить следующую порцию коктейля, медленно опустила обратно на столешницу. Она повернулась ко мне и, схватив меня за плечи, резко встряхнула.

— Карина. Сейчас ты выслушаешь меня очень внимательно. Поклянись, что ты никогда и близко не подойдешь к этим людям. Ты должна сейчас поклясться мне, слышишь?

Да что происходит-то? Она что, такая же, как все стала? Черт. Ну что за идиотский день? Зачем я вообще ей это рассказала?

— Дашка, да ты что, совсем рехнулась? Ты чего дергаешься? Ни с кем я не общаюсь... просто о подругах рассказала...

— Ты можешь их остановить? Отговорить? Они не должны ехать... Пойми ты... Неужели вы, дурочки, не соображаете ничего?

— Да что мы должны понимать? Ты можешь нормально объяснить сейчас?

— Карина-а-а. Ты даже не представляешь, куда они могут вляпаться. Это же фальшивые документы. Фальшивые. Покинули территорию страны — и все... нет их. Нет. Черт. Никто уже не найдет.

— Блин, да что за бред. Ты что, боевиков пересмотрела? Дашка, э-э-эй, мы не в Голливуде.

— Именно. Никакого Голливуда, когда привезут вот таких вот дур малолетних вместо Барселоны в Стамбул, закроют в квартире и заставят принимать по десятку мужиков в сутки... Глаза раскрой, пока не поздно.

— Так, все, проехали эту тему. Никаких ухажеров, пока восемнадцати не будет. Заметано?

— Андрей дома? Никуда не уехал? Если его нет — останешься здесь. Я тебя не отпущу...

— Ну во-о-от. Нарвалась. Правда я рада... Мне твоя компания больше нравится, чем торчать там в пустом доме.

— Вот и отлично. Останешься здесь. Завтра прошвырнемся по магазинам, а потом к Савелию заедем. Совсем плохо ему, в больнице оставили. А сейчас — давай еще по коктейльчику и фильм посмотрим.

— Ладно, и пиццу закажи. Я с салями хочу...

* * *

Ахмед

Какого хрена они заехали на этот склад? Вроде, брат его домой вез после встречи с партнерами. Вечно что-то придумает. Непокойный, блин.

Самый дерганый из четверых братьев. Никогда на месте не сидится. Еще в детстве устраивал немало проблем. Да таких, что отец нахрен отослал подальше от себя, чтоб семью не позорил.

— Мы здесь ненадолго. Посмотрим кое-что, и дальше поедем, — сказал Ахмед. Вылез из машины и, осматриваясь по сторонам, поправил воротник рубашки, смахнув невидимую пылинку. Неизменно в белом. Редко носит другие цвета. Говорит, на белом грязь хорошо видна, а он не любит, когда грязно.

— Что посмотрим? — Бакит вышел следом, бросил взгляд на часы и тоже осмотрелся по сторонам — пустырь и несколько складов. Раньше они сюда возили ворованные автозапчасти. Давно. Когда этот бизнес их еще устраивал.

— Товар... если можно так выразиться.

Через несколько минут к складу подъехал заляпанный, пыльный фургон. Бакит смотрел, как из него по одной вытаскивают женщин и брезгливо кривил губы. Это и есть тот самый товар? Плохой товар. Низкопробный. Не того уровня, как он хотел. Половина наркоманки, пара малолеток и две престарелые. Фигурами не блещет ни одна. Нет породы. Таких на трассе, как собак в подворотне. Голодные, уродливые и потасканные. Девушки выстроились в ряд, с опаской поглядывая на Ахмеда и Бакита. Явно угадывая в них главных. Одежда не первой свежести. Вульгарщина. Все напоказ. Полуголые, можно сказать. У одной грудь вообще поверх корсета лежит и сверкает покрашенными сосками.

— Что это за шавки, Ахмед? Где ты их понабирал? На какой помойке? — Бакит снова осмотрел женщин и повернулся к брату, тот усмехнулся и подойдя к одной из девушек, схватил ее за подбородок, рассматривая лицо.

— Ты же хотел "свежее мясо"? Помыть, причесать, приодеть — и в самый раз. Ты что думал, я тебе фотомоделей привезу за пару дней?

— Но не этот шлак. У двоих уже ломка. Они хотя бы медосмотр проходили? Мне забракуют товар и придется их по дешевым борделям распихивать. А у меня заказ на птичек иного уровня. Зачем ты мне куриц привез?

Ахмед продолжал смотреть на хрупкую молоденькую блондинку с большими голубыми глазами. Слегка перепуганную, но прекрасно осознающую, зачем и для чего она здесь. Явно с опытом работы. Бакит же рассматривал другую — с темными волосами, и его глаза лихорадочно сверкнули.

— А я бы эту отодрал. Очень даже ничего, — раздался голос брата.

— Да ты у нас вообще не особо разборчив, Ахмед. У меня клиенты другие. Вот этих двух наркоманок вообще сразу убери нахрен. Блондинку возьму и ту, черненькую. Остальных возвращай обратно. У меня элитные заведения. Ты мне обещал шикарных девочек.

Ахмед его словно не слышал, он сунул в рот блондинки два пальца и орудовал ими так, чтобы они упирались в щеку. Наклонял голову в разные стороны, рассматривая ее лицо.

— Ты меня слышишь?

— Слышу.

Он надавил на плечи блондинки, опуская ее на колени и расстегивая ширинку.

— Открой рот и скажи "а-а-а-а".

— Бл**ь. Ахмед. Ну не сейчас. Что же ты за урод.

Тот его уже не слышал, он толкнулся членом в рот девушки, крепко схватив ее за волосы, и, запрокидывая голову, удовлетворенно застонал.

— Причмокивай, сука. Громче.

Бакит вышел на улицу и кивнул одному из парней.

— Рустам, эту я возьму, когда он с ней закончит, и черненькую. Остальных нахрен.

Из здания послышались женские крики, и Бакит, поморщившись, сплюнул на землю. Выругался на своем языке и снова посмотрел на девушек. Их даже если приодеть — видно, что за товар. Потасканные, перетраханые во все щели дешевые соски. А у него в этот раз заказ от крутых клиентов, и цена предложена хорошая. А таких, как эти, в Стамбул пачками таскают. Бакит работает на ином уровне уже не первый год, и Ахмед об этом знает. У него клиенты заказывают девочек на "постоянку". Описывают типаж и запросы. Бакит привозит только самых лучших. Самых. И риск оправдан, и клиент доволен. Не понравилась — отдает в самые элитные заведения. Привозит малым количеством, но каждая — экстра-класс.

Через какое-то время вышел брат, вытирая руки платком.

— Рустам, убери там.

Подошел к Бакиту, доставая сигарету из пачки и закуривая.

— Думал, эти шлюхи для тебя? — он расхохотался. — Это уличные шалавы. Бари, сука, не заплатил налог, и я слегка проредил его обслуживающий персонал. Совсем от рук отбились. Дань не платят. Телки все отстойные. Менты на меня насаждают, долю свою хотят. А эта мразь говорит мне, что дохода нет. Вот теперь его и правда не будет. Какое-то время. Сука. Ахмеда решил нае***ь. Тварь.

Бакит краем глаза увидел, как из здания вынесли голую блондинку с широко распахнутыми глазами, запекшейся кровью на губах и кровоподтеками на теле. Горло обмотано галстуком Ахмеда. Явно мертвая.

— Ты реально больной извращенец.

— Кто бы говорил, братец. Я же молчу, когда ты непонятно зачем к себе брюнеток таскаешь пачками, а сладить с ними не можешь. И как их потом от тебя выносят по запчастям, в мешках, я тоже знаю.

Бакит заскрежетал зубами, сжимая руки в кулаки.

— Остынь. Все мы извращенцы. Каждый. Просто кто-то это проворачивает в своих фантазиях и лжет сам себе и всему миру, а мы просто честны, и с собой, и с другими. Не парься. На одну шлюху меньше — и мир станет лучше и добрее. Глянь.

Он что-то рассматривал в своем сотовом и смеялся.

— Лекса фотки прислала... — умиляется. Словно только что не задушил одну из проституток галстуком, предварительно жестоко оттрахав. — Она тебе пирог испекла. Давай, поехали, я тебе кое-кого покажу в машине. Ты будешь доволен. Нас Лекса к обеду ждет. Рустам, избавься от этих отбросов. Бари скажи, не заплатит до завтра — я всех его шлюх отловлю и переработаю на жрачку для червей. Это только начало. Ставь его на счетчик.

— А та? Черненькая. Может ее... — Бакит обернулся на девушку невысокого роста, ее как раз заталкивали обратно в фургон, — не надо. Я б забрал.

— Оставь. Знаю, что ты по брюнеткам. Поехали. У меня есть кое-что получше.

* * *

— Ну как? Нравятся?

— Охренеть.

— Я же обещал. — Ахмед хлопнул брата по плечу. — Мне их для тебя вербовали полгода. Кого-то прикармливали, а ради кого-то и конкурсы устраивали. Парочку акселераток малолетних типа в Барселону вывозим. Отдыхать по фальшивым паспортам. Вот дуры, мать их. Но красавицы. Любителям помладше — самое-то. Каждая отобрана настолько тщательно, что ты можешь за них брать двойную цену.

Бакит все еще листал фото девушек в планшете Ахмеда.

— И где они все?

— Некоторые ожидают в одном месте. Проходят спецподготовку. Группа "принуждения". Я работаю только с опытными людьми. Когда твое "мясо" погрузят в фургон, все они уже пройдут свою школу, будут покорными и согласными на любой каприз клиента. Некоторые, правда, будут необъезженными. Сам потом с ними разберешься.

Бакит довольно прищелкнул языком.

— А ты, я смотрю, полностью разобрался в этом бизнесе.

— Я хочу, чтоб все гладко было, Бакит, чтоб тебе яйца не поотрывали, чтоб шлюхи твои по ментам не побежали. Чтоб не получилось, как тогда. Помнишь тех двух сук, которые чуть нам всю линию не обвалили, и сколько бабла нам стоило, чтоб их вернули обратно? Один звонок в "157"* — и мы на мушке у Интерпола.

Бакит поморщился, вспоминая, как его начали проверять спецслужбы.

— Вот именно. Думаешь, после этого я не начал контролировать процесс? Думаешь, элитные сучки тебе на голову сыплются как манна небесная?

— А это кто такая?

Бакит повернул планшет к брату.

— О-о-о-о. А это, брат, та самая, бриллиантовая. Что такое? Глазки загорелись?

— Красивая сучка.

— Красивая и очень дорогая. Если неправильно партию разыграем — нам с тобой кожу живьем снимут за нее, а если правильно, то мы с тобой, брат, скоро-таки получим свою линию по перевозкам и много чего вдобавок. Пусть Вороны друг другу глаза повыклевывают, а мы свои дела провернем за это время.

— Себе ее возьму.

Бакит нервно облизал губы, а Ахмед ухмыльнулся.

— Так для тебя и берем, брат. Другим и не по зубам, и не по карману. Слюни подбери и челюсть. Нам еще заполучить ее надо.

— И? Когда?

— Буквально на днях. Ее плотно ведут. Все не так просто, родной. Я несколько лет продумывал. Поэтому — терпение.

— Хитрый ты. Шельма. Зачем мне этих шавок показал?

— Для сравнения, Бакит. Чтоб знал, какой товар тебе достается и как непросто достается. Что там Сами? Сделал свой заказ?

Бакит все еще не закрывал снимок девушки, его ноздри хищно трепетали и подрагивала верхняя губа.

— Сделал конечно.

— Передашь ему конверт от Али. И напомни о моей просьбе. Я жду его согласия.

— Со стволами вопрос почти на мази, брат.

У Ахмеда зазвонил сотовый, и тот быстро достал его из кармана.

— Да, — посмотрел на Бакиста. — Завтра? Охренеть. Молодцы. Оперативно, чтоб вас. С меня — как всегда.

Отключил звонок и посмотрел на Бакиста.

— Ну вот и все, уже завтра твой груз отплывет по назначению.

— А птичка?

— С птичкой, брат. Она уже почти наша. Завтра клетка захлопнется и попалась. Чик-чирик, чик-чирик.

Ахмед помахал руками и заржал, а Бакист снова уставился в планшет.

— "157" — служба помощи женщинам, находящимся в сексуальном рабстве в Турции.

ГЛАВА 5. Максим

Я смотрел на двух бельгийцев, изучающих документы, на их юриста, который указывал им толстым пальцем на некоторые пункты, и понимал, что на секунды выпадаю из этого просторного кабинета, из сделки на миллионы прибыли, потому что прислушиваюсь к своему сотовому, который молчит уже несколько часов. Меня начинало ломать. В голове секундная стрелка отсчитывала грани моей ломки. По самой изысканной голубоглазой дозе, с каштановыми волосами и нежной кожей. По ее голосу и по ее сообщениям, в которых она неизменно пишет, как сильно тоскует по мне. Меня никто и никогда не ждал. Нигде. И вот это ощущение, что за тысячи километров по тебе изнывают в тоске и пишут каждые несколько минут, грело, черт возьми, так, что я, словно идиот, смотрел на дисплей и улыбался. Пожалуй, я за эти полгода отулыбался за всю мою жизнь. У меня впервые не было ощущения, что все это ненастоящее, что все может закончиться. Я хотел завтрашний день еще сильнее, чем вчерашний, потому что в нем есть ОНА. Есть и в послезавтра, и через неделю. Ждет меня. Не спит по ночам. Странные чувства, сумасшедшие. Я с ума схожу по ней. Как самый фанатичный родитель и невменяемый любовник. Меня прет от дикой нежности и абсолютной, одержимой похоти. Я просто не мог поверить в свое счастье. Точнее, счастье носило ее имя, пахло ею, и я жаждал это счастье контролировать, таскать везде с собой и каждый раз, когда захочу — трогать, целовать, сжимать в объятиях и убеждаться, что оно мое, целиком и полностью. И сейчас мне катастрофически не хватало возможности убедиться в очередной раз.

— Максим, вы сказали, что наш процент от прибыли останется неизменным в течение трех лет, а вот в этом пункте...

Голос бельгийца вернул меня обратно в стерильно-чистый кабинет с ослепительным светом и Т-образным столом посередине. С бутылками минералки возле каждого из собравшихся на этой встрече. Я потянулся за бумагами, в очередной раз проклиная и бельгийцев, и их гребаных юристов с нотариусами. Непривычно решать дела в таком русле — это скорее стиль Графа, чем мой. Я привык договариваться иначе и другим языком, но брат настоял. Сказал — справлюсь. Пора на другой уровень выходить, а не лохов кулаками запугивать. Кажется, до сих пор у меня получалось довольно хреново. Так как контракт мы переписали несколько раз, и их постоянно что-то не устраивало.

— Верно, но если поставки возрастут в два или три раза, ваш процент уменьшится, но ведь вы все равно не будете в проигрыше засчет оборота. Мы с вами это уже обсуждали.

Я начинал нервничать. К нам подошла длинноногая секретарша с подносом и, улыбаясь, предложила кофе. Ее звали весьма красноречиво — Наташа. Да и видно наших соотечественниц всегда и за версту, в самом лучшем смысле этого слова. Наши — самые красивые.

Я взял чашку с подноса, перевел взгляд на глубокое декольте блузки. В обязанности этой куколки точно входит не только кофе разносить, иначе эта официантка носила бы лифчик. Видать, подкладывают под несговорчивых клиентов или добывают интересную информацию. А может, личная игрушка господина Якобса.

— А здесь только кофе разносят? — спросил я по-русски и посмотрел ей в глаза, вздернув бровь.

— А что угодно господину?

Она поправила светлые волосы и облизала губы. Нет, дорогая, вот это мне совсем не угодно.

— Господину угодно коньяк в чашку с кофе и господину хочется курить, но господин согласился бы просто на сигарету и парочку минут побыть в тишине без свидетелей.

Она, мило улыбаясь, бросила взгляд на свое начальство и снова перевела на меня.

— В здании нельзя курить и распивать спиртное.

— Неужели в здании, — я снова красноречиво заглянул в ее декольте, — нет ни одного места, где можно уединиться на какое-то время?

— Есть... — ее взгляд приобрел ту самую маслянистость предвкушения. То ли денег, то ли просто "родного" захотелось. А я думал только о том, что мелкая мне не звонила часа три, что смска последняя пришла слишком сухая, официальная, что ли. Я хотел остаться наедине со своим смартфоном и просто оборвать нахрен автоответчик своей жены. В эту секунду я хотел отыметь только телефонную линию и сотового оператора Дарины. Все остальное меня не возбуждало совершенно.

— Вот и чудненько. Подожди меня снаружи.

Я повернулся к господину Якобсу и спросил:

— Ну что? Каково ваше решение?

— Нам нужно обдумать ваше предложение, мистер Воронов.

В этот момент мне чертовски захотелось затянуть покрепче стальной галстук на его жирной шее, да так, чтоб глаза из орбит вылезли. Мать вашу, вы, бл***ь, уже почти месяц думаете.

— Вы знаете, на таких условиях я могу найти и других поставщиков. Да, мы хотели заключить сделку именно с вашей биржей, но что мне мешает вылететь завтра в Южную Африку и проверить ее на гораздо более выгодных для нас условиях, напрямую с "Де Бирс", например? Или в Зимбабве? Или в Израиле?

Якобс посмотрел на меня из-под аккуратных очков в тонкой оправе и перевел взгляд на юриста. Кажется, мой тон ему не понравился, а мне плевать. Мое время тоже не резиновое и тоже стоит денег.

— Вы тут пока подумайте. Я сейчас вернусь. Если ваш ответ не будет положительным, то, я думаю, на этом наши переговоры окончены. Не буду вам мешать принимать решение, господа.

Я вышел из кабинета и тут же увидел блондинистую Наташу, которая явно меня ждала. Увидев, улыбнулась, и кивком пригласила следовать за ней. Повела по длинному коридору, а я нервно сжимал руками сотовый, и когда она отворила дверь одного из пустующих кабинетов, в котором шел ремонт, я тут же достал его из кармана, на ходу набирая номер.

Девушка плотно закрыла за нами дверь, собираясь повернуть ключ в замке, а мне в этот момент в ухо пропел автоответчик, что телефон абонента временно недоступен. Я повернулся к Наташе и, увидев, как она начала расстегивать блузку, протянул несколько купюр.

— Секс мне не нужен. Ты позаботься, чтобы мне здесь не мешали пару минут.

Ее глаза не выражали ровным счетом ничего, она взяла из моих рук купюры, сунула за пазуху и без вопросов вышла за дверь. Умная девочка. Очень умная. Несколько лет назад я бы воспользовался всем, что она могла мне предложить, но не сейчас... когда я думал двадцать четыре часа в сутки только об одной единственной женщине и мечтал поскорее оказаться дома, чтобы весь свой голод выплеснуть только на нее. Голод и ярость за то, что треплет нервы этим молчанием.

Тут же набрал ее номер еще раз — автоответчик. Опять. Взгляд на часы — четыре часа где-то шляться? Без зарядки?

— Мелкая. Не зли меня. Нахрена тебе этот навороченный телефон, если ты не отвечаешь на звонки? И что это за смски — я перезвоню тебе, когда освобожусь? От чего освободишься? Я терпеть не могу чего-то не знать... Особенно не знать, где ты находишься.

Отключился и набрал Андрея — тоже автоответчик. Да они что, сговорились? У Афгана никто не отвечает, и отец тоже еще с вечера трубку не брал. Всемирный апокалипсис настал? Я нервничал. Не мог понять, почему. Это клокотало где-то внутри, где-то там под ребрами, где сердце

почему-то постоянно проваливалось в глухую бездну. Снова перечитал сообщение Дарины. Самое обычное... а мне оно, черт возьми, не нравилось. Оно не такое, бл**ь, как должно было быть после почти трехнедельной разлуки и после ее утреннего: "Я больше не могу, Максим, не могу без тебя. Приезжай поскорее. Я уже задыхаюсь"

И таким контрастом вот это обезличенное, пустое:

"У меня кончается зарядка, милый, я перезвоню, когда освобожусь".

Вот это "милый". С каких пор я стал милым? Автонабор, что ли? У нас с ней были наши слова. Те самые, которые понимают только двое. Те самые, в которых может быть совершенно иной смысл, непонятный посторонним. Мне иногда казалось, что нас связывает какая-то колючая проволока с шипами, и если я дернусь, или она, эти шипы вскроют нам вены. У меня сейчас было примерно такое ощущение — меня вскрывают изнутри. Мое терпение. Оно трещит по швам, и с каждой секундой этот треск все отчетливей. Перезвонил Андрею:

— Граф. Вы там что, вымерли все? Никто трубку не берет. Еще пару часов молчания и я пошлю нахрен эту гребаную сделку и вылечу первым же рейсом. Перезвони мне, как только услышишь сообщение. Бельгийцы трахают мозги. И скажи Даше, чтоб набрала меня.

Я затушил сигарету о подоконник и бросил окурочек в форточку. Снова набрал ее. Как маньяк какой-то. Словно от количества набора что-то могло измениться. Или я вдруг дозвонюсь на выключенный телефон.

— Маленькая. Ты злишься на меня? Я скоро приеду. Обещаю. Если эти идиоты сегодня не подпишут бумаги, я все равно вылечу домой. Перезвони мне. Слышишь? Перезвони мне немедленно.

Вернулся в кабинет к бельгийцам с твердым намерением прервать переговоры. Я уже мысленно мчал в аэропорт. Но меня ошарашили согласием. Закон подлости — превосходно работающая штука. Без перебоев. Четко отлаженная система бесконечности. Вы получаете что-то именно тогда, когда вам это уже не нужно или когда вам это становится безразличным, а еще чаще, когда вам это не в тему. Я выматерился про себя, так как это задерживало меня еще на несколько часов для подписания всех бумаг. Несколько часов тишины и натянутых до предела нервов. Видимо, Якобс, как опытный бизнесмен, уловил перемену в моем настроении. Уловил потерю заинтересованности и сделал выводы, что мне предложили сделку поинтереснее. Конкуренция — самая сильная в мире вещь. Хочешь что-то продать — создай соперничество, и твоя цена взлетит до небес. Людей всегда интересует то, что хотят другие. Значит, оно лучшее. И это касается буквально всего в жизни. Только Якобс вряд ли

предполагал, что тут конкуренция совершенно бессмысленна. Его сверкающие стекляшки не дороже придорожного гравия в сравнении с моей девочкой, которая сейчас занимала все мои мысли.

Пару раз позвонили из гостиницы, и во второй я чуть не взвыл от разочарования. Захотелось вышвырнуть сотовый в окно.

Прилечу домой и душу из нее вытрясу, разобью, нахрен, ее айфон, а потом жестоко отымею всеми мыслимыми и немыслимыми за то, что не отвечала, и сама не звонила. Знает же, что меня ломать начинает через час, а через два я уже волком вою без ее голоса и ее протяжного "Макси-и-им".

Документы подписали не через два часа, а через три, и мне уже было плевать, насколько я вежлив с бельгийцами. Я сухо попрощался и, вызвав такси, рванул в аэропорт.

* * *

Андрей

Мы ехали в машине, и я до сих пор не верил в то, что согласился. Прошлый разговор с Настей закончился на не очень хорошей ноте, идея с гипнозом казалась мне неприемлемой. Во-первых, я не доверял таким вещам, во-вторых, снова подвергать Карину всему этому ужасу... И ради чего? Ради возможного результата? А кто может гарантировать, что не станет еще хуже. Когда дело касается моей дочери, о рисках не может быть и речи. Хватит. Натерпелась... Не виновата ни в чем, а хлебнуть пришлось похлеще многих взрослых. Но когда сегодня ночью она ворвалась в мою комнату, сотрясаясь в рыданиях, испуганная, взволнованная и бросилась ко мне в объятия... Впервые за эти годы... Я оторопел. Заглушая в себе бешеную радость и мысленно отдавая приказы своему сердцу не биться настолько сильно. В горле моментально пересохло, казалось, даже руки задрожали. Ее присутствие здесь, так близко, что я чувствую ее дыхание, объятия, слезы — все это было настолько искренним, что у меня в голове зашумело от накативших эмоций. Я понимал все. Знал, что сейчас ей больно и страшно, что только поэтому и прибежала... Но это уже не важно. Я просто мысленно благодарил, что этот момент наступил. Обнял ее, сильно прижимая к себе...

— Карина, что произошло... Доченька, посмотри на меня...

— Па-па-а-а, — она всхлипывала и не могла успокоиться, — я больше не могу так. Я погибаю. Не могу-у-у.

— Тише, тише, успокойся... Я с тобой... Тебе нечего бояться... Ты не одна... — прижимал к себе ее хрупкое, содрогающееся тело. Как хотелось бы забрать все это себе — ее боль, страх, страдания. Пусть в сто раз сильнее, но только чтобы все это прекратилось. Я видел, насколько она вымотана, как боится наступления ночи, потому что все может повториться опять.

— Папа... я не хочу так больше жить... Так не может дальше продолжаться... — она потихоньку успокаивалась, голос уже не так дрожал, дыхание тоже становилось ровнее. Посмотрела на меня, прямо в глаза, и продолжила, — давай поедem к тому врачу. Пусть этот доктор выковыряет это из меня...

— Карина, давай дождемся утра... и тогда все решим...

— Нет, папа... Я уже решила. Я хочу поехать. Пожалуйста, обещаю мне, что отвезешь. Не отказывай мне сейчас...

Все внутри протестовало против этой идеи. Мне хотелось просто запретить, чтобы она даже мысли об этом отбросила. Настя, черт бы ее побрал, задурила ребенку голову. Зачем? Зачем ей все это? Мы пережили бы все как-нибудь. Обошлись бы без всей этой новомодной чепухи. Я не хотел, чтобы кто-то ковырялся в голове моей дочери, заставляя ее переживать все заново. Только посмотрел сейчас на Карину, в глаза ее, полные мольбы, как она ждет от меня ответа, и понял, что не смогу отказать. Как можно отказать ей, тем более сейчас? Когда она пришла ко мне с криком о помощи, когда сама дала мне в руки то, чего я так долго ждал и добивался — первые ростки доверия.

— Конечно отвезу, Карина. Никаких отказов...

* * *

Настя встретила нас у двери маленького, неприметного здания в тихом районе центра. Смерил ее тяжелым взглядом, я все еще был зол на нее, хотя и понимал намерения и попытку помочь. Просто это слишком серьезно. Я, черт возьми, волновался. Слишком. Мне не нравились эти чрезмерно мощные по своей амплитуде эмоции. Они заставляли чувствовать себя уязвимым. Уязвимым не в плане безопасности — это давно перестало пугать, а в том, что здесь ничего от меня не зависит. Как пройдет? Чем закончится? Поможет или станет еще хуже? Я слишком много потерял. Она — единственное, что у меня осталось, и сейчас я добровольно привез ее сюда, зная, через какой ад ей придется пройти. Я не знал, какими людьми

мы выйдем отсюда. Как игра ва-банк. Все или ничего. Через несколько часов я или обрету дочь, или потеряю ее навсегда.

Настя приобняла Карину за плечо и повела к кабинету. Моя дочь робко прошла вперед по толстому ковру, в котором утопали звуки ее шагов. Бледная, напряженная, она глядела перед собой расширенными, невидящими глазами.

Вижу, как волнуется, и думаю, что еще не поздно все это остановить. Взять в охапку и забрать отсюда, уберечь от той боли, которая ждет... Но она идет вперед, не останавливаясь, не оборачиваясь. Это чувствовалась. Ее решительность и упрямое желание завершить начатое. И сейчас меня переполняла гордость. Да, я гордился, что у меня такая дочь. Сильная, настоящий боец. И мы пройдем через это вместе. Выберемся. Чего бы мне это не стоило.

Невысокий мужчина в свободном сером костюме жестом подозвал Карину к кожаному креслу, которое стояло возле окна. Он тихим и дружелюбным голосом что-то ей объяснял, а Карина в ответ несмело улыбалась и утвердительно кивала.

Мы с Настей сели на диване у дальней стены, и она, бросив на меня предостерегающий взгляд, включила диктофон. Знала, как я отношусь ко всему происходящему, знала, что будь моя воля — ноги бы нашей здесь не было. Это для нее подобное всего лишь часть практики, а для меня — пыточная камера, а не кабинет терапевта.

* * *

— Карина. Прими удобную позу. Расположи спокойно руки и ноги. Откинь голову назад, расслабь шею и подбородок... Твои веки тяжелеют... Глаза закрываются... Я буду медленно считать. И на счет три ты вернешься в тот день, когда тебя похитили. Твои воспоминания начнутся с того момента, как неизвестные люди проникли в вашу квартиру...

— Карина, где ты сейчас находишься и что видишь рядом?

— Звонок в дверь, я открываю замок и меня сбивает с ног распахивающаяся дверь. Врываются какие-то люди. Меня сильно скрутили и затолкали в рот тряпку. Куда-то тащат. У самого подъезда впихивают в машину. Я на заднем сиденье, — она остановилась, сглотнула и продолжила монотонным голосом. — Меня зажали между двумя

мужчинами. Впереди я вижу еще двоих. Они держат меня за руки, один из них зажимает мой рот рукой... — Карина притронулась пальцами к своим губам, а я, едва услышав, как она начала рассказ, чуть не вскочил с дивана, чтобы все это прекратить. Я не могу все это слушать. В подробностях. Как калечат мою дочь. Как ломают ей жизнь. Это все равно, что потерять их обеих опять. Знал, что в этот момент происходило в квартире. В ту самую секунду, когда мы с Максом ехали в машине и шутили по поводу окончания холостяцкой жизни, Лена там истекала кровью, а моя дочь находилась в лапах четырех подонков. Настя сильно сжала мне плечо, молчаливо умоляя набраться терпения.

— Карина... Они что-то говорят? Ты слышишь их голоса?

Она молчала, делая глубокие вдохи, как будто пытаюсь сосредоточиться.

— Мне холодно и страшно, я очень напугана. Больно вывернуто предплечье, я почти не могу пошевелиться, а тряпка во рту и на лице душит и мешает видеть... Слышу, как они разговаривают... — ее голос стал практически не слышен, Карина замолчала, как будто прислушиваясь и пытаюсь разобрать чужую речь.

— Что именно ты слышишь?

— Они переговариваются, говорят про то, что снайпер чисто сработал. Я не понимаю их... Они то на русском говорят, то на своем каком-то... Про охрану говорят какую-то... Нашу, наверное. Меня скручивают на сиденье лицом вниз и придавливают сверху. Сильно и больно. Держат так какое-то время. Про хвост говорят, что следить надо, чтобы погони не было. Машину крутит на поворотах, я головой ударилась о что-то жесткое, наверное подлокотник двери. Не знаю, сколько времени все это длится. С моего лица сорвали тряпку, и я вижу, что мы уже выехали за город, несемся по трассе. Чувствую запах алкоголя... Сильный... Меня тошнит от него... Они теперь смеются... громко... говорят, что уже скоро начнется веселье. А я не понимаю, почему они схватили меня. Может, они ошиблись. Я же не сделала ничего плохого. Не ругалась ни с кем. Почему они ворвались к нам? Я хотела приподняться, в окно посмотреть, наверное, папа уже едет следом. Сейчас он заберет меня. Нужно потерпеть... — Карина то сжимала руки в кулаки, впиваясь ногтями в кожу ладоней, то разжимала их.

— Один из них, смуглый самый, волосы у него как смоль, схватил меня за коленки и раздвинул их. Я пытаюсь сопротивляться, но мне не хватает сил. Он сжимает мои бедра пальцами, до синяков, мне больно, я боюсь, мне хочется плакать, но держусь. Даже слово сказать боюсь, чтоб не разозлить. Он разрывает ткань платья до талии, а тот, что зажимает мой рот,

второй рукой больно хватает за грудь. Я начинаю дергаться... А они смеются еще сильнее. Говорят, что им нравится такая кобылка дикая. Тем интереснее. Что не буду как бревно лежать и эмоции изображать, как шлюхи, к которым они привыкли. Чувствую, как в кожу впивается ткань трусиков, один из них рванул их, материал трещит. Он швыряет их тому, что сидит на переднем сиденье. Они выкрикивают какие-то непонятные слова...

— Карина, попытайся вспомнить их разговоры точнее, опиши все, до последней детали.

— Смуглый говорит с тем, кто спереди... Я слышу, как они говорят о деньгах. О заказе каком-то. Что подфартило им — и потрахаются, и бабла срубят. Потом про указание что-то... что приказали проучить. В живых оставить, но хорошенько потрепать. Урод этот снова оборачивается, пальцы в меня пихает... — голос дрогнул, но Карина зажмурилась сильнее и заговорила быстрее и чуть громче:

— Я напрягаю все силы и мне удастся выдернуть ногу из захвата его пальцев. С всей дури бью коленом в челюсть тому, кто ближе. Вырываюсь, выгибаюсь, мотаю головой и начинаю кричать. Меня трясет, я чувствую дикий ужас и отчаяние. Мне кажется, что если я не смогу вырваться сейчас — то непременно погибну. Кричу, уже не думая о том, будут ли они злиться, надеюсь, что это поможет, что кто-то услышит, спасет... Не могу поверить, что все это происходит со мной... что это не ночной кошмар, — Карина заерзала на кресле, вжимаясь затылком в подголовник. Все. Довольно. Пора прекращать все это. Я привстал, но жесткий взгляд врача заставил меня замереть и я услышал его монотонный ровный голос.

— Продолжай, Карина.

Карина сделала несколько рваных вдохов, и, почти не шевеля губами, продолжила:

— Меня обхватывают за шею, сильно сжимают и выгибают голову назад. Я больше не могу кричать, из горла вырывается только хрип. Мне начинает не хватать воздуха, сил сопротивляться становится все меньше. Мои ноги сильно сжали, и тот, сидел на переднем сиденье, тоже хватает за лодыжку. Он кричит кому-то из двоих, чтоб не придушили, что нельзя, что подохнуть сейчас я не должна.

Тот, кто справа, орет и ругается, говорит, что игры закончились и что я нарвалась. Вскрикиваю от резкой боли, я чувствую ее между ног. Он резко ворвался в меня пальцами и двигает ими очень резко и быстро. Я не могу терпеть, скулю, плачу, чувствую, как горячие слезы скатываются по лицу и шее. Между ног жжет, словно огнем. Боже, как же больно. Не могу... не

могу... — Карина замотала головой и крепко сжала ноги в коленях.

— Что происходит дальше?

— Он убирает руку, и я могу выдохнуть. Чувствую, как сердце бьется, кажется, сейчас выпрыгнет из груди, и мне хочется плакать. Убежать далеко, чтобы никто не видел, и плакать. Постоянно... Навзрыд... Мне больно. Мне плохо... Я боюсь... боюсь, что это только начало. Он говорит довольным голосом, что все, порвал меня, теперь можно и по-нормальному трахать. Вижу на его пальцах кровь, он подносит их к моему лицу, растирает ее по щеке и опускает руку к груди, — Карина сделала паузу и облизнула бледные пересохшие губы. — Он продолжает говорить, как будто специально, чтобы я слышала и понимала, что они еще не закончили. Что все это — цветочки. Что благодаря мне они получают дохрена денег, что наверное Аллах их наградил за какие-то хорошие дела.

Какой, к дьяволу, Аллах? Итальянцы всю жизнь были католиками. Какой, бл***, Аллах? Я не знаю, какие мысли сейчас сводили меня с ума больше — о том, что я услышал из уст своей малолетней дочери, или о том, что убил я не тех. Не тех, бл***. Что мстили мы не тем. Что мразь, которая все это организовала, еще не подохла, захлебываясь своей кровью. Я взорвусь сейчас нахрен в этом кабинете и разнесу его в щепки. Я не могу больше сидеть и спокойно слушать, как моя дочь задыхается в отчаянии, как плачет. Настя шепнула мне на ухо, что я должен взять себя в руки, иначе только испорчу все. И потом, рано или поздно, придется все начинать сначала. Умоляла меня просто перетерпеть, ведь Карине сейчас не легче. Голос моей дочери, которая, собрав все свои силы, выплескивала сейчас всю свою боль, заставил меня, сжав челюсти и сорвав верхние пуговиц рубашки, слушать дальше.

— Они опять смеются... черт, ну почему они постоянно смеются? Мне хочется заткнуть им рты... Пусть умолкнут... Этот их смех пугает меня еще больше. До ужаса. Не надо, пожауйста... ну хватит... Ну что им от меня нужно?

Тот, кто держит сзади, сильно стискивает мне грудь, выкручивая сосок, сжимая его так, что у меня на глаза наворачиваются новые слезы. Мне кажется, я задохнусь от них сейчас. Мне трудно дышать... Потому что понимаю уже, что выхода нет. Не спасет меня никто. Не приедет папа... вряд ли он вообще знает, что я здесь... и что со мной делают...

Смуглый перекидывает мою ногу через себя и наваливается сверху. Возится со своими штанами, и я снова кричу. Пытаюсь его укусить, долблюсь затылком в того, кто держит сзади. В этот раз меня хватают за волосы, выдирая их с корнем, а тот, кто сидит спереди, удерживает мое

колени, раскрывая меня тому... смуглому. Он упирается в меня... Он крепко держит за бедро и тычет в меня свой член. Его рожа нависла над моим лицом. Я даже вижу капли пота, которые выступили на его лбу... Они катятся по его щекам и мне противно... Что он прикасается ко мне... потный, мокрый, с вонючим дыханием... От него несет перегаром... Мне тяжело, он навалился на меня всем своим весом, пыхтит, закатывает глаза, и я вижу, как его лицо то приближается, то отдаляется в такт его движениям... Я хочу умереть... да... прямо сейчас... Я не хочу жить... Я хочу, чтобы они оставили меня в покое... Пусть все это закончится... Боже-е-е, за что? Забери меня, если ты есть... Забери... помоги... — Карина содрогнулась и голос ее сорвался, прерываясь тихими всхлипами.

Доктор опять посмотрел в мою сторону и, вытянув руку вперед, дал понять, что вмешиваться нельзя. Не сейчас. Когда львиная доля пути пройдена. Не навредить... вот что сейчас нужно. Терпи, Андрей. Терпи. Это справедливая плата за то, что не смог тогда защитить и быть рядом. Так будь сейчас, хотя бы так, но раздели все это с ней. Ее горе, боль, страх и отчаяние, которые теперь станут общими. По-настоящему.

Врач сделал небольшую паузу, но уже через несколько секунд продолжил.

— Карина, ты в безопасности, говори дальше.

— Он слезает с меня и вытирается обрывком моего платья. Тот, кто сидит впереди приказывает сворачивать в лес. Мы останавливаемся. Они опять смеются. Выкрикивают что-то и матерятся. Через минуту он занимает место первого, только теперь тот, кто сзади, разворачивает меня к себе лицом и тоже расстегивает штаны. Мои руки стягивают ремнем безопасности, и я уже ничего не замечаю. Ничего не вижу и не понимаю. Все их лица смазались, я закрыла глаза и просто молчу. Не буду кричать, не издам ни звука больше. Мне не поможет это. Не спасет. Скорее, их подзадорит. Но я больше не дам им этого удовольствия. Я лежу словно кукла. Не двигаюсь. Не издаю ни звука. Терплю боль, кусаю себя за щеку, только чтобы продержаться. Еще один толкается в меня, а второй фотографирует и пьет что-то из бутылки. Они опять на своем говорят. Да я и не пытаюсь слушать. Какая разница уже... Слышу, как звонит телефон и смуглый отвечает. Он доволен, по голосу слышу, что разговор эмоциональный. Но не понимаю ни слова... кроме имени Ахмед...

И в этот момент умереть захотелось мне... Словно я стою на каменной горе и она начинает осыпаться, разваливаться, а я лечу головой вниз... Только это уже не имеет значения... Я лечу и понимаю, что теперь

единственное, что меня ждет — это пропасть... мрак... тьма... и я так и не достигну их дна. Никогда. Задыхаясь и корчась от боли. Пока не сгною его и всю его семью. Камня на камне не оставлю от его дома. Сотру с лица земли любое упоминание. И пока хоть кто-то из его близких будет жить — я тоже не подохну, потому что месть — вот что теперь будет заставлять меня жить...

* * *

Врач уловил мое состояние и понял наверное, что на этот раз сдержать меня не получится, что с сеансом лучше заканчивать. Он вывел Карину из гипноза, а я вскочил со стула, чтобы в тот момент, когда она открыла глаза — я был уже рядом. Хотя бы сейчас... Она открыла глаза и несколько секунд пыталась сфокусировать взгляд. А потом, придя в себя, разрыдалась и опять бросилась мне в объятия. Дьявол, мне казалось, что я сейчас и сам не смогу удержаться. Девочка моя... Маленькая... Что же тебе пришлось пережить. Перетерпеть. Не сломаться... Она уткнулась лицом мне в грудь, и я сжал ее столь крепко, словно последний раз в жизни. Хотелось спрятать от всего мира. Чтоб не видел никто. Чтоб не посмел обидеть больше. Не дам. Не позволю. Она продолжала плакать, а я не размыкал объятия, боясь пошевелиться, готов был сидеть тут на корточках целую вечность, лишь бы ей стало хоть немного легче. Врач с Настей тихонечко вышла из кабинета, оставляя нас наедине. Я не знаю, сколько времени прошло. Сейчас его для меня не существовало... Мы просто молчали, она рыдала, а я молчал, терпеливо ждал, пока она произнесет хотя бы слово. Боялся сказать что-то не то. Испортить окончательно. Просто молчаливая поддержка, как безмолвное обещание, что я всегда буду рядом. Чувствовал, что ее плечи перестали вздрагивать, плач становился все тише, ее тело обмякло, и я подхватил ее на руки. Она склонила голову на мое плечо и обвила руками шею.

— Папа, ты же больше не уйдешь?

— Никогда... Никогда не уйду... Клянусь...

Я нес ее на руках и, проходя мимо врача и Насти, уловил ее жест — она приложила руку к уху, давая понять, что перезвонит и расскажет, что делать дальше. Сейчас говорить о врачебных рекомендациях совсем не время. Я отнес Карину к машине, она захотела лечь на заднем сиденье, ссылаясь на усталость. Свернулась там калачиком и смотрела в одну точку, а я, выжимая педаль газа, тронулся с места. Не зная, что нас ждет дальше.

Посмотрел на беззвучный сотовый и увидел, как мигает индикатор пропущенных вызовов. Этот чертов аппарат надоел мне до тошноты. Хотелось вышвырнуть его через окно, ни с кем не разговаривать, потому что я давно забыл уже, что такое хорошие новости. Постоянные проблемы, дела, форс-мажоры, чужие просьбы и вынужденные одолжения. Я хотел побыть с дочерью. Отвезти ее куда-то далеко, в маленький домик в горах, где тишина может свести с ума кого угодно, но не нас. Сейчас она была нам нужна. В ней — настоящая истина. В ней наша возможность услышать самих себя и понять, что важно... Только один взгляд на дисплей — и отключу. Решил уже. Только увиденное заставило напрячься — это был звонок из больницы.

— Я слушаю...

— Андрей Савельевич, Вы должны приехать в больницу. Немедленно.

— Что произошло?

— Ваш отец мертв. Его убили. Прямо в палате...

ГЛАВА 6. Андрей

Мне казалось, что все, что происходит сейчас вокруг, не может быть реальностью. Не может. Так, будто ты находишься в каком-то гребаном зеркальном лабиринте, липкой паутине, мечешься, бежишь куда-то, суетишься, но все это — чья-то изощренная и тщательно продуманная игра. Игра человеческими жизнями. А мы, как пешки, снуем по этим коридорам, комнатам без окон и с сотней выходов, не зная, куда свернуть и что нас ждет в следующую секунду. Я не мог отделаться от ощущения нереальности происходящего. Потому что ни я, ни Карина не успели еще отойти от того, что происходило в кабинете врача, и тут этот звонок... "Приезжайте немедленно, Андрей Савельевич, Ваш отец мертв... Его убили..."

Убили, бл***. Под носом у десятков людей, охраны, среди белого дня... Что за ересь? Только они повторили это несколько раз. Он мертв. Еще утром все было иначе. Иначе, вашу мать. А сейчас все походило на чертовы руины, гребаный конец света, а ты среди всего этого хаоса пытаешься куда-то убежать, найти какое-то решения, делаешь вид, что ты бл***кий супермен, который спасет этот рассыпающийся в пепел мир.

Когда положил трубку, Карина сразу подскочила, поняла, что что-то произошло. Хотя я произнес всего несколько слов. Она просто знала это. Я сказал, что ничего серьезного, всего лишь очередные неполадки в делах, но она не поверила. Чувствовала... Промолчала, несмело кивнув... только мы оба понимали — скрывать это вранье долго не получится. Когда приехали домой, вошли внутрь, практически не разговаривая. Чувство опустошающего отчаяния после сеанса гипноза отнимало и силы, и желание думать о том, как быть дальше. Придет время, и оно ослабнет, отпустит из своих тисков, а сейчас нам осталось довольствоваться только надеждой. Хрупкой, слабой, неокрепшей. Но самое главное, что она у нас появилась... Лишь она позволяла сейчас держаться. Я крепко обнял дочь, так, словно больше всего на свете боюсь отпустить ее хоть на мгновение. Мы стояли посреди комнаты, все так же боясь нарушить тишину, пока мой сотовый опять не позвонил. Словно напоминая, что время вышло. Нет его больше. Я поцеловал Карину в макушку, а она пообещала, что выпьет снотворное и поспит, сам же пулей вылетел в сторону больницы.

Ехал и повторял сам про себя, что это какая-то ошибка, недоразумение, этого просто не может быть. Сколько людей говорят себе

эти глупые слова, в которых скрыта последняя надежда, хотя каждый знает, что это самообман. Оттянуть еще немного время, оставить для себе эти несколько минут... чтоб подышать, потому что потом все рухнет. В один момент...

Я наконец-то взял в руки телефон. Ненавидел сейчас этот чертов аппарат, я, бл***, готов был разбить его вдребезги, словно от этого может что-то измениться. Я, черт возьми, не хотел больше никаких новостей. Более двадцати неотвеченных от Макса. Что за... Вспомнил потом, что во время сеанса выключил звук в телефоне. Представляю, в каком котле из мыслей и догадок варился брат эти пару часов. Набрал и уже знал, что на меня сейчас выльется поток брани... Кричи, Макс, кричи. Мне это нужно сейчас. Потому что потом орать будет трудно, каждый звук застрянет в глотке липкой глиной.

— Да, Макс...

— Граф, бл****. Я не знаю, что я с тобой сделаю, когда увижу, ты какого хера не на связи?

— Потом... все потом. Сейчас в больницу. Срочно.

— Да, вот точно в больницу. Она нам сейчас, я чувствую, понадобится. Я места себе не нахожу. Что у вас там, бл***, происходит?

— Ты прилетел уже?

— Да, и ни с кем из вас не могу связаться.

— Езжай в больницу. Прямо сейчас. Не телефонный разговор...

* * *

Меня отправили на нижний этаж и, проходя по темным коридором, я чувствовал, как тело сковывает холод. Не от того, что здесь сыро и температура воздуха ниже, чем наверху, а потому что дыхание смерти всегда окутывает нас морозной белой дымкой. Парализуя тело, выбивая из головы мысли, выковыривая из сердца все чувства, кроме одиночества. Его вдруг ощущаешь настолько остро, что мертвым становится весь мир. Потому что именно сейчас никто и ничто не имеет значения. Есть только ты, твое горе и тот, кто забрал с собой часть тебя самого. Это понимаешь только когда теряешь... Я потерял... в очередной раз...

— Смерть наступила час назад. Его отключили от аппаратов жизнеобеспечения. Все зафиксировала камера... — голос врача звучал как будто из подземелья.

— Возле его палаты круглосуточно стояла охрана. — Я чувствовал,

что наконец-то пустота внутри уступает место ярости. Схватил врача за халат и, резко дернув на себя, прошипел. — Как это могло произойти?

Он испугался, глаза забежали, и он, судорожно сглатывая слюну, попытался мне ответить.

— Господин Воронов, посмотрите видео... там... там все видно... Я не виноват... отпустите... умоляю.

Я отшвырнул его от себя и быстрым шагом направился к выходу. Мы зашли в лифт, и я с отвращением смотрел на дрожащую руку доктора, который нажимал на кнопку с цифрой три. Боится, мразь. Понимает, что есть от чего. Мы вошли в небольшую комнату, где все было готово для того, чтоб пересмотреть запись с камеры наблюдения.

— Секунды бежали, но ничего не происходило. Отец лежал неподвижно, глаза закрыты, исхудал до неузнаваемости. Так прошло несколько минут, пока дверь не отворилась и в палату не зашла Дарина... Она подошла к отцу, наклонилась к его лицу, словно шептала что-то... а потом схватила его за волосы и плюнула прямо в лицо, после чего отошла, утирая губы тыльной стороной ладони и смазывая помаду. Что это, бл***, за дрянь? Кровь хлынула к голове, вызывая резкую боль в висках, и я резко вскочил, не понимая, что происходит. Швырнул стул и, резко оборачиваясь, пошел в сторону охранника, который нажал на пульте кнопку, чтобы остановить запись.

— Что за херню вы мне тут показываете? Это что за дешевка? Жить, бл***, надоело. К Ворону захотели? Вырвал пульт из его рук и, приподнимая за воротник, прижал к стене. — Кто приказал склепать это дерьмо? Кто? Отвечай, пока у тебя есть язык... потому что потом я его своими руками вырву.

— Ан-ан-андрей... — задыхаясь и заикаясь, он покрылся потом и покраснел в один миг, словно его кожу ошпарило кипятком... — вы можете проверить... это не подделка... смотрите дальше...

— Проверять? Ты, дрянь, что мне подсунуть собрался? — ударил кулаком в живот, а когда тот согнулся, обхватив себя руками, добавил локтем между лопаток. — Молись, потом некогда будет... Ты не жилец больше.

Я включил плей и оторопело смотрел, как Дарина, отключив все аппараты, смела с прикроватной тумбочки все вазы с цветами и рамку с семейным фото, с которой Сава в последнее время не расставался. Она подбежала к ней и начала с остервенением топтать, разбивая помутневшее стекло каблуком и разламывая оклад на щепки. Дальше сорвала с отца простынь и глумливым вычурным жестом бросила ее на пол. Она вытерла

о ткань подошвы сапог. С утра лил дождь, и простынь на полу покрылась мокрыми грязными следами. После этого она совершенно спокойно, не спеша, вышла из палаты, аккуратно прикрыв за собой дверь...

Я сжимал пальцами переносицу и, в сотый раз пройдя из одного конца комнаты в другой, опять и опять пересматривал эту запись. Я связался с охраной, которая вела ее с самого утра. От дома и по всему пути. Они отчитались за каждую минуту... Все факты свидетельствовали против нее. Только сейчас я был готов опровергнуть все что угодно, даже то, что видел собственными глазами, признать себя сумасшедшим, сознаться в зрительных галлюцинациях, временном помешательстве — но только не поверить в очевидное. Нет. Это невозможно. Никогда в жизни она не поступила бы так. Только не Дарина. Мы не могли так ошибиться... Это же моя сестра... В этом нет никакого смысла. Нет причин. Нет мотива. Тем более делать это настолько демонстративно, открыто, не скрываясь. Нет... мы проверим эту запись. Это гребаная фальшивка. Фикция. Она сама все объяснит... Да... нужно найти Дарину, организовать похороны отца, а потом найти ту мразь, которая устроила этот бл***ий фарс.

— Артур, поднимайся сюда... Заберешь сейчас одну запись, проверишь ее на монтаж и узнаешь, откуда она могла взяться. Макс подъехал? Хорошо.

* * *

Макс

Я просто смотрел на экраны мониторов и не мог выдохнуть. Я окаменел. Весь. От кончиков пальцев до кончиков волос. И рядом брат, такой же каменный. Мы смотрим на застывшую картинку с разбитой фотографией и оба не можем сказать ни слова. Я стук наших сердец слышу в этой тишине. Она, сука, живая, как подлая, уродливая тварь, ползает по узкой комнате и опутывает нас двоих паутиной. Я ее кожей чувствую, как тянется вдоль тела, наматывая адские круги. А там время остановилось на наших лицах под разбитым стеклом, и на нем капли грязной воды. Мы эти кадры раз сто пересмотрели. Я, как невменяемый, просил еще и еще, по телу пот холодный ручьями, сердце бьется то быстро, то медленно, а мне хочется, чтоб оно заткнулось. Просто заткнулось хотя бы на пару минут, чтобы я думать мог, чтоб мозги начали работать, а они каменные, как и все тело.

Один удар — и ты, может быть, еще стоишь на ногах, сплевываешь кровь, шатаешься, но стоишь, а вот два одновременно поставят на колени кого угодно, и я чувствовал, что упал. Скрутило меня, и разогнуться не могу. Еще нет осознания, нет восприятия происходящего, только кадры перед глазами и это проклятое окаменение. Знаю, что надо что-то делать, орать хочется и голоса нет. Потому что я впервые не могу понять "ЧТО ДЕЛАТЬ?" Я не могу выпутаться из этой гребаной паутины. Мертвый отец в палате, укрытый с головой простыней, бледный как смерть брат рядом, а на кадрах то самое мое счастье жизнь нашу крошит каблуком сапога. Цинично так. Размеренно. И потеки грязи на стекле остаются. Грязные слезы сожалений.

Это фальшивка. Не могла она. Кто угодно, бл**ь, мог, но не она. Я же знаю ее. Я же ее знаю. Лучше, чем себя. Мою девочку. Чувствую ее. Уловить настроение могу по взмаху ресниц. Слезы вижу, когда она сама еще о них не знает. Что снится знаю, по дыханию чувствую, когда спит у меня на груди.

Это какая-то мразь подделала, и когда я эту мразь найду, я от нее мясо по кусочкам отгрызть буду. Зубами. Пока до костей не обглодаю. На живую. За вот эти минуты, когда мы оба с Графом подышаем стоя, когда рыдаем молча и орем немymi ртами, зашитыми тем самым окаменением. Ни звука не слышно, а у меня от нашего крика барабанные перепонки лопаются, и голова разламывается на части.

— Простите.

Мы оба вздрогнули, но не обернулись.

— Тело в морг пока заберем? Или вы еще хотите зайти к нему?

Я медленно повернулся к врачу, не пойму, о чем он. Вроде слышу хорошо, а понять не могу.

— Куда забрать?

— Тело вашего отца в морг.

А мне кажется, он что-то странное говорит. Не про Ворона. Не про нас вообще. Андрей глухо сказал, чтобы увозили пока и чтоб никаких ментов. Чтоб ничего не просочилось за стены больницы. Ничего о насильственной смерти.

Смерти. Я словно впервые услышал это слово. Оно вдруг стало каким-то объемным, похожим на кусок льда, и меня от него морозить начинает. Словно в руках его держу, а выбросить не могу, оно к пальцам примерзло.

Врач перепугано и быстро кивал, а я на них обоих словно сквозь рваные куски тумана смотрю и все еще ничего понять не могу. Он вышел, а Андрей подошел к мониторам и вырубил изображение. И как насмешка они

погасли не одновременно, а по очереди каждый.

— Пойдем на воздух выйдем, брат. Хреново мне тут. Дышать не могу.

Вышли во двор больницы, вроде солнце светит, а мне темно. Хочется руки протянуть и в темноте выключатель найти, чтоб снова свет появился. Это бред какой-то. Кошмар затяжной или фарс.

Закурил, на автомате Андрею предложил. Брат тоже сигарету взял. У обоих руки ходуном ходят так, что зажигалка не срабатывает.

— Следы тут обрываются... — голос Андрея, как чужой, хриплый, севший, — она словно не вышла из больницы. Уже все вверх дном перевернули. Но нет ее. Переоделась, видно, и либо с черного хода, либо наши вообще не узнали. Сотовый по-прежнему вне зоны. Город прочесывают. Пока глухо.

— Это не она, — сам не знаю, сказал вслух или это у меня в висках пульсирует.

— Не она, Макс. Запись отдали профессионалам. Скоро разберемся с этим.

— Не могла она так, — я смотрю в никуда, а перед глазами все тот же каблук сапога в фото впечатывается. С остервенением топчет... топчет... топчет... — не могла она. Не могла, слышишь? НЕ МОГЛА ОНА.

Заорал, и в тот же момент Андрей мне в плечи вцепился. Лицо близко, в миллиметрах. Белый до синевы, и только глаза лихорадочно блестят, как у сумасшедшего. Мне кажется, в них мои такие же дикие отражаются.

— Не могла, — кивает и сильнее плечи мне сжимает. — Не она это. Не она, брат.

Сам повторяет и в глаза мне смотрит, а я ему. И трясет нас обоих, как в лихорадке. Взрослых мужиков, смертей перевидавших в своей жизни больше, чем кто-либо другой. Но к нам сейчас не только смерть пришла. Воздух, как ядом пропитан предательством, и легкие нам обжигает. Нас оглушило обоих, и мы пока что с братом хреново справляемся с ударами. С колен встать не можем.

Мой сотовый запищал. Я все еще в глаза Андрею смотрю и тянусь за аппаратом. Уведомление с электронной почты. От нее. Сердце рвануло вниз, заколотилось так, что ребра заболели.

Руки трясутся и телефон из пальцев выскользывает. Открыл, а буквы перед глазами пляшут. Я читаю, а они в ровную черную полосу выстраиваются. Вроде вижу все, что написано, а мне кажется, я читать разучился. Там не может быть написано то, что я прочел. Там должно быть что-то совершенно другое. Что угодно, но не этот бред.

— Прочти. Не могу понять ни слова. — голос сорвался. Сотовый брату

протянул.

Понял, что он сначала про себя прочел и сильно, до хруста челюсти сжал.

— Вслух, Андрей, — а у самого перед глазами точки прыгают.

— Я ухожу от тебя. Все имело свой смысл. Не ищи. Все равно не найдешь. — Андрей откашлялся, затянулся сигаретой. — Все ненастоящее. И я не настоящая. Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно. Я рада, что все это наконец прекратилось.

Я отобрал у него телефон и сам еще раз перечитал. Не больно. Нет. Боль, она иная. Когда больно — чувствуешь себя живым. А я себя не чувствовал. Омертвел. Все еще камень ледяной.

— Почту могли взломать, — голос брата сквозь вату и шум в висках.

— Могли.

"Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно".

Горящую сигарету в пальцах сжал и боль не заметил. Ладонь прожигает и мясом паленым воняет, а я эти слова ее голосом услышать не могу. Все, что раньше писала слышал всегда. Даже интонацию знал. А тут не слышу. Вижу, чувствую, как они осколками в мозги впиваются, но не слышу.

— Ноутбук сейчас отвезут к Глебу, он проверит и почту, и ай пи, Макс. Ты слышишь меня?

— Да, я его слышал, посмотрел в глаза, а там — та же бездна из отчаяния, но мы за надежду цепляемся вдвоем, намертво держимся.

— Искать будем. Каждый шаг по минутам отследим. Каждую секунду и мгновение. Найдем ее, а дальше разберемся с теми, кто эту херню затеял и раздерем на части, брат.

Я кивнул и сотовый в карман сунул.

"Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно".

— Поехали. Насчет похорон надо распорядиться, — голос не мой. Я его впервые слышу, голос этот.

— Ее подставляют, Макс. Нас всех втягивают в какое-то дерьмо. Я чувствую вонь... только откуда, и кто? Мать их. Какая тварь рискнула? — и словно сам себе, плечо мое сжимает, курит уже черт знает какую сигарету и хрипло говорит мне, нам, — Мы узнаем, кто. Нам только немного в себя прийти. Сейчас наши камеры по городу прверяют, шерстят каждый сантиметр. Ответы будут, и очень скоро. Найдем падлу, которая это устроила и похороним нахрен.

Держимся изо всех сил, а я вижу, как он сам надломлен, только виду не подает. Отец ближе ему был, чем мне. Воспитал все-таки. Любил, как умел. И нет его теперь. Нет у нас больше отца. Только мы вдвоем и остались. Вот так цепляться друг за друга, стоя мысленно на коленях, раздавленные и размазанные. Осознание, что его больше нет... придет позже. Но с колен вставать надо. Обоим. И искать.

— Поехали, — я сам сжал его руку у себя на плече.

* * *

— Переписку нашли. Вела ее несколько месяцев постоянно, с двумя. Удалила письма, но Глеб восстановил. Ее ай пи и те два других. Писала прямо из дома. У вас статический адрес из-за сигнализации и камер наблюдения.

Я водку из горла глотнул и сильно затянулся сигаретой, глядя на Фиму, сидящего напротив Андрея, который сцепил пальцы и сжал так, что мы все слышали хруст костей.

— Восстановим текст с сервера и перешлем вам. Пока что работаем в этом направлении.

— А что с другими ай пи? Вычислили кого-то?

— Да. Есть адрес. С минуты на минуту получим точные координаты, и можно выезжать.

Фаина увезла Карину к себе еще до того, как мы приехали к Андрею. Ей пока не нужно знать про дедушку, потрясений и так хватило. А мы с братом уже несколько часов шаг за шагом восстанавливали передвижения Дарины. Афган несколько раз зашел к нам, но как на Андрея взглянет, так и слезы по обветренным щекам катятся. Похож на отца потому что. То ли смотреть больно. Потом в морг уехал. Сказал, будет до последней секунды присматривать, пока гроб в могилу не опустят. Он слово дал. У него работа такая.

— И опять тишина, а в ней часы тикают, и водка не берет ни меня, ни Графа. Горло обжигает, а мозги как были каменными, так и остались. Зазвонил сотовый, и уже никто не вздрогнул. Андрей автоматически ответил, включил громкую связь.

— Да, Глеб.

— Пробыли первый ай пи. Есть адрес. Это гостиница "Интерконтиненталь". Список постояльцев за последние три дня выслал вам на мейл, Андрей Савельевич. По второму работаем. Сервер находится в

Уганде. Зашифровался, паскуда. Но я вычислю. Просто времени больше потребуется.

— Ищи.

— Андрей посмотрел на меня, а я глотнул еще алкоголя и рот ладонью вытер. Морозит. Все никак не согреюсь. Лед теперь внутри, а не снаружи.

— Там постояльцев тысячи, бл*. А ай пи гостиничный. Что нам это даст?

— Я просмотрю поименно. Мало ли.

— Смотри.

Сполз по стене на пол. Бутылку рядом поставил.

"Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно".

Одно слово там... слишком личное. Наше слово. Предложение в голове вспыхивает болью. Бывают минуты, когда я о нем не думаю, а оно вспышкой ослепляет неожиданно и у меня внутри все как через мясорубку, а потом опять отпускает.

— Твою ж, сука, гребаную мать. Давыдов. Среди постояльцев. Борис Давыдов, Макс.

Я вскинул голову и сжал сильно горлышко бутылки.

— Думаешь, это как-то связано?

— Не знаю. Сейчас кое-что проверю.

Андрей набрал кого-то, а я к окну подошел — снег срывается с неба и морозный узор по краям стекла витиевато застыл. Еще глоток водки сделал и пальцами по стеклу провел, а они такие холодные, что даже следов не оставили.

— Макс, поехали. Эта мразь прилетела не несколько недель назад, а уже пару месяцев тут торчит. Давай. Мне кажется, он что-то знает. Не верю я в совпадения.

ГЛАВА 7. Максим

Давыдова мы поймали не в гостинице. Он к тому моменту уже съехал, сука. Катался по городу. Вычислили по сигналу сотового, догнали мразь по дороге в аэропорт.

То, что замешан, сразу поняли. Сам спалился, нервничать сразу начал. Он как машины наши заметил, скорости прибавил. Уйти пытался, ублюдоч. Только мы слишком озверели, чтобы дать ему слинять. Мы жаждали крови и ответов. Много крови и исчерпывающих ответов на каждый из наших вопросов. Я бы за ним и в ад отправился. Да и Граф, я думаю, тоже. Пожалуй, это единственное, что не давало нам обоим сломаться, не давало думать о том, что похороним отца, о том, что та тварь, что его убила, втянула нас в самый жуткий фарс, какой только можно придумать.

Догнали, перекрыли дорогу, отрезая пути к отступлению, прямо на трассе. Долго вели, загоняли на окружную, чтоб некуда деться было, чтоб на виду оставался, не нырнул в какую-то глухомань. Могли, конечно, расстрелять, но нельзя, он — единственная зацепка.

Сука трусливая, даже из машины не вышел, вжался там в сиденье со стволом в обнимку, орал, что всех порешит. Наши окружили тачку, но подойти не могли, да и эта падла был нужен нам живым и людьми своими мы с Графом рисковать не хотели. Предчувствие бойни в скором будущем. Каждый человек на счету.

— Я его сейчас заставлю выйти, или спрессую к такой-то матери вместе с его железкой.

Подошел к джипу и сел за руль, чувствуя, как адреналин вяло заструился по венам и тут же замерз. Полный коматоз мыслей и эмоций. Я балансировал где-то на грани здравого смысла и полного срыва в бездну. И меня сорвет рано или поздно. Я знал об этом. Держался дикими усилиями воли. Не слететь с катушек. Не сейчас. Нельзя. Иначе все в кровавое месиво превращу. А нам ответы нужны. Андрей бросал на меня иногда обеспокоенные взгляды: "Ты как?"

"Херово, но держусь".

Вдавил педаль газа и поехал на Давыдова, глядя прямо в глаза. Раздавлю падлу, как трусливое насекомое, или выкурю из тачки. Третьего не дано.

"Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно".

Он стрелял по стеклам, но джип бронированный, да и мне было пофиг, я пер на него как танк. Пока эта мразь не выскочила из машины и не упала на землю, закрывая голову руками. Вот так, сука. Вот так. А теперь поговорим.

Его подняли за волосы и поставили на колени, окружили плотным кольцом. Андрей сдернул с его шеи галстук и пнул в спину. Я нагнул его, удерживая за волосы, и брат затянул ему запястья галстуком. Давыдов лихорадочно озирался, всматриваясь в наши лица.

— Вы чего? Граф. Вы чего? Я только немного приврал с процентом. Всего пять накинул себе. Так я все верну. Клянусь.

Ему никто не отвечал, только ногами отпинали под ребра под вопли и хруст костей, чтоб почувствовал, что никто не шутит. Когда отдышался, снова за волосы — и на колени поставили, и тогда уже я спросил у него, наклоняясь к ублюдку и поигрывая ножом у его лица:

— Где она?

— Кто?

Удар в челюсть, и он сплевывает кровь на землю вместе с парой зубов, дрожа всем телом.

— Где она?

— О ком ты, Зверь?

Я присел перед ним на корточки и поднес к его глазам нож, он судорожно сглотнул. Андрей схватил его за волосы сзади и прорычал ему в ухо.

— Я нанижу твои глаза на это лезвие, а потом ты будешь их жрать, а я буду слушать, как они хрустят у тебя на зубах.

— Где. Моя. Жена? — и лезвие у самого зрачка, а Граф держит крепко за веко, чтоб сука даже моргнуть не мог.

— Я думал, вы из-за процентов... я думал...

Удар по яйцам с носака, а он не может и скорчиться, так как острие ножа у самого зрачка, только завыл, заскулил, как псина паршивая.

— Заканчивай думать, Боря. Думать уже поздно. На вопросы отвечай и, может быть, сегодня ты не умрешь. Только правду говори — какая мразь увезла мою жену, в какую гребаную игру вы все здесь играете и какого хрена она писала тебе, пока ты сидел, как гнида, у себя в гостинице? Отвечай.

Еще один удар, и у него из глаз от напряжения слезы покатались.

— Тебе не понравится правда, Зверь. Не понравится, и ты убьешь меня, — взвыл он, тяжело дыша и облизывая пересохшие губы.

— Ложь мне не нравится намного больше, и у меня кончается

терпение. Без одного глаза ты станешь разговорчивей?

— Ты хочешь, чтоб я говорил при всех? Ты реально этого хочешь, Зверь?

Я резко посмотрел на Графа. Друг другу в глаза, едва заметный отрицательный кивок и брат отпустил голову Давыдова, а я убрал нож от его глаза. Наверное, именно в эту секунду внутри оборвалось что-то. Мы оба знали, что он может сказать. И да, пока что ни я, ни брат не хотели, чтобы наши что-то поняли... **НО МЫ ОБА ЗНАЛИ.**

— В машину его. Поговорим в другом месте.

* * *

Давыдов только с вида казался таким трусливым, либо он кого-то боялся больше, чем нас с Графом. Так как говорить он не торопился. Висел вниз головой в гараже, синий от побоев, и нес, сука, какую-то ахиною, совершенно неинтересную ни мне, ни Графу, который, как и я, методично бил эту тварь, как боксерскую грушу. А потом я понял, что он тянул время. Или думал, что спасет его кто, или для кого-то выигрывал отсрочку.

Он сломался, когда я сунул лезвие ему под ребро, после того как расписал и его грудь, и спину кровавыми узорами.

— Мне надоело. Если ты ничерта не знаешь, то почему бы мне просто не наделать в тебе дырок по периметру твоей туши. Лезвие, оно как член, Боря. Им можно делать непрерывные толчки в одну и ту же дырку, то медленно... вот так, — я высунул лезвие и снова погрузил его обратно, под протяжный и мучительный стон боли, — или долбиться им вот так, — резко по самую рукоять и тот заорал, дергаясь всем телом.

— Когда я вытащу его, ты истечешь кровью. Она будет бить фонтаном, заливая здесь все вокруг.

Склонился к его лицу.

— Затем я выколю тебе глаза. Не быстро. Сначала один, потом другой. А Граф отрубит тебе пальцы. Один за другим. Под конец я отрежу тебе член. Тебя найдут по частям, Боря. Тебя даже не опознают. А есть и другой вариант...

Резко вынул нож и зажал рану на его боку пальцами.

— Я привезу сюда врача, тебя заштопают, и будешь ты как новенький, Боря. Только шрам останется на память.

И он сломался, заливаясь слезами и дрожа всем телом.

— Она у Бакита. Должна отплыть в Турцию с партией девок... — он

закашлялся, а я резко сунул пальцы в рану, и он зашелся в крике.

— Когда должна отплыть? И откуда?

— В четыре часа. Зве-е-е-рь... я все скажу. Все скажу. Шлюха она. Не стоит так... за нее.

Я вонзил пальцы глубже, прокручивая, и он обоссался от боли. Но мне сейчас было похрен на все. Я уже не мог остановиться.

— Моя жена не шлюха. Я вырву тебе язык. Вы ее заставили, мразь. Отвечай. Заставили?

— Ма-а-а-акс, пожалуйста... я все... скажу. Не надо.

— Говори, — но пальцы не вытащил, только прокручивать перестал. Головой повертел до хруста в позвонках.

— Она сама, понимаешь? Они с ним давно уже. Подобрал ее где-то на улице и прикормил. Это его сучка. Одна из тех, кого подкладывал под нужных людей. Он мне рассказывал. Засланный казачок она, Зверь. Нае**ли тебя, понимаешь? Развели, как лоха. Она на связь со мной вышла. Доки я ей делал. Ей и еще нескольким шлюхам. Она уже готовилась свалить от тебя к нему. Когда у вас был, я паспорт ей привез как раз. Сука она, Зверь... Сука-а-а-а. Бл**ь Бакитовская. А тебя как лоха... Только не... убивай... Ма-а-акс.

Я его изрешетил. Сам не знаю, как. Просто бил и бил ножом, пока он не затих и дергаться не перестал, а я остановиться не мог. Рука сама двигалась. Четко. Сильно, но куда попало.

Меня Граф от куска мяса оттащил и нож из руки выбил. Толкнул к стене. А я задыхаюсь, глаза закрыл и мычу, как немое животное.

— Врет сука. Врет падла. Вре-е-ет. Сука-а-а-а.

Я орал. Просто орал и не мог остановиться. Потому что знал — не врет. Под такими пытками мало кто врать будет, да и точно не Давыдов, который трясся за свою шкуру. И я чувствовал, как крыша едет, как трещат мои мозги. Они горят и дымятся. И от боли перед глазами темнеет.

Граф сильно сжал меня за плечи и тряхнул, впечатывая в стену.

— Я сейчас пробью, кого и когда Бакит вывез в Турцию. В себя приди, Макс, и давай, езжай в ее город. В детдом. Выясни там, что и как. Может, и правда врал. На, хлебни.

Сунул мне в руки бутылку с коньяком. Мы смотрели друг другу в глаза, и меня снова трясло, по щеке кровь Давыдова каплями катилась.

— Давай. Рано еще ярлыки вешать. Разобраться надо.

— Слышал, что сказал? — я согнулся пополам, тяжело дыша и глядя, как красная лужа растекается по гаражу. Меня тошнило. Волнами

накатывало. И в этот момент я снова орал. Сам не понимал, как это вырывалось из меня.

— Бл***дь. Ты это слышал, Граф? Ты слышал? — глотаю коньяк, и он по горлу течет, не обжигая, там уже все обуглилось.

— Слышал.

— Давно он с ней. Как давно, мать вашу? Она же со мной. Каждый день. Каждый. Гребаный. День. Со мной. И с тобой.

— И со мной. Поэтому проверить надо. Все, пошли отсюда. Здесь приберут.

Сделал еще несколько глотков. Шумно выдохнул, стараясь отдышаться и разогнуться. А мне кажется, что между лопатками нож торчит. В стену кулаками, до крови, пока кости не затрещали. Отдышался, наконец. Боль немного отрезвила.

— Да. Все. Поехали. Нет времени.

Я не хотел сейчас думать. Потому что, если позволю себе — с ума сойду нахрен.

Впервые за много лет понимал, что не контролирую себя, что я на грани. Сорвет меня — и все. Даже машину вести не могу, трясет всего, и Граф молчит, за руль вместо меня сел. Его изнутри раздрает, я вижу, как челюсти сжимает до крошева зубов.

* * *

Дома под душем стоял холодным, и во рту появился привкус мертвечины. Словно гнили нажрался. И дышать нечем. Я вздыхаю, а легкие огнем жжет, и выдохнуть не могу.

Когда вышел из ванной, понял, что не справляюсь. Мне анестезия нужна. Немедленно. Набрал кое-кого. Остались связи с прошлых времен, когда еще Ворона подсиживал и дела проворачивал втихаря с барыгами.

— Димыч? Живой еще?

— Ты ли это, Зверь?

— Я. Собственной персоной. Мне кое-что надо.

— Так это не ко мне теперь. Я пас.

— Не заливай. Мне надо. Самому.

— Нету, говорю. Не моя тема больше.

— Так узнай, бл**ь, чья и привези. Иначе я сам к тебе приеду. И если хоть что-то найду — линчую на месте.

Он несколько секунд думал.

- Сколько?
- Десять.
- У меня нет столько.
- Сколько есть?
- Сейчас три.
- Вези три. Только быстро, братан.
- Думал, ты не в теме давно.
- Я тоже так думал.

Привез через двадцать минут. К подъезду на моте подкатил, трусливо озираясь по сторонам. Я денег ему дал и сунул пакеты в карман. На разговоры времени не было.

- Херово выглядишь, Зверь.
- Ну ты ж лекарство привез. Теперь все зашибись будет.

Я пакет прямо в коридоре разодрал, на комод сыпанул, и сразу несколько полосок втянул. В голове тут же ослепительно взорвались все мысли. Ядерным. С резонансом дрожи по всему телу. Искусственный кайф, притупляющий боль.

Стоял у зеркала, опираясь руками на комод, и смотрел на свое отражение. Взмокший, бледный, и в глазах начало проясняться. И адреналин закипал с шипением, словно пошла разморозка. Я буквально слышал, как он бурлит внутри.

Оживаю и подыхаю одновременно. Зверь оживает, а я в агонии, только уже не так больно. Уже под наркозом. Вот так лучше. Так думать можно.

Зажал переносицу пальцами. Теперь можно куда-то ехать. За руль сесть.

Сунул пакет дряни в карман рубашки, продолжая смотреть на свое отражение. Потом оттолкнулся руками и, подхватив сотовый, вышел из квартиры.

* * *

— Я впервые слышу такую фамилию, да и девочку эту вижу первый раз. Не было у нас такой.

Я смотрел в маленькие глазки директора детского дома и прикидывал: если сейчас схватить его за затылок и приложить о столешницу, он ее узнает или нет?

— Не было такой? Или после громкого скандала в вашем детдоме полгода назад вы решили забыть нескольких воспитанниц, чтобы избежать

проблем?

На его лице не дрогнул ни один мускул, он только поправил очки толстым указательным пальцем.

— После скандала многие были уволены, в том числе и бывшая заведующая. Мне не о чем волноваться. Я работаю здесь больше пятнадцати лет и всех наших воспитанников помню в лицо — такой у нас не было. Вы можете просмотреть архивы.

Я откинулся на спинку стула, продолжая сверлить его взглядом. Не похоже, чтоб нервничал, но я уже сам не знаю, что на что похоже. Я запутался до такой степени, что мне хочется убивать каждого, кто говорит мне то, чего я не хочу услышать. И сейчас мне хотелось свернуть шею этому толстяку с лоснящейся лысиной и свинячьими глазками.

— А бывшая заведующая? Где она сейчас? Может, она вспомнит?

— Лариса Алексеевна умерла два месяца назад. Угорела в своей квартире. Газ забыла выключить.

Я усмехнулся. Или ее там угорели. После того, как воспитанниц за бабки подкладывала. Чтоб много не разговаривала.

— Где ваши архивы?

— Вы можете их посмотреть в понедельник. Сегодня пятница и...

Я ударил кулаком по столу, и у него с физиономии свалились очки, когда он подпрыгнул от неожиданности.

— Анатолий Иванович... не злите меня. Никаких понедельников. Вы откроете мне помещение лично и прямо сейчас, еще и покажите, где смотреть. Вы меня хорошо слышите?

Он быстро закивал, отодвигая ящик стола, а я поднялся со стула и почувствовал, как снова становится нечем дышать.

Мы просмотрели папку за папкой, каждое дело, фотографии, документы о принятии и выпуске. Выписки из лазарета и больниц. И ничего, мать вашу. Ни слова о ней. Не было ее. Ни на фотографиях, не в списках. Нигде. Когда я это понял, то во рту снова появился привкус гнили. Как падали нажрался. Скулы сводит и блевать хочется.

Я вышел из здания детского дома, не сказав директору ни слова. Только пару купюр бросил за моральный ущерб. Задержался со мной почти до полуночи.

Не могла она врать. Не могла так играть, бл***. Или я нихрена не понимаю в людях.

Эта бессонница, этот страх. Я же его чувствовал кожей. Такое не сыграешь. У страха свой специфический запах. Я прижимал ее к себе дрожащую, в слезах, и видел, как она боится. Как можно ТАК сыграть?

Но если не в детдоме, то где она была? Все эти годы. Откуда к отцу своему сбегала? Бл***. Я сейчас с ума сойду.

Сидел в машине и смотрел на свои руки, лежащие на руле, сжатые до белизны, так что костяшки выпирают под натянутой кожей. Действие кокса стихает, выветривается, а у меня в голове голос Давыдова на повторе.

"Его сучка она, Зверь. Бл**ь бакитовская. Как лоха тебя..."

И я высыпаю остатки порошка на запястье, вдыхая яд всей грудью, чтобы перестало трясти, чтобы прояснилось в голове, чтоб голос его затих, сука. Только он еще ярче становится, отчетливей, громче. И картинка вырисовывается четкая... логичная картинка, а с меня кожа живьем слезает. Потому что увидел под другим углом. Увидел то, чего не позволял себе видеть. Ее настоящую. Ничего не бывает в этом мире просто так. За все платить надо. И я думал, что меня уже нельзя развести, что я видел достаточно лжи и фальши, чтобы повестись на такое кидалово. Но маленькая умела удивлять всегда. И меня удивила. Проклятая, лживая сука. Влезла в душу змеей, в сердце продралась.

Вот теперь все похоже на правду. От начала и до конца похоже. Начиная с ее побега из дома и заканчивая тем, что у Ахмеда на даче появилась. Логично. Шлюху брата позвали в гости. И спектакль для меня разыграли. Я расхохотался.

"Она его сука"... Вот этого я пока не принял. Точнее, понимал, что скорее всего так и есть, но принять еще не мог — потому что слишком жестоко. Слишком цинично для девочки с голубыми глазами и черной дырой внутри.

Сотовый завибрировал на соседнем сиденье, и я ответил, увидев номер брата на дисплее.

— Пленка не поддельная, Макс. Все проверено... — пауза в мгновения, а у меня все внутри горит, разлагается, корчится. Я начинаю истекать кровью и сам чувствую, как внутри все разворочено до костей.

— У тебя что?

— Не было такой здесь, — голос свой не узнаю, охрип, — не существовало, бл**ь.

Да. Кажется, не существовало и в самом деле. Я придумал ее себе. Нарисовал сам. Красочно, ярко. Именно такую, какую хотел видеть. Идеальную для меня. Нарисовал сверху по грязи и сам не заметил. А Зверь внутри оскалился и цепь оборвал, он готов, и я больше не хочу его сдерживать. Отпустил и внутри все догорело. Один пепел остался. Смертью завоняло снова.

Я чувствовал, как во мне ветер гуляет и вихрем кружатся обрывки

тупого и наивного, бл**ь, доверия, обрывки проклятого полиэтиленового счастья, которое сгорело самым первым, как капрон. Только там, где сердце, продолжает тлеть, обгорает и заново тлеет. Там все еще живое. Как рана раскрытая. Ни огнем не берет, ни ядом, ни холодом. Я б его вырезал оттуда и раздавил под ногами, в месиве грязного снега и крови. Ничего, и там все стлеет. Спустя время. Через месяцы, годы или пока я сам не сдохну. Когда-нибудь стлеет. У всего есть срок годности, и даже эта сука-любовь начнет разлагаться и кишеть червями, когда я найду тебя, маленькая тварь, буду убивать вместе с ней.

Я же найду. А когда найду — не пощажу. Чувствуешь, как я твой след брать начинаю? Смертью и болью не воняет? Поверил. Как идиот. Знал ведь, что слишком все хорошо... Знал, что не по мне все. Не для меня... И верил. Потому что хотел верить. За все годы лжи, грязи, крови увидел что-то чистое и настоящее, а настоящая ложь — вот она. У меня в спине торчит. Вздохнуть не дает.

Это теперь только между нами. Между мной и тобой. И не говори, что ты этого не знала. Я накажу тебя сам, и ты будешь мечтать о смерти, ты будешь о ней молиться. Ты моя. Какая бы тварь лживая не скрывалась под маской, она принадлежит мне. И я сам решу, как и когда ты сдохнешь. Я буду убивать нас обоих. Медленно и жестоко.

Ненависть проснулась какая-то страшная. Голову подняла. Глухая, черная, вонючая. Все тело наполняет, через поры в кровь впитывается. Я сам ее боюсь, потому что впервые почувствовал, что значит сдохнуть, но остаться живым. Зомби гребаный. Эмоции отключились от еще двух полосок кокса. Анестезия пробежала током по телу, омертвляя окончательно.

Повернул ключ в замке зажигания и вдавил педаль газа. Музыка на полную мощь и глоток водки из бутылки. Вот теперь я себя узнавал. Зверь больше не сидел на цепи, он взял след своей жертвы и предвкушал расправу.

ГЛАВА 8. Андрей

Теперь пришел его черед... Рассыпаться на части от гребаного ощущения, что все летит в пропасть, жизнь идет под откос. Нанося удар за ударом, выворачивает наизнанку и заставляет корчиться от боли и ядовитой надежды. Надежды, которая становилась сейчас нашим общим проклятием. Потому что нам, насквозь пропитанным цинизмом и жестокостью мужикам, хотелось верить... Верить, бл***, что так не бывает. Только не с нами. Мы не могли так ошибиться. Только не в случае с ней... И я злился сам на себя за то чувство... за то стремление к слепому самообману, когда хочется закрыть глаза на любой аргумент, только чтобы оправдать. Это же Дашка... сестра моя... она ту же женщину, что и я, матерью называла и руками за шею обнимала... Да херня все это... Каждый подставить может. Каждый. Вопрос в мотивах. Верить — не верить... детский сад, черт возьми. Думать нужно. Доказать. Проверить. В руки себя взять, потому что расклеимся, нахрен, оба. Действовать...

Пленка оказалась оригиналом. Никакого монтажа. Никаких врезов или склеек. Все чисто. Я несколько раз переспросил, опять проклиная себя за эту подбирающуюся к сердцу надежду... Только вердикт от этого не изменился. Все чисто. Ни одной вероятности фальшивки.

Я со всей силы заехал кулаком в стену... Черт... Не понимаю. Почему сейчас? Если все, что сказал Давыдов — правда, почему они ждали так долго? А Дарина... эти глаза, полные эйфории... улыбка, которую она иногда пыталась даже спрятать, словно смущаясь из-за того, что так бесстыдно счастлива... Неужели все — мишура? Неужели я ничего не понимаю в этой пропитавшейся ложью жизни... Все равно внутри что-то не давало покоя... Странное ощущение подлога. Когда одну реальность меняют на другую, точно такую же на вид, где каждая деталь воссоздана с точностью до миллиметра... Но не можешь избавиться от скрипящего на зубах чувства фальши... Когда кричишь в тишину — а в ответ не прилетают отзвуки эха. Когда бьешься головой о стену, и не чувствуешь ни грамма боли, потому что даже кирпичи здесь на ощупь как обивка мебели. Только с виду все такое же, как мы привыкли, а внутри — подделка.

Я в который раз просматривал эту пленку, устроил допрос всей охраны, которая вела ее от самого дома. Дьявол, она же сама звонила мне тогда и сказала, что собирается в больницу, чтоб отца проведать. Все

сходилось один к одному... У нее даже голос тогда не дрогнул, говорила с сожалением, как переживает за него, что почаще к нему нужно, пусть чувствует поддержку нашу... Бл****. Но как? Как после этого можно прийти и равнодушно убить. Я не знаю, сколько бутылок уже опустошил, сигарет одну за другой выкурил, просматривая видео, ставя его на бесконечный повтор, пытаюсь приблизить и рассмотреть хоть что-то, хоть одну деталь, которая разбила бы вдребезги эту чудовищную реальность. Охранники рассказали, что даже на видеорегистраторе зафиксирован каждый шаг, каждый километр, который проехали... Я просмотрел их все... все эти гребаные записи... и на каждой из них она — моя сестра... Сестра. Никаких сомнений... Вот из дома выходит, улыбается, вежливо здоровается... Вроде и живет в роскоши уже не первый год, а не зазналась. С каждым из персонала как с ровней разговаривала. Как дела всегда спрашивала... Как настроение... Знала, как зовут каждого, у кого какое горе, и всегда просила у Макса, чтоб помог. Он злился на это, конечно, больше для вида, что нянкой не нанимался, только никогда не мог отказать.

Дьявол. Зачем сейчас именно эти воспоминания в голове возникают. Хотя понимал я все — хорошее хотел видеть, чтобы мысль, которая словно мелодия шарманки, звучала в голове, окрепла еще больше: Дарина не смогла бы этого сделать.

Только и цену подлости мы знали слишком хорошо. Знали ее приторную оболочку, под которой скрываются самые жуткие твари, терпеливо ожидающие своего часа, чтобы потом за секунду тебя сломать. Наслаждаясь тем, как ты орешь от боли, потому что предательство всегда вонзается в нашу спину острым лезвием, выворачивает суставы, дробит кости, вскрывает вены, и делает все это одновременно, чтобы упиться твоими страданиями и болью.

Смотрю дальше... на то, как волосы поправляет, как глаза щурит, потому что солнце глаза слепит, как очки надела и за руль села. Тут она тоже смогла каким-то непостижимым образом выпросить у Макса разрешение на то, чтобы водить самой. Говорит, всю жизнь мечтала научиться, что всегда думала, что не светит ей, что невозможно. А когда сбылась эта обыденная для любого из нас мечта, она прыгала от восторга, как девчонка, которой куклу подарили. Ребенком таким же оставалась. Чистым... Радовалась любой мелочи, особенно шоколаду молочному с орехами.

Черт. Как же больно и невыносимо от этих мыслей. Я сейчас сидел и вспоминал все это так, словно просто соскучился. Уехала она просто куда-

то, и мы ждем. Вот вернется скоро, в дверь зайдет, в объятия бросится, и я закружу ее... Она всегда говорила, что это еще одна мечта, которая сбылась — всегда хотела у старшего брата вот так вот на шее повиснуть, заливаясь смехом... Да, я вспоминал, на жесты смотрю, и в каждом — частица жизни. Потому что не хотел думать о том, что дальше случилось. Да... оправдать хочу. Да. Это нормально... Мы семья... Это святое... пусть не так давно обрели друг друга, но не могла она оказаться такой дрянью. Все внутри протестовало, орало диким голосом: "Андрей, ищи. Не останавливайся. Мы чего-то не видим..."

Я не знаю, что рассказали Макс в детдоме... Что якобы не было там такой. По фото не узнали... Знаю я, как у людей способности забывать и вспоминать стимулировать. Не нужно было его одного туда отпускать. Он не в себе, у него земля из-под ног уходит, внутренности разрывает. Молчит, только тут и слов не нужно, чтобы видеть — мир рушится, крах всего. После такого не восстанавливаются. Не жилец он больше, если вся эта дрянь правдой окажется. Потому что он дал себе один шанс. Себе и ей. И после этого никто из них не выживет. После такого не живут больше... влачат существование, захлебываясь в собственной ненависти и заливая кровью свой мир.

Мы и поговорить толком не успели... Ему, видимо, и слышать больше ничего и не нужно было. Он внутри уже им обоим приговор вынес. Меня и самого холодом сковало от этой мысли, но я понимал сейчас — вдвоем нужно было. Не клеилось тут что-то. Слишком много громких событий для провинциального детского дома. Заведующая с торговлей несовершеннолетними, ее кончина скоропостижная, директор с внезапной утерей памяти... Хрень собачья. Не бывает такой картинкой идеальной самой по себе. Когда как по одному движению волшебной палочки все свидетели вдруг дохнут, как мухи. Уж мы то знали, как эти дела делаются. Только вряд ли Макс сейчас мозги свои кипящие охладить сможет, дел наворотит. Я сам себя казнил, что я сейчас здесь, вдали. Только слишком большая воронка нас засасывала, не могли мы везде вдвоем успеть, не справлялись... Похороны отца нужно было организовать. При том по всем канонам нашего мира. Широко, статусно, всех паханов пригласить — дань традициям, бл***. Никому нет дела до того, что внутри у нас творится... Что отца в последний путь отправить хотелось бы по-тихому, попрощаться по-человечески, чтоб только те, кто правда тосковать будут. Что не до проводов этих абсурдных сейчас. Что валится все, как карточный дом. Только позволить кому-то усомниться в том, что все под контролем — значит позиции свои ослабить, дать понять, что не все гладко у Воронов,

пошатнулось положение... И тогда все — это начало новой войны. За власть, деньги, влияние и статус. Не дождется. Никто. Даже если виноватой окажется, Дарина придет на эту бл***кую церемонию, будет лить слезы и изображать скорбь. Заставим. Потому что все это должно остаться внутри. Ни одна тварь не узнает, что наша семья сейчас напоминает руины...

Зазвонил телефон, на дисплее высветилось имя Фаины. Я дал указание отвезти их с Кариной в загородный дом с полным отсутствием связи, под усиленной охраной. Никакого Интернета и телевидения — там уже всюду трубят о смерти Савелия Воронова. Дочери сейчас нельзя этого слышать. Я понимал, что единственный выход для нас — закрыть ее, подобно заключенной, в этой клетке, чтобы спасти. И физически, и морально.

— Да, Фая... Все в порядке у вас там?

— Андрей, в порядке, хотя ты понимаешь, что такое подросток, которого оставили без связи с внешним миром...

— Понимаю, но я уверен, ты справишься. Сама понимаешь все...

— Андрей... — я слышал, что она замялась, словно боясь продолжить, — тут... в общем...

— Фаина, — я чувствовал, как начинаю злиться, потому что я сейчас не готов, бл***, услышать хоть одну плохую новость. А, судя по ее тону, именно ее она и собиралась мне сказать...

— Что? Говори. Не тяни.

— Андрей, мне уехать нужно.

— Никто никуда не уедет. Даже слушать дальше не хочу...

— Послушай... у Афгана инфаркт, его в мою клинику везут. Я не могу сидеть здесь, — слышал, что ее голос дрожит, она разговаривала очень тихо. Наверное, боялась, что Карина услышит.

— Ты понимаешь, что я не могу сидеть здесь и ждать, пока...

Она не договорила, только я и так все понял.

— Не стоит недооценивать старика Афгана. Он еще всех нас переживет, — говорил эту идиотскую заезженную фразу, понимая, как нелепо она звучит сейчас. — Я через несколько дней приеду к вам, тогда и уедешь. А к Афгану я сам поеду. Я не позволю Карине там одной остаться...

— Андрей... я знаю... Но тут приехала Настя. Она присмотрит за ней...

Я подорвался, направляясь по ступенькам вниз. Внутри все бурлило от злости.

— Она хочет поговорить с тобой...

Она передала трубку Насте, и я, не здороваясь и еле сдерживая свою

ярость, рявкнул:

— Какого черта ты там делаешь?

Она на несколько секунд замолчала, видимо, опешив от такого приветствия.

— Андрей... я...

— Я вопрос тебе задал — кто просил туда ехать?

Я понимал, что просто начинаю сходить с ума, видя в каждом врага. Того, кто, нацепив на себя маску, пытается окунуть нас в весь этот кошмар еще глубже.

— Андрей, ты что несешь? Это же я. Ты что, не доверяешь мне?

Это звучало как долбаная насмешка. Она говорит мне сейчас о доверии. Она, сама того не понимая, зажгла ту искру, от которой, казалось, все взорвется сейчас. Потому что я, бл***, не мог больше даже слышать этого слова. Доверие... Это иллюзия... Для идиотов, которые хотят верить, что этот мир еще не полностью погряз в дерьме. И от этого оказываются в нем по уши.

— Оставайся там. Пока я не приеду. Имей в виду — за тобой глаз да глаз. И уехать оттуда ты уже не сможешь...

— Что творится с тобой? Андрей, остынь.

Я не стал отвечать. Понимал где-то в голове, что становлюсь похож на шизоидного параноика, только не мог ничего с собой поделывать. Ждал подлости. От всех и каждого. Запереть всех хотел в одном месте, и пытаться, пока не расколются. Как в примитивных детективах а-ля — все действия разворачиваются в одной комнате.

Я позвонил своим людям и дал необходимые распоряжения. Камеры в каждом углу, плевать, даже в туалете и ванной. От Фаины не отходить. Пусть говорит что хочет — если кто ослушается — сердце вырву, нахрен. Я не мог сейчас позволить себе хоть одну ошибку. Не мог. Плевать на чьи-то чувства, если любят искренне — поймут и простят. Потом. А сейчас пусть ненавидят, проклиная тираническую натуру и возмущаясь ограничению их свободы. Не важно уже... Если среди нас затесалась еще хоть одна тварь — я уничтожу ее и всех ее подельников.

Услышал про Афгана — и зубы сжал до боли, схватился за грудь — там больно. Слишком. Не протянет он долго. Вслед за отцом уйдет. Тот ушел, и для Афгана смысл жизни словно в Лету канул. Не держит ничего больше. Ни семьи, ни детей, возле старика всю жизнь провел, как сиамский близнец. Разорвали эту связь — и сдался он. Чувствовал, что похороны отца будут не единственными.

Пришел Русый и доложил, что там уже Глеб подъехал. Я ждал этого парня, на которого возлагал большие надежды. Да. Нам нужно было все раскопать. Только не в этом суть... я ожидал, что он поможет мне найти зацепку. Хоть малейшую. Наши люди работали по всем направлениям. Сто раз прочесали маршрут, по которому она ехала, изъяли в больнице все записи с камер. Врачам рот закрыли, нам не нужны были сейчас еще и ищейки ментовские. Заключение о смерти нарисовали как нужно — никакого убийства, умер, потому что сердце не выдержало. Старый уже Сава, хватит землю эту топтать, ушел на покой. Версия правдоподобная. И всех вполне устраивала. Я эту грязь не дам за порог вынести. Мы все внутри решим. Сейчас главное — Дарину найти. А уж тогда решать и приговор выносить...

Когда эмоции немного удавалось утихомиривать, я начинал думать о том, что все возможно. Да... это могла быть она. К ней могли подход найти. Когда Давыдов нес всю эту ахинею — и сам мог быть не в курсе. Простая пешка. Шестерка, чтобы все расклады знать. Поэтому и не раскололся, когда подышал. Как признаешься в том, чего не знаешь, когда тебе иную правду в мозг вбили? В этом адском ребусе слишком много неизвестного... Хотелось узнать все, и в то же время становилось страшно... Потому что правда редко предстает перед нами в виде сладкой нимфетки, скорее — существом без пола и возраста, но с одним обязательным атрибутом — орудием наших пыток.

В дверь постучали, и я пригласил Глеба войти. Я заметил, как он бросил быстрый взгляд на обстановку, словно оценивая. Это заняло всего долю секунды, но я уловил. Внимательный. В голове уже цепочка выводов пошла. Не зря такие чудеса с информацией творит — там аналитический склад ума. Такие быстро соображают, собрав все мелочи в одну кучу и тут же расставив по нужным местам. Ценный парнишка. Знает, как быть нужным, и что самое главное — ждать умеет. Указаний, вопросов и вознаграждения.

— Приветствую, Глеб. Проходи... Рассказывай.

— Добрый день, Андрей Савельевич, — он присел на стул и, как и в прошлый раз, достал свой ноутбук из серой неприметной сумки.

Правильно делает все. Знает, что внимание привлекать нельзя. И не важно, что ты со своими — это стало одним из его принципов. Я это по жестам его читал, по манере разговаривать, по тембру голоса, даже одежде неброской и простой.

Я ждал, пока он загрузит необходимые программы. Он каждый раз делал все по одному и тому же алгоритму, не начиная рассказ раньше

времени, чтобы каждое свое слово подтвердить фактом. И мне это импонировало. Я даже начинал его понемногу уважать. За то, что толковый. Это другое поколение уже. Они по-другому будут жить, зарабатывать, богатеть и будут исповедовать другие ценности.

— К сожалению, пока не могу вас ничем порадовать. Потому что на ноутбуке вашей сестры я не обнаружил следов взлома. Входов с других айпи адресов также...

— То есть, ты хочешь сказать, что переписку вела она...

— Я хочу сказать, что переписка велась с ее ноутбука. Она или не она — знать мы не можем...

— Поставлю вопрос по-другому. Если переписка велась с ее ноутбука, при этом доступ к нему не имел никто, кроме нее...

— Он был запаролен. Пароль достаточно сложный, это я вам как аййтишник говорю. Только нет ничего невозможного. Скажем так, если ноутбуком она пользовалась только дома, то любой человек, который имел хотя бы малейшую возможность добраться до него, мог вести переписку...

— Это исключено. У Макса камеры везде. Там уже все перелопатили... целый штат людей работает... Разве что саму запись можно было подменить...

— Да, Андрей, в этом вы правы... Запись можно подменить, можно выставить на определенное время даже необходимую заставку — словно в комнате пусто и ничего не происходит...

Я сжал ладонями голову, у оперся локтями о стол. Долбанный замкнутый круг. Движемся по нему, как проклятые, и вместо того, чтобы что-то прояснить, запутываемся еще больше. Потому что теперь под подозрением вообще любой, кто хоть раз переступал порог дома Максима. А учитывая многочисленные встречи, празднования и прочее — круг подозреваемых как-то резко увеличился. Меня это злило. Чертовски. До дрожи. Раздражения. Желания разнести здесь все в щепки. Чтобы не давило так внутри. Чтобы ответ получить и Максу набрать, хоть что-то хорошее сказать ему. Чтобы сил придать, напомнить, что держаться нужно, всю хрень из головы выбить и держаться. До последнего. Цепляться за все. Выгрызть зубами это право по-прежнему называться семьей.

Я тер пальцами виски, думая, предполагая, бросая взгляд на Глеба, который оставался все таким же спокойным в ожидании моего очередного вопроса.

— Глеб, возможен ли вариант, что ее ноутбуком кто-то мог пользоваться на расстоянии?

— Все возможно. Я не знаю, в данном случае это вас обрадует или

огорчит...

Понимал парнишка все. Что это та самая соломинка, за которую утопающий хочет схватиться. Что переписка эта — не доказательство. Такой же фальшивкой оказаться может. Только как умудрились? Когда недоглядели мы? Все люди проверенные работали. Всех до седьмого колена проверяли.

И опять эта мысль, словно занозой в сердце: а если она... Если Дарина — что тогда? Долго мы еще будем в романтиков сопливых играть?

Неизвестность способна свести с ума. Взорвать наш мозг. Иногда она даже приводит человека на край моста, с которого тот потом сиганет вниз. Потому что она выпивает наши силы. Она наматывает на кулак наши нервы. Она заставляет нас напиваться до беспмятства, совершать необдуманные поступки, подавляя волю, постепенно, шаг за шагом, пока ты не превратишься в жалкое подобие себя.

И мы тонули в ней. Эта неизвестность попадала в легкие, обжигая их, заставляя задыхаться и не находить себе места.

Мне позвонили и наконец-то доложили все детали по отправке живого товара в Турцию. Бакит и Ахмед. Я уже видел их синие и изуродованные трупы. Им недолго осталось. Только это потом... И если тварь Давыдов имел хоть какую-то достоверную информацию, то мы выйдем на след Дарины. Эти два ублюдка не просто объявили нам войну, они уже ступили на тропу своей смерти. Длинной. Мучительной. Жесточкой. Которая будет скрашена звуками их криков, ломающихся костей, разорванной в клочья кожей, унижением и мольбами прикончить их поскорее...

Решил набрать Макса. Голос его хотел услышать. Убедиться, что держится как-то.

— Здравствуй, брат. Насчет Бакита узнал. Гнать надо — времени в обрез. Их на закрытом чартере через полчаса отправят.

— Я близко... успею... новости есть еще? — он говорил коротко, не так, как обычно, словно мыслями далеко, словно боль притупилась. Мне почему-то не нравилось это. Это не тот Макс, которого я знаю. Может, ситуация влияет... но не мог он быть таким... Я одернул сам себя, не время сейчас думать об этом. Увидимся — тогда и посмотрю. Нервы на пределе — что угодно почудиться может.

— По переписке есть. Только все белыми нитками шито... Вариантов подстав много — я бы не стал даже внимания обращать. Век цифровых технологий, мать их так.

Сам не верил в то, что говорю. Понимал, что звучит глупо и жалко. Словно корчащемуся от боли на смертном одре человеку рассказать, как

здорово ему предстоит провести отпуск в горах. Только Максу нужно было сейчас это услышать. Как глоток воздуха получить, чистого, среди всего этого смрада из подлости и ненависти. Он, как и я, хватался за эту возможность верить, вгрызался зубами, затыкая пасть разочарованию, которое истекало слюной в предчувствии скорой трапезы. Пусть это станет отсрочкой. Пусть поживет еще... мы поживем...

ГЛАВА 9. Дарина

Меня разбудило размеренное покачивание и ощущение движения. В голове сильно шумело. Так сильно, что подташнивало и сводило желудок. Вскочила настолько резко, что от боли потемнело перед глазами. В ужасе оглядываясь по сторонам, дернулась и поняла, что руки связаны. Затянуты так, что веревка впивается до костей. Паника обрушилась мгновенно, мешая дышать. Глаза лихорадочно осматривали помещение. Из всех сил старалась понять, где я. Но так и не смогла, потому что вокруг тьма непроглядная, глаза должны к ней привыкнуть сначала, а их режет от боли в висках. Еще раз дернула руками и застонала от бессилия... а потом с ужасом услышала, как застонал еще кто-то. Надрывно, со всхлипом, и дышать стало нечем. По спине покатился пот градом.

Тихо... тихо. Надо дышать. Считать и дышать. Это когда-то помогало. Иначе паника сведет с ума. Я больше всего боялась именно этих удушливых приступов безысходности.

Просто дышать и думать, вспоминать. Последнее, что я помню, это как зашла в примерочную. Вот здесь надо сосредоточиться. Именно здесь что-то произошло.

Каждое свое движение вспоминать по секундам. Все, что может помочь понять. Я тогда сняла верхнюю одежду и повесила на вешалку, потом сняла сапоги, начала расстегивать кофту. Смотрела в зеркало... Боже. Как болит голова. Теперь я слышала стоны отовсюду. Я здесь не одна. Нас как минимум человек пять. Женщин.

Зеркало... В примерочной. Прямоугольное, во весь рост. Кто-то отодвинул шторку, и я увидела лицо. Расплывчато очень, а потом меня схватили за шею и что-то прижали ко рту. Что-то с резким запахом. Перед глазами вспыхнула яркая вспышка, и от боли в висках я согнулась пополам.

Значит, меня выкрали и куда-то везут. Не только меня, судя по звукам.

Я снова дернула руками — точно веревка, не цепь. Но очень короткая, и руки связаны сзади. Глаза постепенно привыкли ко мраку, и теперь я выхватывала взглядом какие-то трубы, мешки, картонные коробки. Похоже на склад. Но если я чувствую колебания... то мы движемся. Шума колес нет, сигналов машин тоже. Не самолет однозначно. Мы плывем. Да. Вот оно, это покачивание. Монотонное. Паника снова начала подбираться к затылку. Меня похитили и куда-то везут, вместе с такими же, как я. Где, черт бы всех побрал?

— Эй. Где мы? — крикнула в темноту и прислушалась.

Мне не отвечали, кто-то копошился и плакал неподалеку, а я снова дернула руками, понимая, что они привязаны к чему-то. Скорее всего, к одной из труб.

Я опять закричала, и вдруг кто-то мне крикнул в ответ:

— Заткнись. Хватит орать. И так голова болит. Нахватают шавок для количества.

— Где мы? Куда и кто нас везет? — не унималась я. Звук голосов немного успокаивал. Так всегда бывает, когда понимаешь, что в дерьмо вляпался не один.

— А то ты не знаешь, где мы? На корабле. В трюме сидим. Границу пересекаем. Потом нас развяжут и наверх поднимут.

— Каком корабле? Что за бред. Куда наверх?

Я понимала, что спрашиваю что-то не то и не так. Я, наверное, должна рыдать и орать, требовать, чтоб меня выпустили, а я не могла. Я пока не осознавала, что именно происходит.

— Свет, она из нежданчиков. Которых, скорее всего, для количества отлавливают перед самым отплытием.

— Да мне пофиг, кто она. Пусть не орет. А то, когда эти придут, и ей, и нам достанется.

Я снова всматривалась в темноту и теперь уже различала силуэты людей. Женщин. Теперь я видела, что нас человек двадцать.

— Кто отлавливает? — спросила я. Ответа не последовало.

— Кто, мать вашу, отлавливает? Я сейчас такой ор подниму, что у вас уши позакладывает.

— Кто-кто... Наши хозяева. В Стамбул везут. Торги прям здесь проведут. Вот выйдем в нейтральные воды, и нас наверх поднимут. Продадут, как скот, разным извращенцам, и будет нам счастье работать за границей, бл***ь. Ты разве не за этим сюда попала? Только работать дырками будешь.

Она истерически засмеялась, а меня передернуло.

— Какие торги, к черту? Что за... — паника не отступала, и я начала задыхаться, — какие торги? Я не какая-то там шалава. Я сестра и жена довольно влиятельных людей. Что за бред?

Кто-то из пленниц опять расхохотался, а та, что велела мне заткнуться, продолжила:

— Успокойся, им всем наплевать, кто ты такая. Если ты попала к Мехмету, с этого момента ты — рабыня, никто, пустое место. С тобой можно поступать, как угодно хозяину или работоторговцу. Они могут тебя

насиловать, бить, продать или даже убить. Ты теперь собственность Мехмета. И поверь, если ты здесь, то искать тебя уже никто не будет, а если и будут, то никогда не найдут. Сегодня тебя купит один из этих... наверху, и ты станешь собственностью, вещью без имени, без прав. Если тебе очень повезет, то ты понравишься своему хозяину и получишь привилегии, а если нет — то гнить тебе в дешевых борделях, пропуская через себя человек по тридцать в сутки.

Я начала дышать шумно, со свистом, чувствуя, как пот затекает в глаза и уши, глядя в темноту расширенными от ужаса глазами. Мне начало казаться, что это какой-то кошмар. Я просто сплю и скоро проснусь. Или чья-то шутка, розыгрыш, изощренное издевательство. Они просто не знают, кто я, и когда поймут, меня отпустят. Вернут обратно... Я закричала, начала дергать веревки, пытаясь оборвать их.

— Меня будут искать. Я не какая-то там шлюха. Меня найдут. Слышите. Меня уже ищут.

— Мы-то тебя хорошо слышим. А толку? Да и им насрать. Нет тут случайностей, крикливая ты наша, все продумано до мелочей. И все знают, и кто ты, и откуда. Поэтому заткнись и не ори. Вот придут за нами — им поорешь. Почки отобьют, в рот оттрахают — и заткнешься сама. Такие долго не живут, поняла?

Ничего я не поняла, согнулась пополам, упираясь лбом в грязный пол, воняющий рыбой и тухлятиной.

— Силы береги. Не дергайся. Никто не знает, как на торгах пойдет. Иногда они трахают прямо там. Ломают дальше. Пускают по кругу. А потом забьют как животное. Покорные только выигрывают. Потом подумаешь, что дальше делать, а сейчас умнее будь. Им не нужны проблемы. Тебя сольют сразу же. Таких не покупают, и тогда тебя ждет ад.

Голос женщины доносился словно сквозь вату... а я, кажется, начала понимать, что происходит. Это сделано специально. Это как-то связано с Максимом и Андреем. Это их враги. И да, все не случайно. За мной ведь следили, иначе как бы меня увезли прямо из торгового центра.

— Эй. Ты терпи. Скоро откроют. Накормят и напоят. Не паникуй, главное.

— Меня выкрали... И я не пойму, почему и зачем. Какого черта это я?

— Я тоже в первый день думала только об этом: "почему я?". А потом начала думать о том, что нужно выжить. Мной расплатились с Мехметом за долги. Вот так просто. Мой сожитель завез на пустырь и отдал, как вещь. А я его любила, падлу.

Ты как сюда попала? Видела, что ты долго была без сознания. Обычно все девушки попадают в эту машину смерти по своей воле или по воле тех, кто их продал перекупщику.

— Не знаю. Я была в магазине одежды. Зашла в примерочную, и кто-то зашел следом. Больше ничего не помню.

— Значит, тебя вели. Особый заказ был. Именно на тебя. Такими делами Бакит с Ахмедом занимаются обычно. Девочки ВИП.

— Ахмед?

Меня бросило в дрожь от этого имени, снова стало трудно дышать. Если это он все устроил... то тогда здесь продумана каждая мелочь. Каждая деталь. Эта мразь действительно готовилась нанести удар. Он понимал, что это не сойдет ему с рук, значит, есть подвох. Ему что-то нужно от Макса или Андрея. Как быстро меня начнут искать? Скорее, к вечеру, когда хватятся... а может, и сразу. Но сразу не начали, а значит, их сбили со следа. Мной овладело отчаяние, когда представила себе, что сейчас происходит с ними, в какой панике пребывают они. Макс... Он же с ума сходит.

— Откуда ты все это знаешь? Кто ты?

— Я? Да я все знаю про это дерьмо. Так жизнь сложилась. Из провинции приехала звезды с неба хватать, а схватила сутенера и панель. Теперь отсюда надо выбираться, но не воплями. Умней надо быть. Нас пока в фургоне в порт везли, троих убили. Изнасиловали, а потом пулю в лоб и там же у дороги закопали. Это чтоб ты понимала, что орать и дергаться не вариант. Не нужны им такие. Они потом выбраться пытаются, в полицию достучаться. Их просто сразу сливают нафиг.

Наверху слышались шаги и лязг замков.

— Все. Запомни — молчать. Не дергайся — и выживешь.

Но я уже и так знала, что выживу. Если в это замешан Ахмед, то я им нужна. Я их козырь в какой-то игре. Нам в лица посветили фонариками.

— Ну что, суки, жрать хотите? Не обоссались тут без сортира? Сейчас всех отведут облегчиться, потом накормят.

Они отвязывали по одной и пинками толкали к двери, успевая облапать, ударить по лицу, отпустить грязные шуточки. Напряжение вибрировало у меня в каждом нерве. Я ждала, когда они подойдут ко мне и старалась унять панику. Думать о том, что говорила та женщина.

Одна из пленниц вдруг закричала, начала отбиваться, вцепилась в одного из мужиков. В ответ ее ударили ногой в живот, а потом он достал дубинку и начал ее избивать. По голове, по рукам и ногам. Она истошно кричала, а все молчали, обходили их и шли к выходу. Не смотрели. Как будто ничего не происходит, и мне стало по-настоящему страшно именно в

этот момент.

— Сука драная. Получай, тварь.

Другой перевозчик пытался оттянуть напарника, но ему это не удавалось, тот как с цепи сорвался.

— Она меня укусила, мразь. Кто знает, какой дрянью она больна.

— Прекрати. Прекрати. Мы и так троих в дороге потеряли. Не бей. Мехмет будет злиться. Не бей, говорю. Накажем ее по-другому. Эй. Трахнем эту суку во все щели. Следов не останется, и другим nepовадно будет.

Я с ужасом смотрела, как женщину швырнули на пол, несколько мужчин обступили ее кругом, на ней разодрали одежду. Я слышала, как она кричит, рыдает, как они подначивают друг друга грязными словечками. Нас больше не выводили из трюма, нас оставили любоваться зрелищем, чтоб nepовадно было. Никто не смотрел, все закрывали уши руками, прятали лица, но ее крики все равно до нас доносились. Мне казалось, это никогда не закончится. Я слышала все, что они делали, потому что ублюдки озвучивали каждое движение, всю грязь, приказывали, матерились. Она не сопротивлялась и уже не кричала, только постанывала и плакала. Все время плакала. Я этот плач никогда не забуду. Это было впервые. Я никогда раньше не встречала такой жестокости по отношению к женщине. Как можно выжить после этого? Как можно после этого спать по ночам? Они ее ломали. Теперь я понимала значение этого слова. Ломали по-настоящему. Так, как только можно сломать живое существо.

— Хватит. Не то сдохнет. Оставьте ее тут — пусть в себя приходит. Мехмет заберет в бордель потом, если оклемается.

Меня тошнило, и голова кружилась, трясло от отчаяния и ужаса. Когда отвязали и повели к выходу мимо несчастной, которую рвало на пол, пока она, окровавленная, ползла к стене, я сама почувствовала спазмы в желудке. Она подняла на меня лицо, залитое слезами, кровью и спермой, и я отшатнулась, тяжело дыша. Твари. Ублюдки. Конченые, отмороженные ублюдки. Господи. В какой ад я попала? Это хуже, чем на проклятой даче Ахмеда. Это самое страшное, что я когда-либо видела.

— Пошла, сука, или на ее место хочешь?

Пнули в спину, и я сделала шаг к двери, все еще глядя на женщину. Я никогда этого не забуду, и до меня с ужасом начали доходить слова: "Мы никто, мы их вещи, их рабы, они могут нас насиловать, бить, терзать".

— Все, твари? Теперь все успокоились. Пошли за мной.

Нас и правда накормили, согнав в одно помещение, похожее на столовую, потом отравили мыться. Как скот. В душевую под надзором

нескольких мужчин. Меня трясло от страха и отвращения. С нас сдирали одежду, швыряли нам мыло, а сами смотрели, как мы моемся, иногда подзывали к себе то одну, то другую, лапали, заставляли заниматься с ними оральным сексом. Меня пока не трогали, а я, в затаенной истерике, ждала своей очереди и понимала, что все были к этому готовы. Все, кроме меня, от одной мысли, что кто-то из этих уродов прикоснется ко мне, я впадала в состоянии хаоса, в такую панику, что мне казалось, я не смогу молчать, и меня убьют. И пусть убьют. Лучше сдохнуть, чем стоять перед ними на коленях и брать в рот их вонючие члены.

Из душа нас снова погнали в тот же круглый зал — столовую. Вокруг тошнотворная роскошь и золотая роспись по стенам. И меня снова затошнило, как тогда на проклятой даче Ахмеда. Слишком похоже. Отдает тем же цинизмом и болотом. Адом под декорациями Рая.

Все пленницы, кроме меня, голые, стояли в шеренгу по кругу, а Мехмет, высокий рыжеволосый тип, с густой щетиной и зелеными сальными глазками, рассматривал нас, как лошадей на ярмарке, и щелкал коротким хлыстом, иногда охаживая им кого-то из девушек. Не сильно, но достаточно для того, чтобы они вскрикнули или заплакали, а он улыбался и похотливо поправлял член под джинсовыми брюками.

Некоторых увели сразу, я даже не знаю, куда, и знать не хочу. Я вообще старалась абстрагироваться, насколько это вообще возможно в этом кошмаре. Я успокаивала себя тем, что я им нужна не для этого. Скорее всего, не для этого... но если я ошибаюсь?

Нас осталось всего десять. Он прошел возле каждой, трогая за лицо, за грудь и за ягодицы. Некоторым приказывал встать на четвереньки задом к нему, наклонялся, засовывал в них пальцы и комментировал насколько там узко или нет. Остальные ржали, наблюдая за этими проверками. Когда он подошел ко мне, я подумала о том, что выжить не хочу. Пусть лучше забьют до смерти, но я не встану даже на четвереньки. Мехмет потрогал мои волосы, ущипнул за сосок через кофту.

— Она? — спросил у одного из своих.

— Она самая. Бакит себе хочет. Велел обращаться иначе.

— Себе или для кого-то по заказу?

— Сказал, себе лично. Приедет аукцион смотреть, цену обещал приличную.

Глаза торговца ощупывали меня так тщательно и мерзко, что я почувствовала, как он копошится у меня под кожей.

— Даже так? Жаль. Я б ему подогнал парочку других, а эту забрал в одно шикарное место, где как раз не хватает таких красоток свеженьких, не сидящих на дури.

— Личные указания, Мехмет. Бакит именно ее хотел.

— Пофиг. Разденься, сучка. Давай, снимай шмотки. Покажи, что ты там спрятала настолько золотое, что сам Бакит глаз положил? Ты меня слышишь, ты, недосука? Снимай шмотки и покажи мне свое тело. Симпатичная физиономия еще не залог успеха на торгах. Если Бакит не возьмет, а у него бывают заскоки, я знать хочу, что мне делать с тобой?

Я и не думала ему покориться, потому что лучше вскрыть себе вены, чем позволить с собой, как с ними всеми. Я после этого выживать не собираюсь. Потому что Я не выживу. Один из пособников Мехмета что-то шепнул ему на ухо.

— Ну и что? Для меня она — ноль, шлюха, пустое место. Какая разница? Ее все равно трахать будут, как последнюю шалаву. Бакит сам побалуется, потом брату скинет, и будут видео снимать с ней в главной роли, а может, на ошметки и по пакетам в лес после очередной вакханалии. Я что, не знаю забавы этих двух ублюдков-извращенцев? Снять тряпки, я сказал.

— Да пошел ты, — процедила я сквозь зубы и плюнула ему в лицо. — Когда за мной придут, то тебе отрежут яйца и заставят сожрать.

— Сука, — Лицо Мехмеда заострилось, глаза вспыхнули, он сжал хлыст покрепче и замахнулся. Я даже не моргнула глазом, не дернулась и не отшатнулась. Рука с хлыстом медленно опустилась. И вдруг за волосы схватил так, что из глаз брызнули слезы.

— Если бы я не был уверен, что ты принесешь мне немереные бабки, я бы убил тебя прямо сейчас. Оттрахал во все дырки, даже в уши, а потом забил до смерти, глядя, как блюешь кишками. Но на тебя уже есть покупатель. Твое счастье, что ты так дорого стоишь.

С этими словами он повернулся к своим.

— Подержите ее, я осмотрю зубы и на ощупь проверю, что под этими дорогими шмотками скрывает наша VIP-шалава для Бакита.

Меня тут же схватили сзади, руки завели за спину, а голову оттянули за волосы назад и придавили шею так, что я не могла даже пошевелиться.

— Не дергайся, не то я за себя не ручаюсь. Стой смирно.

Мехмет приподнял мою верхнюю губу, осматривая зубы.

— Даже не курит. Бл**ь, у меня такой заказ есть. Бакит все карты

вечно спутает. Лучших, падла, себе забирает и за долг списывает. Но за нее я возьму свое, либо не получит ее.

Его руки скользнули у меня по груди и ощупали, сильно сдавили, потрогали соски, затем талию, бедра, ягодицы. Я содрогнулась от брезгливости, поморщилась, силясь вырваться, но рука перевозчика сдавила мне горло еще сильнее.

— Молись, чтоб он за тебя заплатил. Иначе ты достанешься мне. И ты даже не представляешь, ЧТО я с тобой, сука, сделаю. Хотя... кто знает, что ОН сделает с тобой, наш извращенец.

Они заржали, а я вся внутренне сжалась, но с облегчением поняла, что сейчас меня пронесло. Пока. Временная отсрочка.

* * *

Торги проходили здесь же, в этом самом зале, только сейчас ее освещали неоновые лампочки и прожекторы, теперь помещение напоминало ночной клуб или стрип-бар. Самое поразительно то, что покупателей никто не видел. Лишь огромные прожекторы, подиум и камеры. Так же охрана и верные псы Мехмета. Я представляла себе все совсем иначе. Мне казалось, что будет много народа, и все будут выкрикивать свою цену, как на аукционе, но вместо этого играла музыка, она сопровождала каждую женщину, выходящую на помост. Многие из них были рады своей участи и с удовольствием демонстрировали свои прелести камерам. Потом в микрофоне послышался голос ведущего, он оглашал цену и говорил, кому продана очередная пленница.

Я смотрела в узкое окошко из маленькой гримерки, где нас причесывали и натирали тело разными маслами, где молчаливые "парикмахеры-визажисты" драли волосы расческами, украшали, вызываясь красили лицо и надевали на нас одежду, как в дешевых порнофильмах. Я не узнала себя в зеркале — размалеванная кукла с толстыми черными стрелками на веках, красными губами, блестками по всему телу. Даже на соски намазали красные румяна.

— Эту одеть, как любит Бакит. В его вкусе... — приказал Мехмет, заглядывая в гримерку.

Когда я поняла, что значит "в его вкусе", снова началась паника. Состояние, близкое к истерике. Меня раздели в латекс, корсет, чулки и застегнули на горле ошейник.

Мехмет остался доволен, он удовлетворенно осмотрел меня и вкрадчиво сказал:

— Испортишь аукцион — убью. Замучаю пытками, будешь мечтать о смерти. Никаких выходов, поняла? Будешь хорошей девочкой — больше меня не увидишь. Но я мог бы быть лучшим вариантом, чем Бакит, который с тебя кожу плетью сдирать будет под треск камеры.

Он подтолкнул меня к длинной портъере.

— Иди и делай все, что тебе скажет ведущий. У тебя в ухе наушник. Он включится, как только заработают камеры.

Я старалась не думать о том, что будет после. Время идет, и меня ищут. И найдут. Обязательно найдут. Макс убьет каждого, кто к этому причастен. Я в этом уверена.

Только бы вернуться домой не сломанной ими ТАК. Не измазанной чужими руками, телами и губами. Выдержать и не истерить. Думать. Главное, просто думать о Максе.

Я ступила на шелковую дорожку, и прожекторы тут же были направлены на меня. В ухе что-то щелкнуло, и я услышала голос ведущего. Он был похож на шепот, но четкий и настолько угрожающий, что по моему телу пробежал мороз.

— Пройдись до конца дорожки. Потом снимешь корсет. Останешься в одних шортах.

Я подчинялась этому голосу, странное спокойствие и дикое желание выбраться из лап Мехмета давало мне силы выполнять приказы. Во всем есть смысл. А в том, что сейчас происходит со мной, тем более. Тварям что-то нужно, и они нашли способ это получить, а я должна вытерпеть и дожждаться финала. Меня не могут просто так убить.

Музыка играла все громче, и я понимала, что мне, наверняка, что-то подсыпали в питье, чтобы я не боялась. Какую-то дрянь типа экстази. Меня заставили полностью раздеться, я слышала сопение ведущего, понимала, что тот видит мое тело в мельчайших подробностях. И ему нравится то, что он видит, очень нравится. Я ползала по помосту следом за мужчиной в черном, который водил меня за ошейник и щелкал плетью.

— Оближи губы, сука. Смотри в камеры и облизывай.

Мне казалось, что просмотр затянулся, что других участниц смотрели гораздо быстрее, что их не заставляли тысячи раз поворачиваться, изгибаться, поднимать волосы, улыбаться, танцевать, тереться о шест.

"Меня найдут, Макс меня спасет, он придет за мной. Обязательно

придет за мной. И с каждой минутой я ближе к этому. Они все пожалеют об этом, когда он придет. Все до одного", — успокаивала себя чувствуя, что мои нервы на пределе. Это закончилось внезапно, видимо, кто-то назвал такую цену, что перебил все предыдущие ставки. Либо Бакит назвал ту сумму, которую хотел услышать Мехмет. Когда ее огласили, я застыла, не веря своим ушам, понимая, почему Мехмет меня не ударил тогда. Это стоило того, чтобы держать себя в руках.

— ПРОДАНА.

Мерзкое слово эхом разнеслось по пустому помещению и запульсировало у меня в голове.

Я с ужасом увидела, как двери распахнулись. Зашли несколько мужчин в черных костюмах и плащах. Они казались совершенно одинаковыми, как близнецы. На меня набросили просторный халат и увлекли к выходу. Последнее, что я увидела, прежде чем мне завязали глаза — это улыбающегося, довольного Мехмета. Он помахал мне рукой и послал воздушный поцелуй.

"А с тебя Макс сдерет кожу живьем и выпотрошит, как свинью. Это я тебе обещаю".

* * *

Меня вели по коридорам с завязанными глазами, подталкивая в спину, но молча. Ни звука не издали, проклятые.

Я поняла, что мы спускаемся по ступенькам, потом меня пересадили куда-то... Кажется, на моторку. Судя по звуку и холодному ветру, треплющему волосы и освежающему горящее лицо. Тишина давила на мозги. Опять начиналась паника, а я старалась дышать глубже. Очень глубоко и медленно.

"Когда тебе будет нечем дышать, малыш, дыши мной. Думай обо мне и дыши".

И я думала о нем, я наивно надеялась, что мне это поможет. Надеялась, даже тогда, когда меня снова поднимали по ступеням и когда сняли повязку с глаз. Я поняла, что мы уже на другом судне и все еще продолжала медленно дышать, справляться со страхом и паникой.

— Пошли, — мужчина в черном кивнул в сторону коридора и грубо взял под руку, — тебя ждут.

Когда я увидела того, кто купил меня, я вдруг поняла, что меня еще не ломали. Что ломать меня будут именно здесь и именно этот человек с

густой бородой и колючими, страшными черными глазами так похожими на глаза Ахмеда.

— Здравствуй, Дарина, — сказал он низким голосом, — знаешь, зачем ты здесь?

— Я знаю, что будет с вами, когда меня найдут.

Он усмехнулся уголком рта.

— Мы тоже знаем, поверь. Но мы подготовились.

Его глаза лихорадочно блеснули, когда он опустил взгляд к моей груди и облизал мясистые губы.

— Мы снимем тебя в нашем блокбастере с рейтингом двадцать один плюс, птичка. Основанном на реальных событиях. А ты для нас сыграешь самую лучшую роль в своей жизни — СЕБЯ.

ГЛАВА 10. Бакит

Бакит смотрел, как тело женщины извивается от ударов хлыста, и от каждого ее стоны закатывал глаза. Да-а-а-а. Вот оно. Та самая музыка, которая поднимает из мертвых — ее стоны.

И эти полосы на спине. Тонкие, аккуратные, как царапинки. До мелких капелек крови, а боль адская. Изнутри рвет. Он любил, когда у него получались узоры, а это случалось ТАК редко... и с каждым годом все реже и реже. Как можно рисовать на грязных холстах? Вдохновение испарялось, таяло от их фальшивых улыбок, лести, покорности, жалкой раболепной преданности. Игры. Одни игры. "Да, Господин, да Хозяин". Ему надоело играть. С детства хотел по-настоящему. Они с Ахмедом часто снимали живые развлечения... Только отец, когда узнал, выгнал младшего сына, думал, это он десять девушек на смерть в охотничьем доме замучил. Но Ахмед любил именно игру, за ним любовницы сами бегали пачками, а у Бакита никого. Только шлюхи, и те до ужаса боялись. Приходилось самых дешевых брать, неразборчивых. Не все они потом обратно возвращались.

Многих потом закапывали за городом в пластиковых пакетах. Совесть его не мучила никогда. Шлюхи — вообще не люди. Так, отбросы гнилые. Да, все они смеялись у него за спиной, потому что он не мог сделать с ними то, что должен делать настоящий мужчина. Он видел, как под масками боли они хохочут над ним... Не-е-ет, не боятся, а издеваются, потому что он не может раздвинуть их ляжки и засадить им. Хочет... зверски хочет и не может. Тогда он их убивал. Чтоб стих смех у него в голове, и он стихал потом на долгие месяцы, пока Бакиту хватало собственной руки, натирающей вялый член до оргазма под очередной ролик Ахмеда, снятый специально для него. Наказал его Аллах наперед, в детстве еще, когда придавило под сводами рухнувшей конюшни, ноги парализовало на несколько лет... Камран тогда говорил, что это Ахмед доски подпилил, знал, что Бакит с утра на вороном кататься поедет, но он не верил. Со зла Камран ляпнул, может, сам и подпилил. Впрочем, какая теперь разница, кто. Раз наказание уже хлебнул сполна, то что теперь его остановит?

Только надоело все и опостылело. Снова к вере пришел. Какое-то время помогало. И вдруг эта девка с тонкой сливочной кожей. Увидел на фото, и пах за долгие годы прострелило возбуждением. Что-то в ней было такое... Какая-то провокация, то ли во взгляде, то ли во всем ее облике. Сильная она. Бакита всегда будоражила чужая сила. Зависть вызывала и

дрожь азарта. Предвкушение вкуса непокорных слез и крови. Это Ахмед любит раболепие и лесть, а Бакиту по нраву честность и ненависть. Вкуснее ломать, кромсать и доводить до излома.

Она его удивила изначально, как только завели в эту комнату. Слова не сказала ни единого, только смотрела свысока и насмешливо, намекая, что им это с рук не сойдет. Да и сама в этом не сомневалась. Он хотел ее довести до того, чтобы просила и умоляла, слюни по лицу своему кукольному размазывала и просила не трогать, а она молчала. Словно назло. Как знала, чего он хочет и не давала ему этого.

Не орет как все, а тихо стонет, а у него от каждого ее стопа яйца поджимаются и член начинает оживать. Такое бывает очень редко... чтоб твердел и в висках похоть колотилась с удовольствием. За долгие годы только пару раз такое было, он даже на камеру записал и просматривал иногда, видел себя нормальным, таким, как все. Отчаяние приходило позже, когда понимал, что не контролирует этот процесс. Его собственное тело живет своей жизнью.

А сейчас полосует ее спину коротким кожаным хлыстом и чувствует приход, как от наркоты, которую как-то у Ахмеда попробовал.

"Эту насильно не брать даже если встанет, Бакит. Узнают — похоронят нас. А мы имеем другие цели. Будь хорошим режиссером иними для них правдоподобный фильм, а не трешатину в своем стиле".

Только ведь он оживает... Как держаться? Разум вспышками загорается в мозгах и гаснет от зверской жажды. Красивая тварь. Очень красивая. Экзотическая, он бы сказал. Кожа белая, глаза светлые, а волосы почти черные.

— Кричи, сука. Кричи, я сказал. Ждала моего разрешения?

Камеры потрескивают отснятыми кадрами, а она не кричит, и он бьет сильнее, так, чтоб ее прорвало. Стройное тело извивается на веревках, покрыто каплями пота, блестит, лоснится, но она молчит тварь. Как назло, молчит... А его это еще больше подхлестывает и заводит. Бьет уже сильнее, со спины пот и капли крови слизывает. Вкусно. Как же вкусно, мать ее. Жаль, что нельзя с ней по полной. Он бы себе оставил. Только компания по перевозкам нужна им намного сильнее, да и вражда открытая с Воронами ни к чему. Ахмед, сученьш, все продумал идеально. Гениальная подстава, после которой семейка долго еще будет собирать себя по частям.

— Кричи, шлюха. Давай.

Развернул к себе, прокрутив на веревке, как на карусели, вглядываясь в голубые глаза, наполненные ненавистью и упрямством. Как там ее зовут? Даша, Дарья? Да пофиг. Сучка ее зовут, как и всех его пресмыкающихся

самок.

— Кричи... я сказал. Я хочу, чтоб ты кричала.

— И тогда у тебя встанет?

Прищурился. Откуда знает, сука? Или просто дерзит? Отвесил ей пощечину, потом другую и снова склонился к ее лицу.

— Кричи, я сказал, не то кожу с тебя сниму. Живьем.

— Да пошел ты.

Ударил снова, еще и еще, чувствуя, как возбуждение уже скользит по венам от вида тонкой полоски крови в уголке ее идеального рта. Раздирать эту идеальность. Если он сможет... в этот раз, то он поймет ее везде. Везде... как и мечтал в своих фантазиях, когда дергал свой член, глядя на ее фото и почти достигал подобия эрекции... достаточно, чтоб всунуть. Сам не заметил, как начал делать тоже самое, пытаюсь поднять его, и похрипывая от удовольствия.

И вдруг она расхохоталась громко, истерично. Взгляд на его руку бросила и начала хохотать, тварь. Захлебываться слезами и смеяться ему в лицо. Догадалась, сука. Она догадалась.

Все потухло, исчезло, появилось дикое желание раствориться. Исчезнуть. Или убить ее. Да. Убить. Именно убить. Забить насмерть или ножом в нее тыкать, пока кровавое месиво не останется. Он даже нащупал в кармане "бабочку", подаренную одним эком. Ручной работы.

— Заткнись. Заткнись, падаль такая. Прекрати смеяться. Я же убью тебя сейчас. Я тебя этим ножом трахать буду.

А она хохотала, не унимаясь, смотрела на него, слезы по щекам текут, а она хохочет. Достал нож и сильно сжал рукоять. Ее смех слился для него с хохотом других таких же сук, которые поплатились за это жизнью.

— Заткнись, — даже голос сорвался на визг. Стиснул ее челюсти, не давая смеяться.

— Да пошел ты на хер. Меня найдут, и ты... ты сдохнешь, — процедила она.

Затрещал сотовый, он трещал и трещал, звенел с каким-то раздражающим треском. Заставляя медлить, не вонзая в нее нож, а отсчитывать секунды в голове и смаковать то, что себе представляет и снова твердеет в паху, шевелится, оживает.

Пришла смска.

Бакит выхватил сотовый из кармана. На дисплее номер брата светится и десять пропущенных один за другим.

"Не ответишь, я к тебе прямо сейчас вылечу. Не трогай девку, я сказал"

И снова звонок, на этот раз Бакит с раздражением ответил, глядя, как девчонка смотрит на лезвие в его руке и тяжело дышит. Наконец-то испугалась.

— Да. Что тебе надо, мать твою? Какая падла донесла?

— Умная. Полезная. Которая присматривает за тобой, чтоб фигни не натворил, а если творишь — подтирает за тобой. Мы о чем договаривались, Бакит? За ней уже едут. В порту ждут тебя. В руки себя возьми и не порть наш план. Я найду тебе другую соску. Слышишь, брат? Заканчивай спектакль, как договаривались. Через пару часов получим то что хотели. Слышишь меня? Давай, щелкни пальцами... и успокойся. Нож спрячь. Не сегодня и не сейчас, и не эту.

— Ты обещал мне эту, — взвизгнул Бакит, пятясь назад от девчонки, извивающейся на веревках.

— Обещал. И дал. Но вас нашли раньше, чем я думал. У тебя времени всего ничего. Не трать его. Не то не успеешь.

— Как нашли?

— Понятия не имею. Давыдов, видать, раскололся, трубку не берет, падаль. Зверь уже в Стамбуле, вроде один приехал... но не факт. Так что давай, успокаивайся и заканчивай представление.

— Сука ржала надо мной.

— Тш-ш-ш-ш... тихо. Она над тобой сейчас... а потом смеяться будем мы... Как думаешь, ей простят? М-м-м? Где Ася?

— Здесь, на судне.

— Вот и заканчивайте. Не разочаруй меня, родной. Не разочаруй. Асю потом... сам знаешь. Давай, все. Попей воды холодной, умойся. Зверь к тебе сразу поднимется, на берег не даст сойти. Прими гостя. Он наверняка привез интересное предложение.

— Ты говорил, у меня дня три будет.

— Вот нет у тебя трех дней, и дня нет, и часа нет, Бакит. Это шанс отомстить и за Камрана, и за нас. Жена самого Зверя в твоих руках. Двойное наслаждение ломать в ее лице сразу обоих. Нет оскорбления страшнее для мужчины, чем его поруганная женщина, а еще большее, если она раздвинула ноги добровольно. Вот и заставь его в это поверить. Ты же превосходный режиссер.

* * *

Бакит почти спокойно смотрел на экран, как Зверь поднимается на

судно. Действительно один. Почти... Потому что знал, что и на дачу брата этот псих сам приехал, а трупов после себя оставил словно гребаный серийный маньяк. Не факт, что неожиданно и на их судно не поднимется человек сто, вооруженных до зубов. У Воронов везде свои люди есть.

Мужчина позволил себя обыскать, спокойно поднял руки, пока его ощупывали. Бакит хмыкнул — без оружия?

— Проверьте за штаниной и даже в пачке сигарет.

— Проверим, господин.

Нармузинов перевел взгляд на второй экран, где он сам долбился членом в рот девушке, как две капли воды похожей на жену Зверя.

Смотрел на эти кадры на мониторе и сам замирал от восхищения. Где только Ахмед откопал эту копию, и каких денег ему это стоило? Волосы того же цвета и длины, пластика носа, ярко-голубые лизы. Ей даже сиськи четко в размер подогнали и жрать давали строго по рекомендации, чтобы фигуру не отличить было. Да, Ахмед умеет творить чудеса.

Там, на видео, он поставил потом девку на четвереньки и вошел в нее сзади, пристраиваясь над ней и, оттягивая голову за копну темных волос назад, сжал горло двумя руками и жадно поцеловал, перегибаясь через ее голову.

— Нечем дышать, да? Дыши мной. Моя сука. Моя.

Она кивает, а заорать не может, только рот открывает, хрипя и задыхаясь. Камера замерла в тот момент, когда тело девушки выгнулось и задержалось в оргазме. Ахмед не обманул, Ася кайфовала от боли. Заводная, не фальшивая, реально наслаждается процессом. Жаль, пришлось от нее избавиться.

Бакит снова посмотрел на второй экран. Нармузинов нервничал, несмотря на то, что враг приехал к нему совершенно беззащитным, но беззащитность Зверя слишком показная. Этот из любой вещи оружие сделает. Он недостаточно знает Воронова младшего, чтобы предугадать его действия или понять, что тот задумал. Но когда мужчину провели в просторную каюту Бакиита, он подумал, что противник неважно выглядит, и внутри поднялась волна удовлетворения. Он себе представлял Зверя иным, видел как-то давно на каком-то приеме, а потом не доводилось пересекаться, а сейчас перед ним предстал заросший щетиной тип с кокаиновым блеском в глазах и смертельно-бледной кожей. Нездоровый тип, неадекватный. Но что-то во взгляде Зверя заставило Бакиита подобраться и насторожиться, когда тот посмотрел прямо в камеру. Когда-то Нармузинов был на полигоне террористов-смертников и видел такие же взгляды больных фанатиков, готовых на все ради своей дикой цели. И этот

готов. В зрачках пустота и смерть. Не ненависть, не обещание отомстить, а именно смерть. То ли в себе ее носит, то ли Бакиту принес.

Нармузинов бросил взгляд на спящую рядом женщину, накачанную снотворным. Беспокойно спит, веки подрагивают, шепчет что-то неразборчиво. Черная шелковая простыня прикрывает голое тело со следами экзекуции и синяками. На шее засосы. Он заботливо поправил ее локонь, стянул простыню, обнажая тело. Засмотрелся на рисунок из тонких бордовых полосок на спине.

Жаль, что это лишь представление, он бы с удовольствием лицезрел ее в своей постели каждое утро с такими метками. У него-таки встал, когда продолжил ее полосовать, аккуратненько и уже ради самого искусства, правда оттрахал он другую... но так похожую на нее... Брат не глотает оскорбления, он их копит и вынашивает, чтобы потом отомстить. Кино с этой актрисой, так похожей на оригинал, получилось занимательное, грязное, пошлое, развратное. Он хлестал ту суку, а представлял эту, драл на части, рвал везде, где только мог, а она завывала от удовольствия, давно с ним телки не выли... да что там давно — никогда. Правда, эта выла за бабки, которые ей пообещал Ахмед, а вместо десяти тысяч баксов ее час назад по кускам кинули в средиземное море. Только ощущение у Бакиста осталось, словно все же отымел жену Зверя, настоящую. Когда пленку просматривал, сам усомнился в подмене. Четко сработано, профессионально. Гостя ждет ВИП-просмотр шикарного запрещенного порно, где он увидит свою собственную жену, отсасывающую Бакиту или подставляющую свой зад под его член.

Нармузинов встал с постели, накинул на голое тело шелковый халат и наконец вышел к гостю, которому до этого успели принести бокал виски и сигару.

* * *

Когда вошел и посмотрел посетителю в глаза — стало холодно, мрак в зрачках гостя оказался лихорадочно живым, он вибрировал и подергивался, как живой организм. Бакит поежился. От этого человека исходила опасность. Скрытая и пока что контролируемая, но Нармузинов не был уверен, что у того все под контролем. Не даром его называют Зверем.

— Максим Савельевич, рад нашей встрече. Такая приятная неожиданность. Хотите чаю?

Протянул гостю руку, но тот продолжал смотреть ему в глаза, и вблизи

этот взгляд казался еще страшнее, чем в маленькой камере наблюдения. Взгляд опустил ниже, на чуть распахнутый халат хозяина судна, и снова вернулся к лицу Бакиита.

— Прости, Зверь, не ожидал гостей. Занят был. Оторвал ты меня от очень приятных дел, дорогой, — ухмыльнулся, поправляя пояс, и сел напротив гостя в кресло.

— Чего стоишь? Как говорят ваши — в ногах правды нет. Присаживайся.

Парень сел в кресло. Очень медленные движения, словно он заторможен или действительно под кайфом, но Ахмед как-то говорил про своих хищных кошек, что самые опасные звери всегда двигаются либо медленно, либо молниеносно.

— Я по делу и времени у меня мало.

Голос ледяной, отстраненный. На лице не видно ни одной эмоции. Пока. Бакиит искренне надеялся, что пока.

— Ну тогда приступим к твоему делу, Зверь. Вижу, виски наш ты не тронул, побрезговал?

— Нет, предпочитаю быть трезвым сегодня.

Спокоен и холоден. Бакиит по-прежнему чувствовал покалывание вдоль позвоночника. Словно это не Зверь у него в каюте сидит без оружия, и стоит только Бакииту пальцами щелкнуть — того порвут на части, а наоборот — это сам Бакиит окружен со всех сторон смертью, и она дышит ему прямо в лицо.

Зверь сунул руку за пазуху, и Бакиит почувствовал, как в горле тут же пересохло, бросил взгляд на камеры и на ящик стола — успеет ли ствол достать, но тот вытащил небольшую карту и медленно разложил на столе.

— Вот здесь и здесь моя территория, мои цистерны и моя граница. Шестьдесят процентов акций. Я так понимаю — это нужно было вам с Ахмедом?

Бакиит почувствовал, как триумф смешивается со страхом и несется по венам.

— Говори более понятно, Зверь. Прямо говори.

— Компания по перевозкам принадлежит мне. Я получил ее от отца, а тот от Царева-младшего. Я отдам тебе контрольный пакет акций. Доходчиво? Или повторить еще раз?

Бакиит не удержался и прищелкнул языком, откинувшись на спинку кресла.

— Более чем доходчиво, Зверь. Вопрос в другом — с чего бы это?

Но они оба знали — с чего. И Бакиит ясно прочитал это в глазах Зверя,

когда тот поднял взгляд на него. Тяжелый взгляд, свинцовый.

— У тебя есть то, что принадлежит мне, и я готов обменять ее на контрольный пакет, Бакит. Мою жену, которая, судя по всему, находится на этом судне. Поэтому я говорю с тобой прямо — я ее забираю. Я не стану торговаться, играть с тобой в какие-то игры. Я предложил плату, и ты либо берешь, либо ты мертвец. Третьего нет, Бакит, думать не надо.

Нармузинов тоже закурил и покрутил печатку на среднем пальце. Слишком все просто, либо Ахмед и правда гений. Знает то, чего не знает сам Бакит. Кажется, птичка с голубыми глазами заарканила Зверя, да так, что тот на многое готов, лишь бы получить ее обратно. Возникло едкое желание отказать и оставить сучку себе.

— Угрожаешь мне, Зверь?

— Нет. Я никогда не угрожаю — я предупреждаю. Угрожает тот, кто ни на что не способен.

Бакит нервно усмехнулся и снова отметил этот блеск в глазах гостя — таки под дозой. Ему раньше не говорили, что Зверь сидит на дури. Как Ахмед мог этого не знать.

— Зачем тебе сука, которая убила твоего отца, Зверь? Зачем тебе шлюха? Моя шлюха, которая сосала у меня полчаса назад вон в той каюте, — кивнул назад.

Удар достиг цели, и противник стиснул челюсти так, что Бакит услышал, как заскрипели зубы. Драйв. Ахмед был прав. Сродни оргазму. Мягко ломать врагу грудную клетку каждым словом и подбираться к сердцу, чтобы выдрать.

— Я говорил ей, писал, чтоб не лезла к вам, что все в прошлом. Она сама наворотила всякого дерьма. Я вообще думал убить ее и доказать вам с Графом наше истинное расположение. Девка была одержима мстью вашему отцу и вам. Вы ей жизнь поломали, ей и ее матери. Железный мотив, я бы сказал. Что, впрочем, не мешало ей кувыраться с тобой в постели... А она та еще штучка, да, Зверь?

Макс резко встал, и Бакит расхохотался. Он буквально слышал, как лопаются вены противника под ударом каждого слова-лезвия. Чужая боль потекла по нервам, принося удовлетворение. Ахмед обещал кайф и не обманул. Ментально Бакит только что кончил.

— Не нервничай, Зверь. Живая она. Как же женщины вертят нами. Мы их люто ненавидим и в тоже время готовы за них убивать. Успокойся. Живая.

Не совсем целая, но живая. Твоя жена девочка с секретом. Не знаю, все ли тебе о ней известно, но она не любит оставаться целой после секса.

— Избавь меня от подробностей твоей нездоровой сексуальной жизни. Давай четко по делу. Где она и когда я ее могу забрать?

— О-о-о-о, хочешь наказать сам. Я понимаю. Понимаю, как никто другой. Но ты то после появился... а до тебя моей сукой была, каждую мою прихоть выполняла. Поосторожней с ней. Не наказывай шибко. Жалко все-таки. А может, мне оставишь? Зачем она тебе после всего этого? Договоримся. Я тебе вместо нее что-то другое подгоню. Кокс высшей пробы. Кристаллы чисты, как алмазы...

— Я хочу четкий ответ на поставленный вопрос. Тебе подходит или нет?

Зверь проигнорировал предложение Бакита и швырнул на стол флешку с пластиковой карточкой.

— На носителе копии пакета, а это ключ от ячейки в банке. Все переписано на твое имя и заверено нотариально.

— Я вот думаю...

— Меньше думай, Бакит. Мы оба знаем, насколько тебе это нужно. Тебе и твоему братцу. Два раза предлагать не буду.

— Слишком дорого за дешевую шлюху, Зверь. Знал бы я, что она так дорого стоит, продал бы ее тебе намного раньше. Информацию проверить надо.

Встал с кресла и протянул руку за картой, но Зверь ловко перехватил ее и повертел между пальцами, как игральную.

— Флешки достаточно для проверки. Убедишься — скажешь. Карточку получишь, когда я получу свою жену.

— Не боишься, Зверь, что не выйдешь отсюда?

— А ты не боишься, что я тебе этой карточкой перережу глотку? Приведи мою жену, Бакит. Сюда приведи. И разойдемся мирно. Никто не умрет. Сегодня.

Провернул в пальцах пластик еще раз и посмотрел Бакиту в глаза. Тот не выдержал взгляд, сжал флешку в пальцах.

Самоуверенный ублюдок, наглый и зарвавшийся сукин сын. Только проверять, насколько Зверь отвечает за свои, слова Бакиту не хотелось.

— Я пока проверю, а ты кино посмотри. Я думаю, оценишь. И да... зачем мне ее приводить? Она вот за дверью. Спит в моей постели. Притомилась за ночь.

Нажал на пульт и на большом плоском экране телевизора появилось изображение...

— Захочешь еще виски — бар в твоем распоряжении. С перемотками и паузами, я думаю, разберешься...

Это было унижение... и Бакит, когда прикрыл за собой дверь, прислонился к стене, вытирая пот ладонью с затылка. Ощущение, что вся эта затея Ахмеда попахивает мертвечиной его так и не покинуло, несмотря на то, что это была самая настоящая победа. Зверь сам казнит свою "неверную" жену, а потом трещина разрастется и по всему семейству... но смертью воняет все равно. Недаром Бакиту несколько дней назад снилось, как вороны глаза ему выклеивают, а он орет беззвучно и лицо руками закрывает...

ГЛАВА 11. Андрей

— И когда я смогу получить обратно свой телефон?

Настя смотрела мне в глаза, ожидая, и словно пытаюсь прочесть в моем взгляде ответ на свое недоумение.

— Сегодня...

— Нашли что-то интересное? — хмыкнула и слегка прищурила глаза.

— Не волнуйся, Настя, даже если там были какие-то грязные секреты, меня это совершенно не волнует.

— Андрей, не ерничай. Может, объяснишь, в конце концов, что происходит? Что все это, — она развела руки в сторону, — вот все это, значит?

— Я не люблю самодеятельности, Анастасия, — приблизился к ней вплотную, остановившись в миллиметре от ее лица. — И ты это прекрасно знаешь. Какого черта ты сюда заявилась, и откуда знала, что они здесь?

Увидел, как она поджала губы, а в глазах появился влажный блеск. Даже подбородок слегка дернулся.

— Мне Фаина позвонила, попросила приехать... Сказала, что ей уехать срочно нужно, а Карину не хотела оставлять одну. Допрос окончен?

Дьявол... Понимаю, что обидел ее сейчас. И вроде складывается все, вроде правду говорит. И про Фаину, которая к Афгану в больницу срочно уехала — все логично. Получается, что помочь хотела, поддержать, с моей же дочерью возится. Только все равно внутри недоверие. Дерганые мы все стали. Врага в каждом видим. А тут... Черт его знает. Подставить любой может, да так, что не подкопаешься. Поэтому все равно не верил. Подвоха какого-то ждал на каждом углу. Потому что все из-под контроля выходило, и меня колотило от этого крупной дрожью. Внутри. Там, глубоко. Кажется, что каждое слово произнесенное тройное дно имеет, что любой может крысой оказаться. Поэтому взбесился, что приехала сюда без моего ведома. Приказал телефон отобрать, проверить, даже одежду ее, вплоть до нижнего белья. Унизительно это, знаю. Только сейчас другие приоритеты — не дать развалить все окончательно — семью, бизнес, место наше, которое мы зубами выгрызали каждый день.

— Фаину, значит, тоже разговор ждет. Потом...

Я отошел от нее на несколько шагов и приблизился к мини-бару,

доставая бокалы.

— Выпьешь чего-нибудь?

— Нет, спасибо. Не хочется, — она подошла к окну и смотрела куда-то вдаль. Обняла себя за плечи. Отвернулась. Не хотела, чтобы лицо ее видел, с эмоциями так легче справиться.

Я все же налил в бокал красное вино, знал, какое любит, и подошел к ней, становясь рядом и протягивая ей напиток.

— Настя, мы не первый день знакомы, и меньше всего мне хотелось тебя обидеть. Ты умная женщина и все должна понимать. Нет полного доверия. Ни к кому. Ничего личного. Обстоятельства требуют.

Она обхватило ножку бокала тонкими пальцами и сделала несколько торопливых глотков.

— Знаю я все. Понимаю. Уехать хочу. Фаина сегодня должна вернуться.

— Да, конечно. Только я к тебе людей приставлю своих.

— Дальше проверять будешь? — она ухмыльнулась. Горько так, разочаровано.

— Нет. Охранять...

Настя залпом выпила оставшееся вино и поставила бокал на стеклянный столик. В этот момент в гостиную вошла Карина. Лицо засияло, глаза засверкали, подбежала ко мне — а у меня горло занемело от того, что увидел ее такой. Рада видеть. Не скроешь этого. Сам не заметил, как улыбнулся — искреннее, давно не чувствовал такого, чтобы от счастья в груди тесно было.

— Карина, привет, доченька... — руки протянул, чтобы обнять, а внутри опять дрожь, обнимет ли в ответ. После того визита к врачу у нас и времени-то толком не было, чтобы поговорить. Что она чувствует сейчас? Как себя поведет? Мысли вертелись словно ошалелые, а когда почувствовал, что обвила шею, показалось, что я дышать перестал. Все свой смысл потеряло, на второй план отошло. Как будто нет ни проблем, ни тревог, как будто не нужно сейчас бежать куда-то, что-то решать, договариваться и выяснять. Одно движение — а сил как будто в десять раз больше стало. Как и уверенности, что все улажу. Не может все вот так вот, в один миг рухнуть. Не может. Увидел, как Настя тихо вышла из комнаты, поднимаясь на второй этаж. Спустя короткое время Карина все же не удержалась и решила пожаловаться.

— Па-а-а-ап, я, конечно, все понимаю, но закрыть меня здесь без интернета — это жестоко... Я скоро умру со скуки...

Возмущается, губы надула, но нет в ее словах злости или раздражения,

как раньше. Это чувствуется. Уверен, она понимает, что неспроста все, что так нужно, что происходит что-то, от чего ее уберечь пытаются.

— Потерпи, дочь... Ты ведь знаешь, что это не моя прихоть...

Смотрит мне в глаза, и взгляд поменялся — появилась в нем серьезность и тревога. Ребенок ведь, хоть и пережила намного больше иных взрослых. Защиту хочет чувствовать, знать, что в безопасности, что есть кому защитить.

— Пап, что-то случилось, да? Что-то плохое?

Хочется соврать, успокоить, улыбнуться фальшиво и отмахнуться, что нет, все хорошо, что не о чем волноваться, только понимал, что не поверит и только очередную стену выстроит эта ложь.

— Случилось, моя хорошая. Поэтому ты здесь. Потому что так нужно. Но я все решу. Ты же веришь мне? Веришь?

— Верю, конечно... Просто тяжело мне. Фаина вся задумчивая. Молчит постоянно. Ты весь на нервах... Сложно мне сидеть и додумывать...

Обхватил ладонями ее лицо и прямо в глаза смотрю. Опять чувство гордости распирает, насколько сильная она. Как ведет себя. Нет той спеси, которой прикрывалась раньше, только тревога, волнение, и при том — никаких лишних вопросов.

— Карина, послушай, потерпи сейчас, хорошо? Я не знаю, сколько. Это то, о чем я хочу тебя попросить. Хотя бы за тебя я хочу быть спокоен. Это временно...

Улыбнулась слегка, своими пальцами мои накрыла и в конце концов глаза опустила... Знаю, что кучу вопросов задать хочет, но сдержалась. Сказала ведь, что верит, поэтому и не стала продолжать.

— Хорошо, пап. Давайте уже, решайте все быстрее. А может, ты Даринку ко мне привезешь. Мне бы легче было, и не так скучно. Попроси у Максима, он отпустит?

Отвернулся, опять к бару подошел, потому что в глаза не могу ей смотреть, потому что в этот раз все же придется лгать. Налил в бокал виски и залпом выпил.

— Она приедет. Только немного позже. Они с Максом не в городе сейчас. Как только вернутся — будет тебе твоя Даринка. Договорились? — придал голосу мнимую веселость, чтобы не почувствовала в нем вибрации волнения.

— Да, я буду очень ждать. Скажи, пусть хотя бы позвонит, а то и поговорить не с кем...

— Хорошо, Карина. Обязательно... Ты такая у меня молодец. Мне

уезжать уже надо...

— Так быстро? — тихо произнесла она, с грустью, а мне как законченному эгоисту опять улыбаться хочется. Значит, тоскует...

— Прости, доченька... Правда, нужно. Я скоро опять заеду, обещаю...

— Хорошо, пап. Давай тогда...

* * *

Как только я выехал за ворота, сразу же схватил телефон. Дьявол. Он мне так и не перезвонил. Макс, бл***, где тебя носит. Он мне весь день не отвечает. Просто не отвечает... Я наверное ему раз сто уже набирал — и тишина. Что за хрень? Он же знает, мать его, что я тут на иголках. Что за игры? Что случилось? Набрал опять. Связи нет... Чертыхнулся и со всей силы ударил руками по рулю. Я готов был взорваться сейчас, я был зол как черт, потому что так, бл***, нельзя. Нельзя. Понимал, что у этих отморожков все могло пойти не так.

Да какое понимал, уверен был. Только Макс, если хотел бы — нашел бы способ оставить информацию. А он просто не отвечает. В такие моменты мне казалось, что я ненавижу его настолько сильно, насколько это возможно. Ненавижу, потому что знаю, в какое дерьмо он влезть может. Ненавижу, потому что не плевать. Потому что места себе не нахожу от этой гребаной неизвестности, которая любого способна свести с ума. Не заметил, как на встречу выехал и, едва справляясь с управлением, резко отвернул машину, чтобы избежать столкновения. По ушам резанул визг шин. Черт. Только угробить себя сейчас — и все... Так, хватит психовать, мозги включить нужно. Узнать, что произошло и куда Макса занесло на этот раз.

— Ало, Русый... Пробей, где Макс сейчас. Он вернулся уже?

— Да, Андрей Савельевич. Вернулся.

Я со всей силы сжал зубы от злости и ярости.

— У себя?

— Да...

Нажал на кнопку отбоя и отшвырнул телефон, вдавливая со всей силы педаль газа. Я сейчас до тебя доберусь, и ты мне, твою мать, объяснишь, почему так себя ведешь. Сейчас я был готов думать о нем что угодно, потому что не хотел допускать других мыслей. Тех самых, которые могли сломать нас всех. Не хотел думать о Дарине. О том, что произошло, и что Макс мог узнать. Когда подъехал к его дому, мне не сразу открыли. Что

за?.. Они что, вообще все с ума посходили? Пришлось даже выйти из машины и рывкнуть охраннику, который смотрел на меня перепуганными глазами, а потом и вовсе потупил взгляд. Мне все это порядком надоело. Что за фокусы? Я быстрым шагом направился в сторону дома и решительно открыл дверь.

— Макс. Ты где?

В помещении — полумрак, шторы задернуты, нигде свет не горит. Я еле смог рассмотреть брата, который развалился в кресле и, чертыхнувшись, наконец-то ответил.

— Граф, бл***. Закрывай дверь пошустрее... Долбаный свет...

Если бы я не знал, что это мой брат, клянусь, я бы его не узнал. Бледный, глаза ладонью прикрывает, как будто солнечного света боится, или же скрыть что-то хочет. Исхудававший... от него, наверное, половина осталась. В руке — бутылка виски... Из горла хлестал, никак иначе.

— Дарина где?

Я приблизился к Максиму и в который раз удивился тому, что от меня прячут взгляд. Этот дом как будто стал чужим. Не только люди, которые в нем живут, а даже стены, даже та зловещая тишина и темень, в которую он погрузился.

Он вальяжно поднес ко рту бутылку с виски, сделал несколько глотков, а потом, глядя мне прямо в глаза, рассмеялся. Раскатисто. Громко. От этого смеха стало жутко. Словно передо мной — душевно больной человек.

— А нет Дарины, брат... Нет ее...

Он продолжал смеяться, а мое недоумение начало перерастать в злость. Что за комедия, что за фарс? Нашел когда накидаться и нести чушь...

— Эй, Макс... В руки себя возьми. Где Дарина, я спрашиваю?

Он бросил бутылку, и она ударилась о стену. Напряженную тишину прорезал звук разбивающегося стекла. Вскочил и начал шагать по комнате то в одну сторону, то в другую, словно не мог сидеть на одном месте. Возбужден до предела, взвинчен, даже руки потряхивало.

— Я тебе сказал уже... Нет этой шлюхи. Осталась ублажать Бакита... еще вопросы?

Я подбежал к нему и схватил его за рубашку.

— Ты что несешь? Совсем мозг пропил уже?

Увидел наконец-то его глаза, и не по себе стало. Да он под кайфом. Дряни какой-то нанюхался, поэтому и ведет себя так. Даже сомневаться не пришлось. Только этого не хватало сейчас. Что угодно вытворить может. Желваки ходуном ходят, впился пальцами в плечи и со всей дури меня

оттолкнул.

— Шлюха твоя Дарина... Вот что... Забудь, брат. Пригрели, бл***...

У меня в голове не укладывалось то, что он орал сейчас. Опять это гребаное чувство фарса. Сам еле сдерживался, чтобы не сорваться, видел просто, что не в себе он сейчас.

— Ты можешь внятно рассказать, что произошло? Что ты узнал? Какого хрена вообще происходит?

— Я, брат, ни хера не буду тебе рассказывать. Я, бл***, своими глазами видел ее... голую в его постели... Ноги, сука, перед ублюдком раздвинула... даже видео имеется. Хочешь глянуть, как сестра твоя, шлюха, стонет и орет под уе***ком этим? Уверен?

— И ты хочешь сказать, что ты ее там оставил? Ты думаешь, я идиот, Макс? Сестра где? Я сейчас весь дом разнесу нахрен... Говори, давай.

— А ты думаешь, я такую шалаву в дом свой привел бы? Ту, которая отца нашего урыла и как сука скулила под другим?

— Да что произошло, в конце концов... Что там, бл***, произошло?

— Я приехал туда... с ублюдком этим поговорил, он мне все и выложил. Все... Не лезь в душу, Граф... Не лезь... Там такое творится, что... не ковыряй. Забудь. И я забуду. Когда-нибудь. Одной сукой меньше, одной больше. Нам не привыкать...

Я видел, как он заводится еще больше. Как его бьет раз за разом волна отчаяния. Как ломается, как крошится на части, как ненавистью своей дышит, чтобы не задохнуться и не сдохнуть сейчас. Я понимал, что никакого разговора сейчас не получится. Не знаю, что произошло там, что он увидел, чем все закончилось, только понимал, что самому придется туда поехать. Слишком много Дарина для него значила, превращался в одержимого с ней. Нет тут трезвых мыслей. Ни одной. В таком состоянии можно в чем угодно человека убедить, особенно такого, как он — у которого между любовью и ненавистью грань стерлась. Как не убил ее? Просто оставил? Не верю... Не верю, бл***. Не сходится тут что-то... Самому выяснить нужно. Я вообще не уверен, что Макс сейчас не путает реальность с вымыслом. Судя по всему, он не первый день на белой дряни сидит.

— А теперь послушай меня. Проспись, иди... Завтра отца похоронить надо, и не дай Бог я увижу тебя завтра в таком же состоянии...

Вышел из дома, чувствуя, словно на грудь сотню гирь взгромодили. Тяжело на душе, так паршиво, что с каждым днем все только хуже становится, что вместо того, чтобы выяснить что-то, мы только

запутывались в этом липкой паутине. К Ахмеду ехать надо. Бакит пешка его, не с ним решать надо. Сестру забрать и самим думать, что делать дальше. Все свидетельствовало против нее, видео какие-то гребаные, одно за другим, а мне все равно хотелось докопаться. Даже если виновата — пусть передо мной ответит. Перед семьей своей, которую разнести в клочья захотела. Пусть в глаза мне посмотрит и скажет все, как есть. Если Макс прав — то Дарина не упустит шанса, чтобы нанести еще один удар, и выплюнет в лицо правду, которая терзает острее кинжала.

Набрал опять начальника службы безопасности, нужно было хоть что-то узнать. Сам не смог проконтролировать, как Макс вернулся, но сопровождение всегда работает.

— Русый, Макс когда вернулся, один был?

— Андрей Савельевич, мы его вели уже на пути из аэропорта. Охрана его и он в машине были.

— И все?

— Да, Максим и трое людей его...

— А Дарина?

— Точно не было. Мы вели их до самого дома, пока в ворота не въехали...

— Хорошо, до связи.

Дьявол. Неужели правду говорит? Неужели я до сих пор пытаюсь найти ей оправдание? Такие вещи не придумаешь. Их, наоборот, спрятать хочется, чтобы не увидел никто и не узнал, что тебя выставили полным идиотом. Наивным. Зверя, от которого весь криминалитет шарахается, обычная девка вокруг пальца обвела, с руки кормила, пока время подставить не пришло. Не мог лгать... Не об этом. Плевать, что под кайфом...

Откинул голову назад, сжимая пальцами виски. Пульсируют, до боли, а в легких словно воздуха не осталось. Завтра отца хоронить, прощаться, в последний путь отправить по-семейному, а от семьи этой не осталось ничерта. Мысль закралась — подлая такая, недостойная, что хорошо, что умер... Не видит всего этого, покой наконец обрел. Успел еще застать нас всех... счастливыми, что ли? Прощенье попросить и дожждаться того же. Сыновей обрел, семью. Не под проклятия на тот мир ушел, а в мире и спокойствии. Только это-то и стало началом конца.

На похороны съехалось несколько сотен лживых и лицемерных тварей, чтобы насладиться чужим горем. Смаковать чужую скорбь и отчаяние. Обменяются наигранными улыбками и рукопожатиями. Слетелись, коршуны. Высматривают, чем поживиться. Кого сдвинуть, кого убрать и что урвать. Злорадно шепчутся прямо за нашими спинами, что жена Макса не приехала. То ли синяки прячет, то ли хвостом вильнула и бросила Зверя. Испытывают наше терпение. Намеренно. Издевательски ударяя в одну и ту же цель. Наносить удары, зная, что пока все мы находимся у могилы отца, их не тронут. Потому что слабость нельзя показывать. Никогда. Тут, на кладбище, каждый ублюдок ощущал эту циничную неприкосновенность, потому что тот, кто сорвется — проиграет.

А после похорон мы с братом разъехались в разные стороны, сухо попрощавшись. Словно не было последних нескольких лет, словно не братья уже. Чужие. Он замкнулся в себе, избегая разговоров, вопросов, отмахиваясь от попыток поддержать. Даже глаза свои прячет под солнцезащитными очками.

Каждый по-своему переживает свое горе, справляется с болью и находит способ, как существовать дальше. Он не тот уже. Словно часть от него отрезали.

Присматривать за ним надо, с наркотой чтоб завязал. Хреново ему, понимаю, только в гроб себя загонит за несколько месяцев. А пока что нужно связаться с Ахмедом... Нутром чую, что есть тут что-то, чего я не знаю. Слишком много недостающих элементов в этой картине. Только решение действовать позволяло сейчас держаться. В этой истории не может быть такой точки...

ГЛАВА 12. Дарина

Я открыла глаза от того, что меня били по щекам. Не больно, но довольно чувствительно. Вскочила на постели, прижимая к себе простыню и глядя расширенными глазами на ненавистную рожу Бакиита, от вида которой тошнило и все скручивалось в узел. Если бы я могла ее разодрать в кровь, я бы это сделала. И сделаю когда-нибудь.

Тяжело дыша смотрела на него и чувствовала сильную боль в висках, как и там, в трюме, когда очнулась после сильной дозы снотворного. Кажется, и сейчас мне вкололи нечто подобное, потому что меня мутило и в горле дико пересохло. Я помнила, как меня сняли с веревок и сделали укол в вену. С ужасом прислушивалась к собственному телу, но кроме жжения и боли от ударов хлыстом ничего не беспокоило. Меня не тронули. Я чувствовала кожей, на подсознательном уровне. Этот ублюдок не занимался со мной сексом. Если он вообще способен им заниматься.

Тогда почему я голая и в его постели, к горлу подступила тошнота от одной мысли, что он ко мне прикасался, пока я спала, но Бакиит ухмыльнулся и швырнул мне ту одежду, в которой меня похитили. Она провоняла гнилостным запахом трюма и рыбы, которую в нем перевозили. По коже медленно поползли мурашки... Что это? Неужели? О, Боже. Так быстро? Неужели меня нашли?

— Раздумываешь, трогал ли я тебя этой ночью, пока ты спала? Нет. Не трогал. Я не люблю трупы — я люблю орущих и дергающихся сучек. Да и поверь — это совершенно не имеет никакого значения. Одевайся. За тобой приехали.

Все. Он мог больше ничего не говорить. Или наоборот — он мог говорить все что угодно, но, когда я услышала это "за тобой приехали", я перестала что-либо соображать. Я поняла, кто. Сразу поняла по взгляду проклятого азиата, по его презрительной ухмылке и, да, по страху в его глазах. Я видела его там, на самом дне. Легкая тень ужаса, которую мог вызвать в этом монстре только другой монстр. Слишком похожий на него самого, но более сильный и опасный. И этим монстром мог быть только мой муж... либо мой брат. А скорее всего они оба и вместе. И я не могла в это поверить. Боялась, что разочаруюсь и сойду с ума, если это не так. От одной мысли, что Макс здесь, где-то рядом, совсем близко, мне становилось больно дышать, и я словно летела в пропасть на огромной

скорости, так быстро, что свистело в ушах и ломило все тело.

Я натянула через голову свитер, не обращая внимания на боль в израненной спине. Какая к черту боль, если Максим здесь? Моя анестезия, моя сила, моя стена. Все перестало иметь значение. Даже то, что Бакит смотрел, как я одеваюсь. Мне стало наплевать на его присутствие. Ведь за мной приехали. А значит — ему недолго осталось. Совсем не долго. Когда я буду в безопасном месте, он пожалеет о каждой секунде, которую я провела здесь, о каждом ударе, о каждом слове, что сказал мне. Ему отомстят за меня, и так жестоко отомстят, что он будет мечтать о смерти. Мой муж умеет быть лютым извергом, если кто-то его сильно разозлит...

Когда я лихорадочно застегивала змейку на сапогах, то вдруг, приподняв голову, увидела, как азиат улыбается, он буквально излучал какое-то ненормальное удовольствие... Даже страх испарился из взгляда его узких глаз, пристально меня разглядывающих, как будто впервые увидел.

От сомнений стиснуло горло... А что, если это не Макс приехал? Что, если этот ублюдок что-то задумал? Какое-то низкое издевательство? Он способен на любую подлость. Я не должна рано радоваться. Должна быть готова ко всему.

— Торопишься, птичка, ручки дрожат? Я бы на твоём месте так не торопился.

Не спросишь, кто за тобой приехал или настолько уверена в нём? М-м-м? Знаешь кто здесь, да?

Я выпрямилась и, все так же тяжело дыша, посмотрела Бакиту прямо в глаза:

— Знаю. Я могу сомневаться в ком угодно, но только не в нём. И тебе не советую.

Но улыбка с его лица не исчезла, несмотря на угрозу, и мне стало не по себе.

— Правильно, птичка, не сомневайся. Идем, хватит прихорашиваться, ты и так у нас красивая.

Опустил взгляд к моей шее и снова посмотрел в лицо, ухмыляясь, а я вспомнила, как эта мразь засасывала мою кожу и лизала мой подбородок, когда я висела на веревках и мечтала сдохнуть раньше, чем он меня испачкает своими прикосновениями еще больше.

— Может, останешься? Я бы повоевал за тебя со Зверем... А? Не хочешь дать нам шанс, девочка? Нам же было так хорошо вместе.

— У тебя он есть, этот шанс. Шанс прямо сейчас бежать так далеко, чтобы Зверь никогда не смог тебя найти.

— Кто знает... может, тебе стоило бы бежать так же далеко. Счастливой дороги, птичка. Я надеюсь, ты не пожалеешь, что выбрала не меня.

— Да пошел ты. Начинай молиться, Бакит. С той минуты, когда моей жизни не будет угрожать опасность — твоя упадет в цене ниже плинтуса.

— Ты тоже молись, девочка... кто сказал, что твоя жизнь с этой минуты стоит дороже моей? Только, возможно, ты меняешь один ад на другой...

— Не льсти себе. Это не ад. Здесь у тебя. Это так, грязный притон и больной извращенец во главе него.

— Конечно, не ад... Ад у тебя только начинается. Бакит всегда знает, что говорит. Я приготовил для тебя много сюрпризов... но получишь ты их не от меня, а от того, в ком ты так уверена. Запомни, сучка, в этой жизни нельзя быть уверенной ни в ком. Даже в своем отражении.

Сказал вполне серьезно, чуть прищурившись.

— Мне жаль тебя.

И меня передернуло от мрачного предчувствия, что эта тварь все же что-то задумала.

— Себя пожалей. Недолго тебе осталось.

Он не пошел за мной следом, меня вывели его молчаливые псы, подхватив под руки с обеих сторон. А мне хотелось броситься, сломя голову, вперед, а внутри клокотал пожар, безумие, бешеный восторг. Я снова забыла о проклятом Баките, я предвкушала свободу и встречу с Максимом. Я ее буквально видела перед глазами в мельчайших деталях.

А потом я потеряла способность дышать и даже крикнуть. Как во сне, когда открываешь рот и не издаешь ни звука. Я увидела Максима. Он стоял возле машины и смотрел на меня. Не двигаясь, словно сам превратился в камень. Только взгляд, продирающийся сквозь кожу к самому сердцу. Макс быстро надел очки, а мне захотелось побежать к нему, но я не смогла, у меня ноги не слушались. Как ватные. Занемели. Меня просто парализовало, а по щекам покатались слезы. Градом. От счастья, что он здесь. Что забрал меня. Разве могло быть иначе? Это же мой Максим. Мой муж. Мой безумец. Он бы меня нашел даже в пекле. Для него нет ничего невозможного. Такой бледный, худой... в темных солнцезащитных очках, а я его взгляд чувствую кожей... Но хочется содрать очки и захлебнуться в синеве, потеряться в ней, раствориться и сойти с ума от того, что он рядом.

Я все же набрала в легкие побольше воздуха и хотела крикнуть, но в этот момент Макс махнул своим людям рукой и сел в машину. Я еще не понимала, что происходит, глядя, как отъезжает его автомобиль, как, скрипя

покрышками, разворачивается, чтобы уехать прочь, а меня подхватывает под руки Фима и ведет к другой машине. С облегчением увидела знакомые лица и радостно вздохнула полной грудью. Запах свободы, он пьянит, он сводит с ума.

Все. Все кончено. Этот кошмар. Так быстро и так невыносимо долго. Макс просто сильно торопился, нужно покинуть это место как можно быстрее, я думала что угодно, ища оправдание тому, что он не бросился ко мне, не сдавил в объятиях до хруста...

— Фима. Куда Максим поехал? Почему я не с ним в машине? Что-то происходит? Это какая-то стратегия?

— Вам лучше помолчать, — спокойно заметил Фима. — Помолчать и следовать с нами. Садитесь в машину.

На "вы"? Он со мной на "вы"? С каких пор?

— Что происходит? Нам угрожает опасность?

Но мне никто не ответил. Телохранители, к которым уже давно привыкла еще в своем доме, расположились в джипе так, что я оказалась посередине. Словно под строгой охраной, а Ефим сел вперед рядом с водителем. Наверное, тут слишком опасно. Наверное, нас могут преследовать, Макс что-то натворил, чтобы вытащить меня отсюда. Да. Он мог. Все что угодно мог, лишь бы забрать меня и вернуть домой. Мо-о-о-ой Зверь.

Воздух. Свежий воздух. Свобода. Я увижу его очень скоро. Мы же полетим на самолете и обязательно будем вместе. Господи. Я с ума сойду, когда почувствую его так близко. И сердце снова застучало в горле.

Я знала, что он заберет меня, знала. Но что у них за лица, как на похоронах? Почему никто не рад меня видеть? И медленно вдоль позвоночника холодом — предчувствие...

— Фима, что-то случилось, да? Там дома... там что-то произошло?

Ефим молчал и упрямо смотрел вперед.

— Фима, черт подери, почему ты мочишь? Эй. Остановите машину, мы уже достаточно проехали, я хочу пересечь к мужу. Я вижу, он впереди. Скажи водителю — пусть остановит.

Они продолжали молча смотреть вперед, а у меня снова поднималась волна паники внутри, необъяснимой тревоги.

— Я сказала, остановите, не то я сама выйду отсюда. Дайте мне позвонить Максиму. СЕЙЧАС, — внутри нарастала ярость. Мне кажется, я начала срываться после всего, что случилось. Я больше не могла держать себя в руках, у меня сил не осталось. Я хотела только одного — обнять Максима и понять, что я не сплю, почувствовать себя в безопасности и

плакать... долго плакать у него на груди, пока он укачивает меня, как маленькую на руках. Я до ломоты в пальцах захотела прикоснуться к нему, до истерического желания сделать это немедленно.

Попыталась дернуть за ручку двери, но Фима уверенно отбросил мою руку. И я заметила, что из кармана его пиджака выглядывают наручники и медленно перевела взгляд на его лицо.

— Куда мы едем? Мне все это не нравится. Куда мы едем, Фима? Какого черта ты молчишь и говоришь со мной этим официальным тоном?

Мне казалось, у меня начинается истерика. Словно кошмар продолжается и ничего не закончилось. Если бы я не видела Макса, я бы решила, что меня везут не домой, а что это очередная выходка Бакита или его чокнутого психопата-брата.

— Успокойтесь, у нас указание не разговаривать с вами и не отвечать на ваши вопросы. Нам вообще дан приказ надеть на вас наручники. Так что не вынуждайте нас. Мы бы не хотели...

— Дан приказ. Наручники. Кто дал вам такой приказ? Это бред. Что за чушь вы несете. Кто дал приказ?

— Зверь приказал.

Я истерически засмеялась, я смеялась долго и так громко, что даже водитель обернулся.

Фима протянул мне бутылку с водой и молча уставился вперед. Но я швырнула ее на пол, меня начало лихорадить от какого-то дикого предчувствия. От ощущения давящей тяжести из-за их поведения и молчания. И я вдруг поняла, что это не шутка. Они не меня охраняют, они меня сопровождают куда-то, чтоб это Я не сбежала. Это я пленница. Ничего, я приеду в аэропорт и устрою ему истерику, я буду трясти его за шиворот и орать, выть, рыдать... потому что все это время я держалась, и мне плохо. Мне так плохо сейчас. Я хочу, чтобы он был рядом, чтобы обнял меня. Мне было страшно, и я просто хочу, чтобы обнял... почувствовать его запах, и...

Но я его не увидела. Ни в аэропорту, ни в самолете. Это потом я уже поняла, что мы летели разными рейсами и меня провели через паспортный контроль под чужими документами. Какая же я идиотка была тогда. Даже не возмущалась. Я все еще верила, что это нужно для моей же безопасности.

Моя эйфория после прилета домой испарялась по мере того, как я понимала, что меня везут не к нащему дому. Что мы едем куда-то в другое место, по незнакомой трассе.

На каждый мой вопрос ответом было молчание. Меня игнорировали. И

когда я попыталась снова дернуть ручку машины, меня впечатали в сиденье:

— Мне дали приказ не церемониться с вами, а надо будети — и... применить силу.

— И что? Ударишь меня? Этот приказ тоже дал тебе мой муж? Ты вообще в своем уме?

— Именно он. Не вынуждайте меня им воспользоваться. Давайте доедем до места назначения, а дальше можете истерить, сколько хотите. Я выполняю свою работу.

Мне казалось, я погружаюсь в какой-то новый кошмар. Нет, я все еще сплю на судне у Бакита, и мне вкололи не снотворное, какую-то дрянь, вызывающую весь этот бред. Макс приказал меня ударить? Не церемониться со мной? Да что это за чушь. Он бы скорее им руки поотрывал... Только я почему-то думала одно, а глаза видели совсем другое — Ефим, который стиснул челюсти до хруста и второй охранник, чье имя я забыла напрочь, вели себя со мной совсем не как со своей хозяйкой, у которой они работают... Они вели себя со мной, как с кем-то ничтожным и омерзительным. Кем-то, с кем можно обращаться как со швалью.

Машина заехала в лесопосадку, а затем выехала к одиноко стоящему особняку. Когда я его увидела, то снова обо всем забыла, вскрикнула от радости и на глаза навернулись слезы. Нет... это таки розыгрыш. Макс просто немного меня пугает после моего исчезновения... А сам готовил мне очередной сюрприз. Чтобы мы после разлуки остались наедине.

Только я даже предположить не могла, что меня привезли в фешенебельную тюрьму. В персональный ад за белым забором. В Ад с небольшим озером, запорошенным снегом, с безумно красивым садом. В ад без единого средства связи, зарешеченными окнами и оградой под током.

В доме было поразительно тихо. То ли слуги избегали меня, то ли он совершенно пустой. Ефим шел за мной по пятам, как собака, пока я оглядывалась по сторонам в этом огромном и пустом здании, где веяло могильным холодом. Полупустые комнаты, кое-где закрытые секторы и запах краски.

— Вы останетесь здесь до дальнейших распоряжений Зверя. Охрана меняется каждый день. Ограда под током и на окнах решетки. Дом охраняется, как крепость. Никто не заезжает и не въезжает без моего ведома. Так что даже не думайте отсюда бежать. В радиусе нескольких километров нас окружает лесополоса.

Фима начал меня раздражать, и я в ярости набросилась на него. В дикой жажде вцепиться ему в лицо. В невозмутимую физиономию.

— Бежать? От кого? Что это значит, Фима? Я ничего не понимаю. Что все это значит?

— Вы теперь будете жить здесь до дальнейших распоряжений Максима Савельевича... — повторил он, как заезженная пластинка.

— Жить здесь? Ты с ума сошел? Это насмешка, это издевательство? Как здесь жить, здесь же мертвая зона. Дом в стадии ремонта. Здесь поблизости ни души. Это заточение? Мы в двадцать первом веке. А-а-а-а, — я медленно кивала головой, чувствуя, как у меня сдают нервы. — Это не Макс... нет, не Макс. Это вы сами. Вы меня похитили, да? Вы меня увезли, чтобы его шантажировать? Да он сгноит вас. Он вас всех... — я не понимала, что плачу, что меня трясет, как в лихорадке.

Фима посмотрел мне в глаза, и я увидела в его взгляде сожаление. Это меня он сейчас жалеет? Меня?

— Где мой муж? Где он? Почему он не приехал сюда вместе с нами? Ты можешь мне объяснить? Где мой брат? Они приедут? Кто-нибудь приедет сюда? Где Макс? Я хочу немедленно его видеть. СЕЙЧАС. Я хочу видеть его сейчас. Позвони ему. При мне позвони.

Он отвел взгляд, не выдерживая моей истерики, а мне уже было все равно. Я начала потихоньку сходить с ума.

— Нет, не приедут. Сюда никто не приедет, Дарина Александровна. Максим Савельевич поговорит с вами, когда сочтет нужным. Скажите спасибо, что вы вообще живы. Я бы свернул вам шею на его месте или прирезал еще там, на судне, и скинул в море... но это не мое дело. Не мое...

Я ничего не понимала, только хлопала глазами и чувствовала, как внутри поднимается паника, такое мерзкое чувство, когда ты еще не знаешь, что именно происходит, но точно знаешь, что случилось что-то ужасное. Что-то, что тебя ломает, распотрошит на осколки, смешает с грязью.

— Свернул шею? Ты что несешь вообще? За что?

Он, похоже, потерял терпение и вдруг резко склонился ко мне.

— Тебе ли не знать? Нам все известно. Ни к чему притворяться. Зверь поступил с тобой более, чем гуманно после всего, что ты сделала.

А что я сделала? Томилась в аду? Терпела пытки Бакинта? Что я сделала?

— Фима-а-а, — я вцепилась в его руку дрожащими пальцами.

— Что происходит, скажи мне, я умоляю тебя. Мы же были близки. Вспомни... мы играли в шахматы и выбирали тебе собаку. И... Фима-а-а.

— Ты сука. Вот ты кто. Продажная подлая сука. И я бы на месте Зверя

закопал тебя живьем где-нибудь в лесу.

Он просто сошел с ума. Да, он чокнутый псих, который меня выкрал, и теперь будет шантажировать Макса. Либо я сошла с ума окончательно.

— Ты не на месте Зверя. Ты его пес. Его ручная собачка. Он скажет "фас" — и ты выполнишь... Либо ты решил ему за что-то отомстить. Он узнает и...

Ефим вдруг развернулся на пятках и просто ушел, а я так и осталась стоять в пустом коридоре, между распахнутыми дверьми, ведущими в такие же пустые комнаты. Когда наконец зашла в одну из них более или менее обставленную мебелью — я вдруг обнаружила в шкафу свои вещи. Аккуратно разложенные по полкам. И мне стало плохо... я разрыдалась, судорожно цепляясь пальцами за платя, висящие на вешалках и стягивая их вниз за собой на пол.

* * *

Я в который раз ходила по пустым комнатам поместья и с ужасом понимала, что да, меня здесь заперли. Этот дом — моя тюрьма. Смотрела на стены затуманенным взглядом. Мне казалось, что я схожу с ума. Нет, не просто схожу с ума, а превратилась в сгусток боли, от которой ослепла и оглохла, от которой каждая клеточка моего тела болела настолько невыносимо, что я не могла даже вздохнуть. Я просто бродила по коридорам. Часами. У меня шумело в голове, и я не отдавала себе отчет в том, что снова и снова прохожу по незнакомым пустым комнатам, мои шаги эхом отдаются под высокими сводами и застывают где-то очень высоко, теряются под потолками. Я их слышу, а биение своего сердца — нет.

* * *

Или же Макс в чем-то меня подозревает, и это единственное, что приходило мне на ум. Ничего, я подожду. Я умею ждать. Он придет. Обязательно придет и поговорит со мной, иначе и быть не может, и я все расскажу ему, я буду рыдать у него на груди, а он станет баюкать меня, как когда-то. Носить на руках и тихо шептать на ушко, что я его малышка, а потом будет целовать мои шрамы и долго любить меня на нашей постели. Это просто дурной сон. Он не мог со мной так. С кем угодно, но не со мной. Я же его девочка, его маленькая и сладкая девочка.

Но я горько ошибалась. Макс не приехал ко мне ни в этот вечер, ни на утро. Я нервничала, и с каждым часом все больше и больше. Так и не смогла заснуть. Закрывала глаза и видела то рожу Бакита, то ту изнасилованную девушку, ползающую, как слепая, по полу на четвереньках. Утром я уже была близка к истерике. Вместо Макса опять приехал Фима, и я видела, что ему не нравится находиться здесь со мной. Он смотрит на меня с плохо скрываемой ненавистью. Словно знает что-то, чего не знаю я.

Бросилась к нему и начала умолять, чтобы он дал мне поговорить с мужем. Просто посмотреть ему в глаза. Но Фима сказал, что Макс не желает меня видеть. Я снова и снова бродила по дому, словно зверь, запертый в клетке. Только сейчас я понимаю, что это были самые лучшие мои часы в этом доме, дни, когда я ничего не знала. Дни, когда я только молча ждала, когда мне дадут увидеть Максима.

На второй день своего заточения я уже не выдерживала и кричала, меня била истерика, я швыряла посуду, стучала в двери, разбивала окна с витыми решетками. Я не верила никому из них. В тот момент не верила, что меня здесь заперли по приказу моего мужа. Я требовала выпустить, умоляла, обещала деньги, просила позвонить моему брату, Фаине, Карине в конце концов. Я с надеждой заглядывала в глаза охранников и просто молила сделать хоть один звонок ЕМУ. Чтобы он забрал меня, приехал и нашел меня. Как это было всегда. Но мне просто сухо отвечали "не велено". Я кидалась на них с кулаками, я орала, но ко мне относились еще учтивей, чем в моем собственном доме. Слуги боялись на меня смотреть, а охрана стойко вынесла еще одни сутки моих криков и истерик. Мне неизменно приносили попить, поесть. В этом проклятом доме не было ни одного телефона или компьютера. Я была уверена, что меня похитили, хотя и видела все те же знакомые лица охранников. Но это они же и подстроили. Конечно, они. Макс заплатит за меня и заберет отсюда. Когда найдет — они все сдохнут. Все до единого. Каждый из них. Я в это верила. Наивная глупая дурочка.

И я его увидела, но лишь спустя три дня. За это время мне казалось, что я уже окончательно обезумела от неизвестности и бессонницы. О нет, я ошибалась, это были лишь зачатки безумия, которые меня ожидали. Паутина только начала оплетать мои ноги, поднимаясь все выше и выше... скоро она обмотается вокруг моего горла и задушит меня насмерть.

Я никогда не забуду тот день, когда Макс приехал ко мне. Моя жизнь в этот момент изменилась до неузнаваемости. Я сама в этот день стала другим человеком. Нет, я ошибалась. Я повзрослела не тогда, когда

полюбила его и даже не тогда, когда увидела его с другой женщиной или потеряла с ним девственность. Я повзрослела в этом доме... когда поняла, что по-прежнему никогда не будет и что мой собственный муж станет моим палачом.

Но в самом начале, когда заметила его машину из окна, я силой впилась в решетку, прижимаясь к ней лицом, забывая об этих нескончаемых днях, когда грызла ногти до крови и плакала в пустых комнатах от отчаяния и страха. Мне казалось, что я просто упаду от слабости, когда увижу Максима вблизи. Нет, не наброшусь на него, и не буду бить его, царапать, орать, а просто сползу к его ногам от изнеможения и тоски. Но вместо этого я просто вдруг перестала чувствовать свое сердце. Увидела его и поняла, что оно не бьется... потому что мой муж... он показался мне совершенно чужим человеком. Когда я, сломя голову, бежала вниз по лестнице, к нему, он уже стоял в полупустом кабинете и пил виски, глядя не на меня, а в окно, и я почувствовала, как внутри что-то оборвалось и стало невыносимо больно даже моргнуть. Я ощутила, как между нами разверзлась пропасть. Она невидимая... но я ее вижу. Я даже вижу, как из-под моих ног вниз летят камни, и я вот-вот сорвусь, чтобы там, на дне, разбиться насмерть. И мне вдруг привиделось, что когда я буду умирать, истекая кровью, Макс будет смотреть сверху и хохотать...

В эту секунду я поняла, что и Фима, и все, кто меня окружали, говорили правду — это ОН запер меня здесь. Это он забрал меня из Стамбула и привез в эту тюрьму.

Он, и никто другой. Потому что все они смертельно его боялись. Все до единого. Никто бы и не посмел меня тронуть. Никто, кроме самого Зверя.

— Что происходит... Максим?.. — тихо спросила я, и мне показалось, что он вздрогнул от звука моего голоса, тишина стала казаться злоеце оглушительной, застучало в висках, разрывая барабанные перепонки от напряжения. — Где ты был все это время, любимый? Почему не приехал ко мне?

Говорю, а у самой по щекам слезы катятся и от боли в глазах рябит, потому что хочу броситься к нему и обнять сзади до хруста, заорать, что я скучала, что мне было страшно. Где он был эти три дня? Я же спать не могла, я же выплакала все глаза и ободрала ногти до мяса. Почему он бросил меня здесь одну? Он что больше не любит меня? Я даже не представляла, что именно в этот момент та самая паутина обвилась вокруг моего горла и постепенно начнет меня душить, распарывая кожу... пока не обмотает мое сердце и не выжмет его до последней капли крови.

И вдруг он резко распахнул окно настежь. Ледяной воздух ворвался в помещение, я хлебнула его широко раскрытым ртом, словно понимая, что больше дышать, как прежде, уже не смогу никогда... Им дышать... У нас отныне нет общего дыхания. Мы дышим по разные стороны пропасти. И, может, с его стороны и есть кислород, а у меня только угарный газ, и совсем скоро я просто задохнусь.

— Смертью воняет, — наконец заговорил он... голос глухой, хриплый, а у меня. внутри защемило, словно начала замерзать... я в нем пустоту ощутила, — чувствуешь, Дарина? Здесь воняет твоей ложью и твоей смертью.

И он обернулся ко мне.

ГЛАВА 13. Дарина

Когда я посмотрела ему в глаза, я, кажется, даже пошатнулась. Мертвая пустота. Выжженная пустыня, а не глаза. И в тот же момент слишком тяжело в них смотреть. У него всегда был невыносимый взгляд, но сейчас он убивал меня этим взглядом. Не похож на себя. Словно впервые вижу этого человека. Он изменился за эти дни так, что мне казалось, наша пропасть длиной не в какие-то дни, а в десятилетия. Кажется, у него на висках поблескивает седина, или это тусклый свет так падает на волосы. И еще мне казалось, что он пьян. Его зрачки сухо блестели на осунувшемся лице с многодневной щетиной, и одет слишком небрежно. Я буквально физически ощутила, как ему сейчас плохо. Волной. Отдачей. Он выглядел так, словно несколько дней беспробудно пил. Под глазами мешки с синяками, и все костяшки на руках сбиты до мяса. Что-то случилось, пока меня не было... что-то помимо моего исчезновения. Что-то страшное... И это что-то изменило моего мужчину до неузнаваемости. Он сломан и безумен. Никогда я еще не видела, насколько человек может быть не в себе, как в эту минуту, и я вдруг поняла, почему его называли Зверем... Вот за это. За то, что рядом с ним становилось страшно шелохнуться, он излучал запах смерти сам... Мне тоже завоняло ею в эту секунду. Нашей смертью.

Я сделала несколько шагов к нему и остановилась так близко, что теперь чувствовала, как от него разит алкоголем и отчаяньем.

Снова посмотрела в глаза и почувствовала, как сердце пропустило несколько ударов. Стиснул челюсти и только дышит часто, ноздри раздуваются, и взгляд все тяжелее и тяжелее, а меня прогибает под ним, прессует и давит к полу. Провела пальцами по его скулам. Молчит, просто смотрит в глаза, и напряжение отдает в голове потрескиванием электричества.

— Сколько ночей ты не спал?

— Не помню, — говорит одними губами и смотрит исподлобья, словно внутри него происходит какая-то борьба, известная только ему.

— Что-то случилось?

— Случилось.

Я рывком обняла его за шею. Чувствуя, как задыхаюсь, как невыносимо быстро бьется сердце и заходится в немом крике. Не обнимает в ответ. Каменный. Напряженный настолько, что я это напряжение ощущаю

даже кончиками волос.

— Расскажи мне. Поговори со мной. Пожалуйста.

Руки хаотично гладят его волосы, путаются в шевелюре. Конечно, что-то случилось, поэтому он не приезжал. Может быть, даже ради моего блага... ради нас и... Я почувствовала этот взрыв всем телом, за секунду до того, как он сжал мои руки до хруста в костях и резко отодрал от себя.

— Ты спрашиваешь, что случилось, Дарина? А мне хочется разбить тебе голову о стену за этот вопрос, — я невольно отшатнулась, потому что в его глазах произошел этот взрыв так же мгновенно, как и в поведении. Они запылали жгучей ненавистью, от которой стало невозможно дышать, от которой все внутри скрутило в узел и разорвалось на ошметки. — Но я отвечу тебе. Ты случилась. Ты все эти дни подыхала внутри меня, но так пока и не сдохла. Ты ужасно живучая сука. Мне больно, пока ты подыхаешь... Мне так больно, Дарина. Я на части разваливаюсь, а ты... ты все еще живая. Вот здесь живая.

Прижал мои руки к своей груди, выламывая, причиняя адскую боль. Я попыталась освободиться, но он сжал мои запястья сильнее и дернул меня к себе. Слова бессвязные и похожие на бред. И я не пойму, что он говорит, я только сама рассыпаюсь на части. Вместе с ним.

— . Кто ты такая? Кто? Что за суку я пригрел рядом с собой? Кого я подобрал там, на дороге? Кто ты, мать твою?

Я смотрела на него расширенными глазами, не понимая, чувствуя только, как внутри вместе с испугом продолжает разливаться то самое онемение, и в груди дерет, как ржавыми крючьями. Дырявит сердце. Пробивает насквозь.

— Твоя малышка, — прошептала я, — твоя.

— Нет... — очень близко к моему лицу, щекой по моей щеке скользит, — ты его сука, его шваль и его шлюха. Смотрю на тебя и не понимаю, как я мог быть таким слепцом? Чем ты взяла меня? Чем ты вгрызлась мне в мозги?

— Мне больно, — так же тихо, пытаюсь выдернуть руки. Он усмехнулся, но глаза улыбка не тронула, а у меня перед глазами потемнело от его мрачной и страшной красоты. Все черты лица заострились, стали четкими. Хищные черты. Он излучает опасность. Она кипятком обжигает мне легкие.

— Больно? В каком месте? Где тебе может быть больно? Что ты знаешь о боли? Ты хотя бы когда-нибудь ее чувствовала?

Я не могла разобрать ни одного слова, но слышала каждое из них, и не понимала, неужели он говорит их мне. С ним что-то не так. Он не в себе.

Или это я сумасшедшая.

— Что с тобой? Это тебя я не узнаю.

— А меня нет, Дарина, — наклонился еще ниже, — нет меня. Это уже не я. Я сдох пару дней назад. Ты не сдохла, а я да. Я себя не чувствую... я тебя чувствую.

Отпустил мое запястье и резко схватил меня за горло. Его взгляд менялся. Каждую секунду менялся. То полыхал ненавистью, то влажно блеснул.

— Если бы знал, как будет больно подышать от твоего предательства, я бы убил тебя еще там, на дороге... Хотя... я знал. Я, бл**ь, это чувствовал... но все равно верил тебе. Понимаешь, сука? Я тебе, бл**ь такая, верил.

Мне казалось, он говорит не со мной, а сам с собой. Себе. Не мне. Что-то страшное. Бессвязное. Он не просто пьян. Макс мертвецки пьян. В том состоянии, когда выпито так много, что оно уже не берет, или я не знаю, под чем он.

— Какого предательства, Максим? Я никогда не предавала тебя... Я же люблю тебя. Это я. Твоя малышка. Твоя. Посмотри на меня... В глаза. Как я могла предать тебя... я же за тебя... я...

— Заткнись, — оглушительно заорал мне в лицо, и я вздрогнула. — Заткнись, мать твою. Ни слова. Голос твой слышать не могу.

Даже когда Бакит бил меня, я не чувствовала этой дикой боли, как сейчас от его слов и такого страха. Он полз вдоль позвоночника к затылку, стягивал виски, парализовал. Сейчас я уже прекрасно понимала, почему его все так сильно боялись. В гневе Макс страшен и способен на все. Взгляд убийцы и безумие психопата. Жутко становится, когда он себя не контролирует, и мне стало страшно.

— Ты себя слышишь? — слабые попытки достучаться...

— Не слышу. Я глухой и слепой. Всегда был. До тебя. Я на мир твоими глазами смотрел. Понимаешь? Твоими лживыми глазами, Дарина.

Нет, он не слышал меня, а я чувствовала, как меня душит изнутри та самая паутина. Режет меня наживую, и мне хочется закричать, а я не могу, я смотрю в глаза того, кого люблю, и понимаю, что это конец. Нас больше нет. Его нет здесь со мной. Это кто-то другой. Кто-то, кого я никогда не знала.

— Чего еще я не знаю о тебе? Чего я не знаю? На каком чудовище я женат?

И вдруг он резко привлек меня к себе, прижимаясь лбом к моему лбу.

— Скажи, что этого не было. Скажи, что все это какой-то кошмар.

Скажи, что я, бл**ь, сплю, Дарина-а-а-а. Разбуди меня. Не то я с ума сойду... Ты понимаешь, что я убью тебя?

Гладит хаотично мои волосы, как сумасшедший, больно гладит, сильно. А потом вдруг рывком оторвал от себя и зарычал мне в лицо:

— Не молчи, сука. Скажи, что это фикция. Что это кем-то подстроено, что ты... не изменяла мне, что ты не убивала Ворона... что ты не предавала меня. НАС. А-а-а-а-а, дьявол тебя раздери.

Я быстро отрицательно мотала головой, обхватила его лицо ладонями, ища взгляд, поглаживая щеки большими пальцами.

— Я не знаю, о чем ты... не знаю. Это Бакит, да? Он сказал тебе все это, и ты поверил, Максим? Поверил ему, не мне? Ты с ума сошел. Я же люблю тебя... Я так люблю тебя...

— Заткнись, — хрипло и оглушительно, так что заболело в ушах и на глаза навернулись слезы. — Никогда мне не говори этого больше, мразь.

Когда он меня ударил, мне даже показалось, что это произошло слишком медленно. Вот поднялась его рука, а вот на опустилась на мое лицо. И в глазах запекло от слез... А он снова рывком к себе, прижимает сильно, так сильно, что у мне не чем дышать... целует щеку, пальцы больно давят затылок, а я, кажется? даже заплакать не могу. Понимаю, что никогда не забуду этого. Первого удара. Понимаю, что будет бить еще, будет... Слишком хорошо его знала. Не имеет значения, что я скажу. Ничего больше не имеет значения. Он вынес мне приговор, и сам от него озверел, но... он уже не изменит своего решения.

— Не скажу... — тихо прошептала я... — не скажу больше. Это уже не имеет значения.

Оттолкнул от себя с такой силой, что я пошатнулась, ответах в стену, ударяясь о нее головой, чувствуя во рту привкус крови.

— Не имеет. Ни одно твое слово. И как? — двинулся на меня. — Понравилось с ним? — захохотал, как ненормальный, взмахнул, запрокидывая голову, и мне снова показалось, что передо мной психопат, стало страшно. Впервые рядом с ним мне стало до дикости страшно. — Я даже не думал, что моя маленькая жена любит играть в такие грязные игры. Ты бы сказала... я бы поиграл с тобой. В любую игру. В любую. Или с ним кончаешь сильнее? Сколько раз, трахаясь со мной, ты думала о нем, шлюха?

Схватил за лицо и резко повернул мою голову в сторону, какое-то время смотрел на мою шею, а потом ударил снова. Наотмашь с такой силой, что у меня перед глазами потемнело, а из носа потекла струйка крови, медленно повернулась, глядя ему в глаза:

— Когда-нибудь... когда ты узнаешь правду, ты вспомнишь именно вот эту секунду. Ты уже убил меня... Не сегодня и не сейчас. Ты убил меня, когда поверил. Не мне.

Ты сделал это с нами... убил меня и себя, Максим.

И он ударил еще раз, а я всхлипнула, прижимая руку к разбитым губам. Глотая кровь вместе со слюной. Во рту привкус ржавчины и непролитых слез. Повернул меня к себе за подбородок, а у самого в глазах слезы блестят, а меня разрывает на части от понимания, что бьет нас обоих, и назад дороги уже нет и никогда не будет. Бьет и плачет. Такой страшный и такой красивый в своем безумии.

— Красиво, — серьезно сказал он, словно вторя моим мыслям, медленно вытирая струйку крови у меня под носом, — очень красиво, Дарина. Я оценил. Но это уже не имеет значения. Ничего не имеет значения. Я все видел своими глазами. Не получится, маленькая... Я бы хотел, чтоб получилось. Я бы душу продал, чтоб забыть... как ты...

Пальцы водят по разбитым губам, он следит за ними и весь дрожит. Потом вдруг двумя руками разодрал на мне свитер. Взгляд бешеный и горящий похотью, от которой по венам током расходится отдача. Такая привычная реакция на его желание. Тело ведет себя, как и раньше, оно помнит совсем иное, оно помнит, как можно его желать и что он может дать взамен. Только разум орет от протеста, разум понимает, что это все не настоящее, что это унижение и издевательство. Это не вождление — это его истерика и утверждение прав. Он хочет показать мне, что я принадлежу ему, и он сделает со мной все, что захочет, и сейчас он хочет меня. Только я не могу так. Не так. Не надо вот так. Это не про нас... нам нельзя. Мы другие.

— Раздевайся. Наголо.

— Нет, — закрывая грудь руками. — Нет. Макс, нет, пожалуйста.

— Нет? А ему ДА. Ему на все "да". Ему на каждую грязь — "да". На колени.

— Нет.

— Я сказал — ДА.

За затылок — и толкнул на пол. Расстегивая ширинку одной рукой, а другой впиваясь в мои волосы.

— Так тебе нравится? Вот так ты любишь? Давай, возьми в рот.

Я стиснула губы, тяжело дыша и закрывая глаза.

— Не надо, пожалуйста, Максим... не делай этого с нами.

— С нами? Где ты видишь нас? Есть я и грязная шалава Бакита, которая сейчас будет меня ублажать так, как я этого хочу.

Каждый раз, когда он говорил про ублюдка, мне хотелось заорать, истерически громко орать от этой несправедливой лжи, от этого унижения, но я не могла, у меня словно голос отнялся... В тот момент, когда я поняла, что поверил не мне, я уже не могла кричать и оправдываться. Потому что бесполезно. Потому что Макс уже осудил меня и точно знает, какое наказание я понесу. Для него я безоговорочно виновата.

— Какое лицо. Великомученица Дарина. А с ним орала от наслаждения и кончала, как течная сука, дергала его за член и сосала. Давай. Соси. Может, мне понравится, и я не убью тебя сегодня.

Я просто стояла перед ним на коленях с закрытыми глазами. Я не могла смотреть на него. Не могла и не хотела. Лучше вот так... с закрытыми глазами. Чтобы не помнить его лицо таким. Чтобы может быть попытаться когда-нибудь забыть.

Сильно сжал мои волосы и надавил на щеки, заставляя открыть рот, рванул в него до самого горла, но я так и стояла, закрыв глаза, истекая слезами изнутри.

— Давай. Соси его, Дарина. Делай хоть что-то, мать твою.

Он толкался несколько минут. Яростно, фиксируя голову, чтоб не могла увернуться, без стонов. Только тяжело дыша. Снова почувствовала, как его рука гладит и перебирает волосы, невольно сжала его бедра, проводя языком по горячей плоти, и он глухо застонал, убирая мои волосы с лица, ускоряя темп, а у меня тело и душа раздвоились. Меня разрывает от боли, и в тот же момент это дикое желание ощущать его вкус на губах... дать почувствовать, как я хочу и люблю его. Может быть, он не верит словам, не верит моим глазам, но поверит ласкам и прикосновениям. Я же так тосковала по нему, так скучала все эти дни. Мы так долго не виделись. Пусть почувствует, как я люблю его, как скучала. Боже. Я тоже сумасшедшая. Мы оба сошли с ума или горим в аду.

Сама приняла его член глубже, лаская руками горячий ствол, сжимая, чувствуя пульсацию вздувшихся вен, и Макс зарылся в мои волосы пальцами, уже не причиняя боль, а подаваясь навстречу.

— Да-а-а. Вот так... девочка... вот так.

И вдруг резко поднял меня с колен. Склонился к моим губам, но не поцеловал. Взгляд дикий и обезумевший от похоти, развернул спиной к себе и швырнул животом на стол, вдавливая голову в столешницу. Меня трясло от ненависти к нам обоим и от того же возбуждения, которое сжирало его и передавалось мне. Это же мой Макс, мой голодный Зверь... Я же хочу его, как безумная, я не умею его не хотеть. Он приучил меня к себе, посадил на себя, как на наркотик, и я от ломки загибаюсь, я от его

вкуса и запаха теряю разум.

Задрал юбку на талию, сдирая трусики вниз, провел пальцами по мокрой плоти и резко проник внутрь. Хрипло застонал вместе со мной, когда я сжала его пальцы дрожащей плотью.

— Возбудилась, когда я бил тебя? Или когда трахал в рот? Заводит грубость, да? Что еще заводит? Так заводит? Что ж я так хочу тебя, суку? Брежговать должен, а я хочу тебя... Хочу... тебя... проклятую, — грубее и сильнее двигает пальцами, не давая повернуть голову, не давая даже вздохнуть, и тело оживает под его толчками, ласками, я сама не понимаю, как двигаю бедрами в примитивном желании почувствовать его сильнее. Через секунду он уже ворвался в меня членом. Больше не издал ни звука, только комнату осветило голубоватое мерцание телевизора. Я даже не услышала, как он его включил. Сделал первый толчок, не позволяя даже шелохнуться, тут же набирая бешеный темп. Я понимала, что он намерено так груб, хочет меня унижить, раздавить, причиняет боль, и все равно это дыхание со свистом, эти толчки яростные — и внутри меня зарождается сумасшествие, ответная животная похоть, неестественное дикое желание, чтобы не останавливался, и он пронзает сильнее, мощно, глубоко. Я слышу собственные стоны и ломаю ногти о столешницу от каждого толчка, пока меня не ослепило, не взорвало с такой силой, что перед глазами пошли круги.

Болезненный оргазм, адский и неправильный, но острый, как и всегда с ним. Сжимаюсь вокруг его раскаленного члена, слезы текут по щекам, а волосы закрывают обзор, он все еще вдавливая мое лицо в стол и бешено двигается сзади, пока вдруг рывком не поднял меня за волосы к себе, выгибая назад, сжимая грудь пятерней, склоняясь к моему уху.

— Смотри, сука. Смотри, как он тебя. Вспоминай это теперь каждый раз, когда я буду драть тебя.

Затуманенным взглядом смотрю на экран и чувствую, как сердце больно сжимается в камень. Дернулась, пытаюсь вырваться, от осознания ужаса происходящего, от дикости того, что он сейчас делает со мной под это видео.

Но Макс не дал пошевелиться, входил еще яростнее, жестче. Я услышала его хриплый стон, а на экране меня облизывал Бацит, лапал, хлестал по спине. А я, стиснув челюсти, ждала, когда же Макс увидит, как тот снял меня с веревок. Увидит, как мне было больно и страшно... но вместо этого на экране происходило то, чего не было на самом деле... И я с горечью понимала, что Макс уже давно все это посмотрел и, скорее всего, не один раз. А сейчас он рвет себя и меня, заставляя проживать это вместе с

ним снова и снова.

Да, это была я. Там, на экране, я стояла на коленях и ублажала Бакиита, там я орала и стонала как заведенная, лизала его сапоги, позволяла ему делать с собой такое, от чего меня начало тошнить.

— Смотри, — Макс толкается в мое тело, а я затуманенными глазами смотрю на экран, где кто-то, каким-то дьявольским образом уничтожал меня, как личность. Потому что это не могла быть я. И это и не была я... ЭТО НЕ Я. Я точно знаю, что это не я. Я пропала... мне никто теперь не поможет. По щекам градом потекли слезы.

— Нравится, как он тебя трахает? Нравится? — его голос срывается, и мне кажется, что он плачет... вместе со мной сейчас. Каждый толчок болезненный, сильный, отчаянный. А я остекленевшим взглядом впиалась в экран и понимаю, что меня все же убили и украли мою жизнь, и счастье. Я сама себе уже не верю... а Макс. Макс предпочел поверить тому что видит, не мне. Кто угодно поверил бы. Закрыла глаза, понимая, что это не просто конец, а это и есть смерть... Вот что убило его. И он уже не воскреснет.

Макс вдруг зарычал, впиваясь в мои бедра до синяков, дрожа всем телом и изливаясь в мое тело, пока на экране Бакиит продолжал иметь ту, что так похожа на меня саму.

Мой муж замер ровно настолько, чтобы унять судороги больного наслаждения и прийти в себя. А потом, наконец, вышел из меня, скрипнула змейка, а я так и осталась стоять с закрытыми глазами, опираясь на стол. Услышала, как он прошел по комнате, скорее угадала, что к бутылке, стоящей на подоконнике. Сделал глоток. Чиркнула зажигалка, и запахло сигаретным дымом. Я медленно выпрямилась и пошатнулась, схватилась за стол, чтобы не упасть.

— Я еще не решил, что сделаю с тобой. Ты останешься здесь. Пока.

Одернула юбку и как в тумане осмотрела комнату, поднимая с пола свитер, кутаясь в него в попытках прикрыть наготу. Макс снова смотрел в окно. Опираясь стиснутыми кулаками на подоконник. На проклятое черное небо без звезд.

— И когда решишь? — спросила тихо.

— Не знаю. Когда-нибудь решу.

— Дай мне уехать к Андрею, Максим. Отпусти меня.

Пользуясь секундами, пока он снова похож на себя, пока его голос нормальный и в воздухе не витает его безумие. Но мои слова взорвали его мгновенно. Через секунду он уже стоял возле меня, сжимая мои плечи и заглядывая в глаза.

— Отпустить? Ты еще ничего не поняла, Дарина? Я не отпущу тебя. Я

скорее убью, но не отпущу. От меня не уходят. Разве что туда, — кивнул головой на потолок.

Смотрит на мои щеки с размазанными слезами, на разбитые губы, и опять взгляд становится мягче, руки, сжимающие мои плечи, дрожат.

— Я бы многое хотел простить тебе, маленькая. Так много, что самому мерзко от этого... Но я не могу... не могу. Зачем ты так с нами? Со мной, с братом, с Савой?

Может он и заслужил смерти... но вот так низко и подло. Беспомощного старика. Била бы меня, Графа. Как ты могла?

Я снова не понимала, о чем он, его дрожь и истерика передавались и мне. До боли хотелось прижаться к нему, вернуть обратно из мрака, в который он погружался, выдернуть его оттуда. Он жрал его, я чувствовала это сама. Мрак его поглощал и все же выпускал на короткие промежутки. Секундами просветлений.

— Смерти? — переспросила очень тихо.

— Зачем убила отца? Убивала бы нас... Выстрелила бы мне в голову. Я бы не сопротивлялся. Бл***ь, я бы сдох с удовольствием... а ты... Почему же ты мразь такая, а? — говорит сквозь зубы, а мне снова становится страшно, что он обезумел.

— Кого убила? — повторяю за ним, стараясь не сорвать его, не скovyрнуть что-то такое, что снова сделает его невменяемым.

— Отца моего, — хрипло, тихо, вкрадчиво.

— Савелия?

И он вдруг оттолкнул меня с такой силой, что я отлетела к стене и сползла по ней на пол.

— Хватит. Я не могу так больше. Хватит играть в эту невинность. Хватит, мать твою, не то я задушю тебя. Да. Ты, сука такая, убила нашего отца, потом поехала к своему любовнику и хотела удрать с ним, а он продал тебя. Продал мне. Не ожидала? Это было неожиданно, да? Пытаешься выжить? Пытаешься спасти свою шкуру? Кто ты? Кто. Ты. Такая? Я смотрю и не понимаю, что же ты за дрянь?

— Я никого не убивала, — сама говорю, а собственный голос, как чужой, ненастоящий. Я должна говорить что-то другое. Наверное. Только не знаю, что. Я тоже погружаюсь во тьму.

— Ты нас всех убила. Мы все теперь мертвецы. Мы кладбище, а не семья. Ты нас похоронила заживо. Настала твоя очередь умирать, Дарина. Медленно и мучительно умирать. Здесь. В этом доме. Если ты веришь в Бога — молись.

Он вдруг просто ушел. Вот так взял и вышел, а потом слышались

шаги по лестнице, и через несколько минут отъехала его машина.

А я так и сидела на полу, глядя на экран, где после кадров грязного совокупления с Бакитом, появилось изображение больницы... И я, застыв на коленях, смотрела, как там... все та же женщина убивает старика. Она убивает его, а в агонии я сама. Я кричала. Громко кричала, срывая горло и сходя с ума от отчаяния.

Бакит выполнил свое обещание — теперь я понимала каждое его слово, но он ошибся в одном — я не в аду, ад поселился во мне, и я горю живьем, с меня кожа струпьям облезает. Кому мне молиться, когда любимый человек меня проклял... он и был моим Богом. Я молилась и верила только в него. Мне больше не во что верить.

ГЛАВА 14. Дарина

От бессонницы меня шатало из стороны в сторону. Я сбилась со счета, сколько не спала. Кажется, я сижу здесь целую вечность, но на самом деле около недели. Все мысли только о том, что произошло, и как Бакит меня подставил.

Тысячи вопросов и ни одного ответа. Одно понимаю, если выберусь отсюда, то я лично раздеру Бакита на куски. За все, что он с нами сделал. С нами со всеми. Это не моя личная трагедия. Он нашу семью разорвал на ошметки. И я даже не представляю, что там происходит за стенами этого дома. Как там мой брат? Что он думает обо всем этом? Как держится после смерти отца? Считает ли меня убийцей, как и мой муж? Хоть кто-то сомневается в этом? Кто-то верит мне? А потом понимала, что не могу требовать, чтоб верили. Они не знают меня. Никто из них. Всего три года прошло, как я появилась в семье. Они все приняли меня, но они имеют право сомневаться. Как мне доказать? Как? Где они взяли эту тварь, так похожую на меня? Сама смотрела на нее, и казалось, что с ума сошла. И моментами сомнения... в собственной вменяемости. Только я знала, что не могла сделать ничего из того, в чем меня обвиняют. И да, я все же видела, что это не я. Но как это объяснить и доказать другим?

Мне вообще казалось, что я живу какими-то обрывками. От слез опухли глаза, я не смотрела на себя в зеркало, чтобы не видеть. Вот это отражение загнанного животного. Я почти не натыкалась на прислугу, либо им было приказано меня избегать, либо здесь ее и не было почти.

У меня появился своеобразный ритуал. С первыми лучами солнца обходить весь дом, каждую комнату и думать потом, как я бы их обставила, кто жил бы в них. Как выглядели бы мы с Максимом в этом доме вместе. Зачем он купил его и начал в нем ремонт? Когда купил? И почему я об этом ничего не знаю?

В той жизни, где он его покупал, он представлял нас вместе? Иногда то, что кажется таким простым, таким обыкновенным, таким будничным, вдруг начинает казаться нереальным счастьем, когда остается в прошлом. Мне всегда и на все отмерялось по крупичкам. Нет, я не жалела себя... я просто почти не могла вспомнить, когда в своей жизни я вообще была счастлива. Пожалуй, в глубоком детстве, еще с мамой, потом уже с Максом, и то недолго.

На какие-то минуты я забывала обо всем. А потом снова волной

накатывало отчаяние, от которого хотелось умереть. Самое страшное, когда тебя обвиняют и не дают ни единого шанса оправдаться, ни единому слову не верят. Да, я понимала, почему... Теперь понимала. И я слишком хорошо знала Макса, чтобы осознавать, что он никогда не простит меня... не даст мне даже возможности заговорить. В такие секунды я падала на колени и выла, как раненое животное. "За что?"... Беспольный и такой отчаянный вопрос, скорее, кому-то там, наверху. Не себе и не Максиму. Почему так мало счастья мне выпало? Почему я наказана за то, чего не совершала? Когда он придет сюда? Приедет ли ко мне хотя бы когда-нибудь? Андрей знает об этом? Но я была уверена, что нет. Брат не знал. Макс умел скрывать то, что хотел скрыть. Умел скрывать от всех, и сейчас он меня спрятал, чтобы терзать и казнить за то, что причинила ему боль.

По вечерам приезжал Ефим иногда не один, а с людьми моего мужа. Бывало, они приезжали с женщинами. Я слышала их голоса в другом конце дома. ЕГО с ними не было. Мне не нужно было для этого проверять — я четко знала, что Максима здесь нет. Раз в несколько дней заезжали грузовики и что-то отгружали на склад за домом. Я наблюдала за тем, как переносят ящики, как перекрикиваются грузчики и понимала, что сюда привозят что-то незаконное. Именно поэтому дом под такой тщательной охраной. Его нарядный фасад и видимость жилого помещения — лишь мишура. Никогда не слышала об этом месте. Постепенно я начала думать о том, что есть много чего, что я не знаю о своем муже. Этот дом не исключение. Он как книга с бесконечными страницами разного жанра. И никогда не знаешь, что тебя ожидает, едва перелистнешь следующую. Вполне возможно, что она либо пустая, либо черного цвета. Черный. Его цвет. Когда я думала о нем, я видела самые разные оттенки черного. Да, этот цвет имеет оттенки. У Макса нет даже белого. Ни одной полосы, пятна. Его окружает тьма, а я рядом на ощупь иду и пытаюсь изо всех сил не выпустить его руку, и не потому что мне страшно остаться одной, мне страшно оставить его одного, потому что он сольется со своим черным, и я его потеряю. Уже теряю. Кричу в темноту, ищу ладонями, как слепая, и не нахожу. Нет его нигде. Это и есть самый страшный кошмар.

На секунду кольнуло где-то внутри от мысли, что вдруг он привозил сюда других женщин. Ведь в доме есть две жилые спальни, полностью обустроенные и отремонтированные. В одной из них я и жила, а в другой явно уже давно никто не бывал. Но как я могу это знать, если здесь постоянно убирает призрак какой-то. Стоит мне покинуть комнату, как после моего возвращения в ней стерильная чистота. Начала вспоминать, как часто Макс уезжал из нашего дома, но не припомнила ни одного раза,

кроме длительных поездок за границу.

Потом я начала понимать, что никто не знает, что я здесь. Те люди, что приезжают с Фимой, тоже. Я попробовала пройти в ТУ часть дома, но дверь в коридоре оказалось запертой. Макс действительно спрятал меня... и спрятал именно от Андрея и нашей семьи. Он меня приговорил... и это лишь вопрос времени, когда он приведет приговор в исполнение. Хотелось ли мне, чтоб меня нашли? Не знаю. Наверное, тогда еще нет. Я хотела быть спрятанной им и находиться рядом. Я все еще надеялась найти его во тьме. Наивное упрямство, которое каждый раз разбивается о гранит его цинизма и ненависти.

Иногда я закрывала глаза и лежала на полу, застеленном толстым пушистым ковром, глядя в темноту. Слушала тиканье часов или шелест снега за окном, и наши голоса из прошлого звучали у меня в голове.

" — Ты понимаешь, что теперь я не отпущу тебя никогда, маленькая.

— Никогда-никогда?

— Никогда-никогда.

— А если разлюбишь?

— Видишь там, на небе, звезды?

— Вижу... а ты оказывается романтик, Зверь.

— Когда все они погаснут...

— Ты меня разлюбишь?

— Нет. Когда все они погаснут — это значит, что небо затянуто тучами. Ты не будешь их видеть день, два, неделю... Но это не говорит о том, что их там нет, верно? Они вечные, малыш. Понимаешь, о чем я?

— Нет... но сказал красиво.

— Все ты поняла. Довольная, да?

— Да-а-а-а-а.

— Мелкая ведьма.

— Чудовище.

— Или все же монстр?

— Сегодня чудовище.

— Сегодня?

— Как ты это делаешь? Ну вот так бровями.

— Как? Вот так?

— Да-а-а-а.

— У чудовищ есть особые достоинства.

— О-о-о, у чудовищ столько достоинств... и одно меня ужасно сводит с ума.

— Моя плохая пошлая девочка.

— Это о чем ты подумал? Фу, Макс, ты испортил всю романтику со звездами.

— Ну почему испортил? Если я положу тебя на спину. Вот так... то, ощущая мое достоинство, ты увидишь, как осыпаются звезды... из твоих глаз... пока я тебя этим достоинством...

— Макси-им.

— М-м-м?

— Ты... все те женщины, которые были раньше... ты еще видишься с кем-то из них?

— Зачем вокруг да около. Так и спроси — ты трахаешь еще кого-то, кроме меня?

— Ты трахаешь еще кого-то, кроме меня?

Засмеялся, а я смутилась.

— Нет, малыш. Я не трахаю никого, кроме тебя. Потому что не хочу. Потому что я, бл***, о тебе думаю двадцать четыре часа в сутки. У меня встает от одного взмаха твоих ресниц, когда ты в смущении прикрываешь глаза и от ямочки на щеке, меня возбуждает каждая твоя веснушка. Я помешан на тебе, мелкая. Маньяк, понимаешь?

— Понимаю... Еще как понимаю. Пообещай мне, что если тебе станет меня мало... что если ты захочешь другую, ты скажешь мне об этом. Пообещай, что не скроешь от меня и не унизишь меня вот так.

— Что за тема, малыш?

— Пообещай.

— Это ты запомни, что если ты захочешь другого — я убью тебя, как только это пойму. А теперь скажи мне...

— Ты не пообещал.

— Обещаю. А теперь СКАЖИ.

— Я люблю тебя?

— Нет. Еще одна попытка. Потом накажу. Молчишь?

— Я думаю.

— О чем?

— Сказать или получить наказание.

— Говори. Я тебя все равно накажу.

— Обещаешь?

— О да-а. Клянусь.

— Я дышу тобой.

— Еще.

— Я дышу тобой, мой Зверь.

— Жесть.

— Что такое?

— Ванильный Зверь-романтик. Это компромат, мелкая.

— Нет, мой ласковый и нежный...

Молчит и смотрит мне в глаза. Улыбка пропала и взгляд тяжелый, давит, сжимает, как колючей проволокой.

— А ведь он убил ее, ты знаешь?

— Кто?

— Не важно. Иди ко мне".

Я повернула голову и посмотрела на небо — ни одной звезды. За окном метет снег.

"А ведь он убил ее... убил ее"

Казалось, что прошла целая вечность между этим диалогом и нашим последним. А на самом деле всего лишь немногим больше месяца. Только теперь это все походило на короткий сон. Нет, я не могла его ненавидеть. Я очень хотела. Я мечтала о ненависти, чтобы она пришла ко мне и помогла справиться с болью, от которой начинались приступы удушья. Я просто верила... где-то там, в глубине души, я все же верила, что мы снова увидим наши звезды. Они же есть. Их не может не быть. Они вечные.

Он так сказал. Он обещал мне. Но разве он не обещал, что никогда не сделает мне больно? Или никогда не отпустит... А разве я не пошла за ним, зная какой он?

Разве он не был собой? Я просто наивно поверила в свою уникальность, в свою особенность. Поверила, что если я вошла в клетку к зверю, глажу его, кормлю с руки, то он не перегрызет мне глотку, если вдруг ему что-то не понравится. И теперь хищник оставил меня в своем логове, чтобы наслаждаться агонией любимой жертвы, и я не могу его за это ненавидеть. Я знала, к кому иду, и знала, чем рискую.

Он меня предупреждал. Да и не нужны были предупреждения, я видела, что он такое своими глазами. Самое страшное, что меня раздирало на части за нас обоих, а он упивался только своей болью и не чувствовал мою. Я для него превратилась в отвратительное насекомое, которое рано или поздно он раздавит, а потом сдохнет и сам мутирует в то черное и ужасное чудовище, каким был когда-то... Каким его раньше и не знала.

Я по слогам разбирала наш последний диалог, каждое слово, каждый жест, и все тело сводило судорогой, невыносимо, до крика. И я кричала. Беззвучно. Глядя на небо без звезд.

Он приехал снова через неделю. Я скорее почувствовала, чем услышала или увидела. Задремала на ковре, погружаясь в подобие сна, и вдруг подняла голову, подорвалась с пола к окну, вглядываясь в

подъезжающие машины, среди них и его джип. Сумасшедшая... внутри волной поднялась противоестественная радость. Тяжело дыша, прижалась пылающим лицом к стеклу, вглядываясь в силуэты мужчин, выходящих из машин, впиалась пальцами в прутья решеток, когда увидела с ними женщин. Они смеялись там, внизу, открывая шампанское прямо на улице, а я следила за тем, как Макс тоже вышел из машины, махнул рукой Фиме, и тот поднес ему бокал. Одна из женщин повисла у моего мужа на руке, и тот отдал ей шампанское, обнимая за талию, а я медленно закрыла глаза, а когда открыла, увидела, как он смотрит на мое окно. Ровно секунду, но мне хватило, чтобы согнуться пополам, словно выстрелил в меня в упор, и внутренности обожгло как серной кислотой, а потом они скрылись в другом крыле дома, чтобы веселиться там, пока я сижу, запертая в этих бесконечных пустых комнатах.

Осознание всегда приходит постепенно, не быстро. Вначале есть неверие и надежда, что все вернется на круги своя, выровняется, исправится каким-то чудом, а потом понимаешь, что ты несешься под откос на аномально быстрой скорости, и отрезок от того момента, где ты потерял управление своей жизнью и до момента, когда она разлетится вдребезги равен неизвестности. Я не знаю, зачем пошла туда. Переоделась в красное вечернее платье, расчесалась, ярко накрашила губы кроваво-красной помадой и просто открыла дверь дрожащими руками. Пошла по коридорам к той части дома, где моя жизнь разваливалась на те самые осколки. Может быть, я хотела убедиться, что нет, все не так ужасно, все не так омерзительно, или наоборот понять, что это и есть конец. Услышать, увидеть, как он с другими, и понять...

А там голоса, смех, музыка и его голос тоже. Как ни в чем не бывало, как будто нет меня здесь, и не было никогда.

Каждое слово по нервам режет, по глазам, пощечинами по щекам и губам. Мне кажется, меня под воду грязную с головой окунает, и я глотаю болотную тину, захлебываясь.

— Макс, я не хочу шампанского, налей мне виски.

— От виски быстро пьянеют, детка. Что мне делать с тобой пьяной?

— Показать, что делать с пьяными девочками, Зверь?

— Фима, главное, чтоб ты никогда не узнал, что делают с болтливыми мальчиками.

Смех, гогот, а я руку ко рту прижала и глаза закрыла. Кричу мысленно, и кажется, вселенная вертится на бешеной скорости, отматывает круги в тот самый ад. Нет, он начался не тогда, когда он меня ударил... и даже не тогда, когда швырял обвинения в лицо, он начинался сейчас, когда мой муж

лапал там какую-то шлюху, зная, что я совсем рядом, за стенкой. Грязно, как же мерзко и грязно.

— Девочки, станцуйте для наших гостей. Эй, Тахир, хорош с кальяном возиться, смотри, какие у нас девочки в столице. В твоём Узбекистане таких нет.

— Ну ты загнул, Зверь. Приедешь ко мне домой, я тебе таких девочек организирую. Слюной изойдешься. Но да-а-а... Шикарные девочки у вас в столице. Шикарные. Угодил, дорогой.

— Макс, столы шатаются, девочки ноги переломают.

— Пусть на коленях танцуют.

— А что отмечаем? — женский голос снова.

— День истины отмечаем, детка. Вот разденешься, и проверим, настоящая ты блондинка или фальшивая.

— Эй, сюда иди. На коленях у меня танцуй. Фима, вечер не начинают с минета.

— А какая разница, с чего его нача-а-ать... о-о-о... да, детка.

Сама не поняла, как повернула ручку, дверь оказалась незапертой, и я буквально ввалилась в просторный зал с бильярдным столом, бассейном с горячей водой, от которой валил пар, и застыла на пороге.

Все обернулись ко мне. Человек десять. Трое узбеков, а остальные все наши. Разморенные алкоголем, предвкушающие грязную вакханалию. Но я смотрела на Макса, у которого на коленях отплясывала полуголая блондинка. Искусно выписывала восьмерки ровно до той секунды, как я вошла в залу. Теперь она откинулась Максиму на грудь и с любопытством смотрела на меня, как и все остальные. Я стиснула руки в кулаки с такой силой, что ногти вспороли кожу на ладонях.

Муж смотрел на меня исподлобья осоловевшим взглядом, сжимая ее бока, а на дне его зрачков начинала полыхать ярость. Метнул взгляд на Фиму, который быстро застегивал ширинку и напряженно смотрел то на меня, то на Макса. Узбеки играли в бильярд, но тоже обернулись ко мне, прерывая игру. Один из них медленно разрезал длинным тонким ножом апельсины на блюде и облизывал пальцы, униженные кольцами и перепачканные соком.

— Макс, ты делаешь мне больно, — взвизгнула блондинка.

— О. Еще одна девочка. Красивый девочка. Прятал от нас, Зверь? Заходи, красавица. Шампанское будешь?

Максим стряхнул блондинку с колен.

— Это кто такая? — шепнула одна из девиц.

— Не знаю... мне кажется, жена его.

— Ого.

Макс поправил ремень на джинсах и затянулся сигарой, медленно выпустил дым, глядя на меня, а потом лениво сказал:

— Пошла вон отсюда, — кивнул мне на дверь, но я так и стояла, тяжело дыша и чувствуя, как внутри нарастает взрыв истерики, бешеное цунами ненависти. За то, что вот так. За то, что унизил. При них. При всех. При Фиме своем, при шлюхах этих.

— Я сказал, пошла отсюда к себе. Сейчас.

А я смотрела ему в глаза и чувствовала, что задыхаюсь. Больно дышать, так больно, что хочется драть пальцами грудную клетку и глаза его гадские. Глаза, от которых с ума сходила, глаза, которыми на шлюху эту секунду назад похотливо смотрел.

— Зачем гонишь красавицу? Зачем пугаешь? Иди к нам, девочка.

Макс резко обернулся к узкоглазому мужчине, и тот перестал улыбаться. Потянул руку за бокалом, хлебнул виски и отвернулся к столу, сказал что-то на своем языке и, облапав брюнетку за ягодицы, взялся за кий.

— Фима, убери ее нахрен отсюда и дверь закрой, — Макс потянул к себе блондинку, усаживая обратно на колени, но в этот раз лицом к себе, — давай, продолжай.

У меня взгляд на его пальцах застыл. Вижу, как темнеют на ее светлой коже, и без кольца обручального. Пальцы, которыми ко мне прикасался. Держит ее за бедро, а сам на меня смотрит... и я физически чувствую, как его пьяный взгляд впитывает мою боль, наслаждается ею, пожирает ее глотками.

— Идем, — Фима под локоть осторожно взял, но я сбросила его руку, вздернула подбородок и громко, отчетливо сказала:

— Не хочу уходить. Я хочу отметить день истины вместе с вами. И еще, я так давно не играла в бильярд.

Усмехнулась и прошла к бильярдному столу. Узкие глазки того, кто просил меня остаться, плотоядно сверкнули, когда он осмотрел меня с ног до головы.

— Угостите меня вашим виски? — и, не дожидаясь ответа, взяла бокал и осушила до дна. Узбеки расхохотались, а Фима, Макс и еще двое парней напряженно молчали.

Одна из девочек шепнула другой:

— Зухра, скажи им, что нельзя. Это жена Зверя, слышишь?

Но я опередила их и, игриво запрыгнув на стол, закинула ногу за ногу, поглаживая кий, который стоял рядом. Можно. Все можно. Ему же можно,

и мне можно. Чего мне уже бояться, когда у него на коленях шлюха сидит... а меня опустил только что перед своими, как шваль последнюю.

— На что играете, мальчики?

Посмотрела в глаза узбеку и отставила пустой бокал на стол.

— Меня Тахир зовут, и поиграем мы... — опустил взгляд к моему декольте, потом перевел на мои пальцы, скользящие по кию, и, наконец, посмотрел на ноги, затянутые в черный капрон, — на раздевание. Не попадешь — снимешь свой красивый платье. Для начала.

— А если ты не попадешь, Тахир, что сделаешь?

Он расхохотался, что-то сказал своим, и те тоже рассмеялись.

— Наглый и дерзкий девочка. Если я не попаду — сниму с тебя твой трусики и поиграю в тебя на этом столе.

Он протянул руку к моей груди, и я не сразу поняла, что произошло, но через секунду Тахир лежал у моих ног, и хрипел под подошвой сапога Зверя. Двое других людей Тахира уже выкинули вперед руки со стволами. Резко повернула голову в сторону Макса, тот продолжал стоять одной ногой на горле узбека, в руках тоже пистолет, стиснул челюсти. Переводит ствол с одного на другого.

— Шалав уведи отсюда, Фима. Пусть их в город отвезут. Спокойно пушки положили на стол. Все будет, как обещал.

Девицы засуетились, подбирая шмотки, ретируясь босиком к выходу в сопровождении одного из ребят моего мужа.

— Не будет никакого сделка, Зверь. Мы своим в городе скажем, что кидалово это. Перережем ваш брат на рынке, как баранов.

— Значит, не будет сделки? — сильнее нажал на горло узбека, и тот захрипел, извиваясь жирным телом на ковровом покрытии.

— Отпусти моего брата, извинись, сука твоя пусть отсосет Тахиру, потом всем нам, и будет тебе сделка.

Это было так быстро, что я не успела опомниться, раздался сильный хруст, жуткий хрип Тахира и сразу несколько выстрелов. Я глазами расширенными смотрю, как медленно узбеки оседают на пол с круглыми дырками между глаз. Даже не знаю, кто стрелял.

— Зверь, твою ж мать. Ты что творишь.

Голос Фимы взорвал тишину и зазвенел под потолком, сплетаясь с эхом выстрелов.

— Этих в лесу закопать. Тачки в реке утопите, лед хрупкий, ко дну пойдут мигом.

А сам на меня смотрит, тяжело дыша, глаза бешеные и ноздри раздуваются. И у меня адреналин со свистом по венам носится, гудит в

мозгах и губы дрожат. Осознание набатом, что только что из-за меня убили троих людей, и пот струится вдоль позвоночника.

— Выполнять, — рявкнул так, что уши заложило. Боковым зрением вижу, как трупы тащат, как по полу кровавые следы тянутся. Макс продолжает на меня смотреть, а мне кажется, он меня не видит. У него взгляд, как тогда, в душе, и мне страшно его опустить, словно перестанет на меня смотреть и сорвется окончательно... он все еще стоит на горле у мертвого Тахира, а у меня в голове секундная стрелка отсчитывает.

— Что со шлюхами делать будем? Они выстрелы, наверняка, слышали.

— Ничего. Они умеют молчать. Тахир мелкая сошка. Его территорию поделят и договоримся с другими узбеками.

— Ногу убери, Зверь.

— Фима?

— Да.

— До завтра схоронись в городе. Потом разрулим. Сюда не суйся. Я утром вернусь к себе.

— Охрану все равно оставлю.

Когда за ними закрылась дверь и послышался шум отъезжающих машин, я судорожно сглотнула слюну, зная, что вот теперь настала моя очередь.

— Там, в подсобке у кухни, ведра и тряпки. Пол здесь помоешь. Убереешь за собой.

Все еще сквозь меня смотрит и вдруг за волосы схватил и к себе рванул, зашипел сквозь зубы прямо в лицо:

— Из-за тебя, сука, я только что убил троих партнеров. Сорвал хорошую сделку. Из-за твари, от которой бы не отвалилось, если бы она отсосала у Тахира. Не стала бы грязнее.

— Так почему не дал... отсосать? — глядя в глаза и чувствуя, как всю трясет от ярости и обиды. — Твои шлюхи тебе, а я ему. Все счастливы, довольны и сделка состоялась бы.

Знала, что ударит. Уже не удивилась. Схватила за щеку, с ненавистью глядя на него и чувствуя дикое желание впиться ногтями ему в лицо.

— Потому что ты моя жена. Мою фамилию носишь. И будешь носить, пока жива. И сосать будешь у меня, и трахать тебя буду я.

— В перерывах между другими шлюхами? Лучше сейчас убей.

— И убью, — зарычал мне в лицо.

— Убей. Ты же мне не веришь. Ты же осудил меня без суда и следствия. Ни одного сомнения не закралось. Ты хотя бы видео то проверил? Посмотрел? Или ты вот так, сразу... Потому что так удобнее.

Потому что можно тогда себя жалеть. Можно становиться психопатом и наслаждаться этим.

— Заткнись.

— И не подумаю. Я тебя не боюсь, Максим. Что ты можешь со мной сделать? Убить? Убей.

Я со стола позади себя нож сгребла и сжала его пальцами. Он взгляд на мою руку опустил, смотрит как кровь по ладони стекает на пол, обвивая запястье, как красной нитью, а я даже боль не чувствую.

— На. Прирежь меня прямо сейчас. Вот здесь. И всем станет легче. Тебе, мне, Андрею. Только когда правду узнаешь, кого ты убивать станешь? Себя? Хватит смелости?

Перехватил лезвие прямо возле моей ладони и прижал кончик ножа к моему горлу, по моим пальцам потекла и его кровь.

— Прирежу... не сомневайся. Прирежу, как последнюю суку.

А у меня от его близости колени подгибаются и заорать хочется громко, истерично.

— Прирежь... жизни без тебя нет. Без доверия твоего. Сдохнуть хочу, Макси-и-им.

Выдрал из моих пальцев нож и швырнул на пол, обхватил мое лицо пятерней, пачкая кровью. То ли моей, то ли его. И вдруг впился в мои губы бешеным поцелуем, кусая, сжимая мой затылок другой рукой, с гортанным стоном, и я с рыданием обхватила его за шею дрожащими руками, отвечая на поцелуй, сплетая язык с его языком. И тут же оттолкнула, вспоминая, как шлюху лапал у меня на глазах.

— К девкам своим иди, — выдохнула тяжело дыша, — не прикасайся ко мне.

— У меня не стоит на них, — и снова к себе за затылок, сминая мои губы губами, — не хочу никого... о тебе каждую секунду.

Как голодные звери. Не целуемся — грызем друг друга, и чем больше, тем сильнее наслаждение. Все исчезло. Лихорадит от восторга и от идиотской растерянности, когда вдруг получаешь все и сразу. Залпом... словно умирающий от жажды захлебывается глотками воды, до боли в горле и в груди. Так и я пью его. Всего, без остатка. Его запах, его голос, слова... присутствие.

Вгрызается в мой рот с каким-то бешеным рычанием, и у меня подогнулись колени, удержал за спину, продолжая дико пожирать поцелуями. Они, как быстрый, голодный секс, болезненный и отчаянный. С большим удовольствием, которое имеет солоноватый вкус крови и слез.

В голове взорвался первый оргазм. Тот самый, который раздирает мозг

и заставляет тело желать настоящего, адски желать, до лихорадки, когда от нетерпения дрожит подбородок и стучат зубы.

Глядя ему в глаза, сняла через голову платье и отшвырнула в сторону, оставаясь перед ним в одних трусиках. И этот взгляд. Мужской, тяжелый, горящий на мою грудь с твердыми, возбужденными сосками. Набросилась сама на его губы, впиваясь пальцами ему в волосы, другой рукой задирая рубашку, царапая его голую спину, сатанея от ощущения твердых мышц и гладкой кожи, обвивая бедро ногой и шепча ему в рот между яростными поцелуями:

— Руки, губы твои хочу... соскучилась, Макси-и-им.

В глаза смотрит и ладонью по груди скользит, оставляя кровавый след из пореза.

— Убил бы, тварь...

— Убей.

Сжимая его пальцы, пачкая своей кровью.

— Это будет больно.

— Мне и так больно... я не дышу... мне легкие разрывает без тебя.

Снова алчно в мои губы губами, жестко, сильно, ударяясь зубами, захлебываясь стонами, и дыхание оглушительно громкое. Сплетаемся вместе. Пью его глотками, выдыхая обратно. От страсти колотит крупной дрожью.

Рывком поднимает за талию. Заставляет обвить себя ногами и прижимает к стене. Возбуждение на грани фола. Все исчезло. К чертям реальность. В воздухе витает запах чужой крови и смерти, а мне кажется я наполняюсь жизнью, впервые за эти дни. Потому что у него изменился взгляд, потому что сквозь звериный мрак продирается мой Макс. Они сцепились в схватке там, на дне его взгляда, и я не даю ему думать, снова нахожу его губы, выдыхая в них тоскливую горечь.

Отодвинул полоску трусиков в сторону и одним движением заполнил до упора. Резко. На всю длину. Стонем в унисон... Надсадно, громко. И от его крика свело низ живота судорогой возбуждения. Двигается без пауз, набирая бешеные темп, долбясь на скорости. Так сильно, что из глаз брызгают слезы. Безжалостно и глубоко, раздирая на части, толкаясь в судорожно сжимающиеся стенки лона, цепляя матку. "О господи... мамочкиии... пожалуйста" вслух или про себя, задыхаясь... а по венам струится наслаждение раболепное, противоречивое, и первый оргазм полосует тело, заставляя взвиваться в его руках, орать, изгибаясь к нему, сильными судорогами сжимая его член, и он врывается в меня сильнее, жестче, в одном ритме. Я чувствую его дикость кожей, когда ничего не

осталось, кроме одержимого желания обладать. Жадный и голодный, ненавидящий нас обоих за свой голод, и меня током прошибает от его ненависти, сильнее чем от любви. Она острее, она одержимей. И возбуждение держится на уровне в двести двадцать вольт. На запределе.

Я кончаю и плачу от невыносимого наслаждения. Теряя счет времени... теряя счет дикому больному удовольствию, обезумев от криков. Завывая, хрипя, плача и умоляя... нет, не остановиться... умоляя рвать на части, чтобы чувствовать НАС. Хватая его за окровавленную руку и забирая пальцы в рот, до самого горла, засасывая их и кусая, закатывая глаза и заходясь в криках, истекая потом и слезами. Представляя, что это его член у меня в горле.

Я не знаю, чувствует ли он это... сколько раз подряд меня сейчас разодрало от наслаждения грязно принадлежать ему. Принимать его в себе, с размазанной тушью, спутанными волосами, давящейся его пальцами и содрогающейся от очередных диких судорог. Выть его имя и снова сосать пальцы, принимая их глубже, расслабляясь и снова сжимаясь.

Я не помню, как он отнес меня в спальню, бросил поперек кровати и снова набросился в диком исступлении. Словно оголодавший настолько, что все отступило на второй план.

И он кричит со мной сегодня, стонет и кричит... Не стиснув зубы и сдавленным рычанием, как всегда, а криками и громкими стонами, давая ощутить свой голод и удовольствие, выплескиваясь внутри меня и закатывая глаза, запрокинув голову. Он кончает. А мне кажется, что я его наслаждение чувствую каждой порой, меня трясет вместе с ним от восхищения этой порочной красотой и безумной любви к нему.

* * *

После мы оба молчали, тяжело дыша, я боялась открыть глаза, а он не шевелился, так и лежал на мне. Когда приподнялся на локтях, я в панике вцепилась в его плечи.

— Я не спала почти неделю. Не уходи. Пожалуйста... не уходи, Максим.

И он не ушел. Лег на спину, позволяя лечь себе на грудь. Я забылась каким-то тяжелым сном, без единого сновидения. Провалилась в него, судорожно цепляясь за шею Максима и вдыхая его запах... Он так и не обнял меня.

Проснулась уже под утро от того, что поднялся с кровати и пошел в

душ. Дальше просить о чем-то бесполезно. Снова отдаляется, выстраивает между нами стены, сомневается. Когда вернулся, принялся одеваться. Я смотрела на его заострившийся профиль, пока он натягивал брюки, застегивал ширинку, рубашку. Смотрела на эту глубокую небритость. На ввалившиеся скулы. На взъерошенные моими руками волосы, и внутри все зашло от понимания, насколько же все было скоротечно. Уйдет, и как будто не произошло ничего.

Ни слова не сказал больше. Так же молча пошел к двери.

— Максим.

Не обернулся, только остановился, рука у самой ручки двери застыла.

— Я умоляю тебя. Ради нас. Отдай эту пленку кому-то. Пусть ее проверят. Дай нам шанс. Один единственный.

Он вдруг вернулся ко мне и склонился надо мной, глядя мне в глаза. То в один то в другой, а у меня все внутри сжалось, скрутило в узел — в его глазах столько отчаянной тоски, что мне кажется, я физически чувствую ее, и грудь стягивает стальными обручами.

— Проверю. Проверю, несмотря на то, что видел своими глазами...

— Они тебя обманули, — голос сорвался, и я схватила его за руку, сплетая наши пальцы, касаясь раной его раны на ладони, — что ты чувствуешь внутри? Что у тебя там?

Положила другую руку ладонью ему на грудь и под ней его сердце колотится сильно, быстро.

— Там хаос, малыш. Там прошелся торнадо, и там полный хаос.

— Ты не веришь мне даже чуть-чуть? Хоть немножко? Ни одного сомнения?

— Я хочу верить... меня ломает, маленькая. Я глаза себе выдрать готов и поверить... и я ненавижу тебя за это.

— Я не предавала тебя. Это специально... я не могу так больше, Макс. Я просто так не могу. Проверь и вернись ко мне, если узнаешь, что я не виновата... Я все еще готова простить тебя... Я все еще люблю тебя... дышу тобой.

— Я вернусь в любом случае.

Прозвучало, как угроза или приговор. Высвободил руку, и когда за ним захлопнулась дверь, я закрыла глаза и почувствовала, как по щекам снова слезы катятся. Мне может помочь только чудо, и пусть оно случится. Пожалуйста. Одно единственное чудо.

ГЛАВА 15. Андрей

Дни пролетали в какой-то безумной суете, когда не хочется останавливаться ни на секунду. Выматывал себя до изнеможения, чтобы, едва преодолевая усталость, уснуть на несколько часов, ни о чем не думая. Держал себя в руках, не давая сомнениям, которые точили изнутри, ни единого шанса. Легкая передышка — и вперед. Очередной марафон. Искать выход нужно. Я чувствовал, что он есть. Есть ответ на все это. Только кто-то или что-то не дает мне его найти. Нащупать. Я как будто шел по какому-то темному зловещему лабиринту, а когда вдали виднелся пресловутый свет, вдруг резко сворачивал не туда. Есть тут какой-то подвох. Ощущал его на подсознательном уровне. Слишком много всего сошлось в одной точке. Словно искусно разыгранная партия. Это и не давало покоя, походило на какое-то гребаное проклятие. Вчера все мы были семьей — а сегодня ее не стало. На каждое отчаянное "Почему?" нам как будто сразу подсовывали ответ. На каждое "За что?" — демонстрировали мотивацию. Это игра. Тонко продуманная. Все это время нам бросали вызов. И в этот раз удар оказался слишком точным... Это нужно было признать, подняться и идти. По кускам себя собирать и двигаться вперед. Остановишься — и выстрел опять попадет в мишень.

Мне не давало покоя то, что происходит с Максом... Словно в одну секунду между нами разверзлась пропасть, и росла с каждым днем все больше. Он не хотел говорить, и я его понимал. Я и сам не стремился вести с ним задушевные беседы. Потому что есть ситуации, когда любое слово раздражает и причиняет боль. Да и говорить тут не о чем. Мы не действовали сообща, как всегда до этого. Потому что я продолжал верить, а он похоронил свою веру, растерзал, искромсал на части и молча наблюдал, как она истекает кровью. Выжидал, когда подойдет...

Он позвонил мне как-то ночью и сказал, что уедет. Что на дно заляжет, оклематься ему нужно. Слушал его голос, и не узнавал брата. Хотелось примчаться, встряхнуть, таскать за собой, искать вместе выход, только знал, что не получится из этого ничего. Не сможет он сейчас. Не тот Макс, которого знал. Уже несколько недель прошло. Не говорили ни разу, только прокручивал иногда в голове тот последний разговор.

— Где искать тебя, если нужно что будет?

— Не надо искать, Граф. Я сам тебя найду. Ты за делами присмотри пока...

— Какие к черту дела... Не о делах сейчас. Я должен знать, куда ты направляешься.

— Бл***, Граф. Только не начинай, а? Ты до этого как-то без меня жил, нехрен тут мамочку изображать...

— Я тебе и мамочку и папочку заменю, если надо будет. За разговором следи. Знаю, что херово тебе, только...

— Что, Граф? Наступил тот самый драматичный момент, когда ты скажешь мне о братской любви? — услышал опять этот жуткий смех. Скрипучий, на надрыве, как у слабоумного. Дьявол, он дальше на дряни той. Вскочил с кровати, на ходу натягивая рубашку. — Барабанную дробь организовать?

— Где ты сейчас?

— Андрей... проехали. Да, твой брат мудака, но мне сейчас тошно смотреть на все это. Где каждая мелочь, бл***... — он замолчал, только я понял. Каждая мелочь о Дарине напоминает. В груди кольнуло. Говорим по телефону, а я боль его и так чувствую, как и крик, который в его горле комом стоит.

— Хорошо, Макс. Телефон включай иногда...

— Не волнуйся, не сдохну. Фима со мной... откачает, если что.

Кто бы сомневался, что Фима с ним. Верный как пес. Ни на шаг не отойдет, как собака сторожевая. Пусть так. Пусть уезжает, а когда вернется — кто знает, может, по-другому все будет.

Сейчас, когда до рассвета оставалось всего несколько часов, я сидел в кресле возле камина и наблюдал, как языки пламени медленно пожирают древесину, обугливая ее по краям и пробираясь все глубже. И опять брата вспомнил, который горит живьем. Ненавистью, разочарованием и болью, потому что продолжал любить. Нам не нужны были разговоры, чтобы понимать, что в душе происходит.

Вдруг зазвонил телефон, и я, не глядя на дисплей, схватил его и нажал на кнопку.

— Да, слушаю...

— Андрей, это Матвей...

На часах — четыре утра, в такое время с хорошими новостями не звонят. Почувствовал, как дыхание на несколько секунд перехватило и сердце замерло в ожидании, чтобы потом застучать быстрее, в такт лихорадочным ударам тревоги.

— Матвей Свиридович? Что случилось?

— Не догадываешься?

— Давайте к делу все же...

— Не телефонный разговор. Подставил ты меня, сынок... Не ожидал.

— Я приеду сейчас. Ждите.

Понимал, что произошло что-то серьезное, только такие вопросы по телефону не задают. И себя, и его подставить можно, несмотря на все предпринятые меры безопасности. Одно произнесенное слово может подвести любого под суд. С Матвеем Свиридовичем мы сотрудничали не первый год, притом все оставались довольны. Обоюдная выгода — лучшее подспорье для любых связей. Он в милиции пост серьезный занимал, через него мы все необходимые дела проворачивали, да так, чтоб в досье лишних пятен не появлялось. Подставлять его — все равно, что копать яму самому себе. Это явно какая-то ошибка, нужно выяснить все прямо сейчас.

Через час я был в его кабинете. Поставил на стол бутылку коньяка, а он молча вытащил из шкафа два стакана.

— Садись, сынок, в ногах правды нет... — закашлялся, прикрывая рот сжатыми в кулак пальцами, а я ждал, когда пройдет этот приступ. Почему-то отца сейчас вспомнил. Тот так же кашлял последние месяцы, и коньяк хлестал, несмотря на причитания Фаины.

Полковник открыл бутылку, разливая темную жидкость по стаканам, и не отводил от меня взгляда, как будто изучая.

— Я, конечно, понимаю, что в жизни все меняется. Вчера были одни понятия — сегодня другие. Твое дело. Только предупредить-то можно было? — и залпом осушил стакан.

Я не понимал, о чем он говорит. Ни слова. Слушал, не перебивая, чтобы не думать, что оправдываться собираюсь.

— А теперь давайте с самого начала и по порядку, Матвей Свиридович. Проблема в чем?

— А проблема, Андрей, в том... — он опять налил себе коньяк, — что тормознули пять контейнеров твоих. Угадай, что в них нашли?

— А что могли в них найти? Мы в этой сфере чисто работаем. Даже налоги все платим по полной.

— За трафик кокса тоже в госбюджет отчисляете?

— Мы этим не занимаемся. Никогда не занимались и не станем. Уж кому, как не вам, это знать...

— Да я вот тоже так думал, — его голос становился другим, тон с каждым словом повышался, я чувствовал, что он еле сдерживается, чтоб не сорваться на крик. — А ты меня как пацаненка подставил. Ворон ушел — времена поменялись, да?

Я поднялся со стула и, сжав челюсти, наклонился над ним, упираясь руками о стол.

— Я НИКОГДА НЕ ЗАНИМАЛСЯ НАРКОТОЙ...

— Давай, собирайся, поехали. Хватит из меня лоха делать. Сам будешь разгребать теперь все это дерьмо. Так дела не делаются.

Мы расселись по машинам и двинулись в сторону юго-востока. Это какая-то ошибка. В городе все до единого знали, что Вороны не занимаются наркотиками. Это было делом принципа. Еще со времен Царя и Савы. Никакими методами не удалось сломать их позицию. Их личный кодекс чести. Отойти от него — все равно что их память замарать. Не может этого быть. Мы контролировали всех своих водителей, транспорт, экспедиторов и каждый участок приема и разгрузки товара. Поэтому все, что вменяет мне полковник, полная чушь. Подстава. Разберемся сейчас.

Все, что происходило дальше, походило на дурацкий розыгрыш. Потому что, бл***, да, там была наркота. Не знаю, сколько тонн этой белой дури лежало в контейнерах, и как все это дерьмо проехало полстраны. Полстраны. Вот так просто.

Пока полковник разговаривал с остальными своими, я искал взглядом главаря этой "колонны". Транспорт Макс обычно занимался, эту сферу он на себя взял, контролировал все, вплоть до персонала. Я еще по пути сюда набирал ему — глухо. Связи нет. Времени у меня тоже нет. Выяснить нужно, здесь и сейчас, что за...

Наконец подошел ко мне узкоглазый какой-то, а меня передернуло прям — лицо слишком знакомое было. Точно пересекались, притом он явно не из наших. Прищурил глаза, пытаюсь вспомнить, где он мелькал раньше. Походка уверенная, руки в карманах держит и движется прямо на меня. Твердым шагом, глаз не отводит, а в них — вызов. Не знает пока, что скоро в его зрачках ужас плясать будет вперемешку со страхом. Предсказуемо все. Видал я немало таких борзых, у которых мозгов хватает только стволом размахивать.

— Че за проблемы, Граф? Че за дела? — с наглым видом вздернул подбородок, но я заметил, как у него при этом кадык задергался.

Резким движением схватил его за шею, со всей силы надавливая на кадык. Он даже не успел сориентироваться, только захрипел и глаза на меня вытаращил.

— У меня с шестерками дел не бывает... — убрал руку, чтоб дать ему возможность хлебнуть кислорода. Мне информация нужна, а трупы не отличаются особой разговорчивостью. — Кто подослал?

— Че ты дерганый такой? Мне задачу поставили — я и выполняю.

— Кто? Кто тебе, мразь, задачу поставил?

— Ахмед с Бакитом... Сказали, на мази все...

— Что, бл?.. Твой Ахмед, сука, прячется от меня, как трусливый шакал, уже вторую неделю.

Я не блефовал сейчас, это и правда было так. Ублюдок как сквозь землю провалился после той истории. Его не было в городе, это я знал точно. Он даже на телефонные звонки не отвечал. Мне он был нужен, а если мне кто-то или что-то нужны — я достану. Любым методом. И как бы мне не хотелось этого признавать, но эта тварь — моя последняя зацепка, чтобы докопаться до правды. Если все так, как говорил Макс, то Ахмед не упустит возможности дать мне очередной удар под дых и докажет, что Дарина — фальшивая и лицемерная сучка, которая пришла в мой дом, чтобы развалить ко всем чертям то, что мы считали семьей. Ахмед знал, что искать его буду, поэтому и исчез. Зарылся в нору какую-то и наблюдает, мотая нервы и выжидая очередного момента, чтобы ударить. Исподтишка, в спину. Не догадывается только, что ответный удар будет куда мощнее. Мне кажется, я даже ухмыльнулся от мысли о своих планах, которые уже совсем скоро начну воплощать. Шаг за шагом, день за днем я буду превращать жизнь это урода в пепелище, а его самого — в дерганого маразматика. Я ведь знаю уже, на что давить. О жизни его тоже все знаю — хоть биографию пиши. Кем дорожит, кого ненавидит. Кому должен и кого потерять боится больше жизни. Но он потеряет, иначе я не я.

К нам подошел Матвей Свиридович и бросил на меня вопросительный взгляд. Ему нужно было расклады знать: что, как, с кем, когда и почему. Сюрпризы в этих делах могут под откос годы доверия пустить.

— Я разберусь с этим. Сейчас на отшиб отгоним, и вся эта дурь в воздух нахрен полетит. Видимо, крыса среди наших — вот и повелись. Легких денег захотелось... Всех проверю и устраню, — я оттолкнул от себя узкоглазого, — неквалифицированный персонал.

Тот смотрел на меня перепуганными глазами и лихорадочно замахал руками.

— Э-эй-эй, что значит, в воздух? Да мне яйца оторвут...

— Конечно оторвут... Прямо сейчас и начнут.

— Послушай, Граф... Я же человек маленький... — голос стал тихим, вкрадчивым, на меня смотрит услужливо так, жалостливо. Еще бы, за шкуру свою испугался. — Что с меня возьмешь? Мне приказали — я сделал. Ахмед сказал, что они со Зверем перетерли все...

Я заехал ему кулаком в челюсть, а он, не удержав равновесия, споткнулся и упал, сплевывая на снег кровь. Ублюдок гребаный. Со Зверем они перетерли. Да Макс бы в жизни не пошел на это. Никогда. Даже речи не могло идти о том, чтобы в наркотрафик ввязываться. Нет, он не пошел

бы... нет. Или пошел? В голове завертелись картинки и обрывки фраз. Его поездка к Бакиту, поведение странное, вранье, то, как юлил все это время, глаза прятал, а потом и вовсе пропал... "На дно я залягу, брат", "Она Бакита осталась ублажать" и почувствовал, как тошнота к горлу подкатывает. Нет, этого не может быть. Это все равно, что отцу в гроб плюнуть. Не мог Макс...

— Жить хочешь? — узкоглазый быстро закивал головой, мне кажется, его раскосые глаза даже каким-то странным образом округлились. — Ахмеду звони тогда...

Он выхватил из кармана сотовый и набрал номер. Его лицо исказилось от страха, и через несколько секунд телефон выпал из дрожащих рук, разбиваясь об асфальт.

— Граф, пощади... прошу, — упал на колени, хватаясь за мой плащ. — Я не виноват... Нет с ним связи... Умоляю. Все, что хочешь, сделаю. У меня дети... Сын в первый класс пойдет, — у него начиналась истерика, он нес что попало, умоляя не убивать, не умолкая ни на секунду, словно стоит ему затихнуть — сразу получит пулю в висок.

— Сын в школу, говоришь, пойдет? — я направил на него пистолет. — Так я его найду. Знаешь, зачем?

— Граф... пощади... А-а-а-а, умоляю.

— Не слышу ответ...

— Зачем? Не трогай сына, он не виноват. Прошу, Граф...

— Чтобы он мне спасибо сказал, что я его от такого отца избавил. Что человеком без тебя станет. У него пока есть этот шанс...

Я выстрелил в упор, наблюдая, как он взвыл от боли, прикрывая руками залитое кровью лицо. Корчился на земле, орал, проклинал, замолчал только после того, как еще несколько пуль получил.

— Отгоняйте транспорт... уничтожить всю партию.

— Андрей, — услышал хриплый голос полковника, — вы там внутри у себя разберитесь для начала. Перед смертью не врут, сынок... — махнул головой в сторону лежащего на асфальте узкоглазого. — Ахмед не стал бы нагнеть так в открытую. Подумай над этим... И с братом поговори.

Я знал, что он прав. Да, дьявол, он прав. Только произнести это вслух — все равно что признать Макса тварью. Подлой и низкой. Когда вот так, за спиной, повернуть все это и сбежать, прикрываясь болью.

— Брат тут не при делах. Я выясню. И спасибо за все...

Мы пожали друг другу руки, и я увидел, как в его глазах промелькнуло сочувствие. Не нужно уметь читать мысли, достаточно сопоставить факты

и несколько случайно брошенных фраз, чтобы понять суть.

Я не помнил, как ехал домой, просто затормозил возле входа и поднялся в кабинет. Тишина казалась сейчас удручающей как никогда. У меня из-под ног словно по кирпичу вытаскивали, а тот фундамент, на котором строилась семья, становился все ниже. Он трещинами покрылся, и его растаскивали по частям в разные стороны. Оглядывался, а вокруг людей все меньше, которые руку подадут, если пошатнусь. Вроде есть они, только их лица становятся серыми, полупрозрачными, исчезают на глазах, растворяются в воздухе как дым.

Услышал сигнал и не сразу сообразил, откуда он, пока не увидел на мониторе ноутбука аватар контакта. Ахмед... собственной персоной. Кто бы сомневался. Сейчас я высадил в воздух миллионы, которые должны были осесть на его счетах. Он попал на космическую сумму, да и товар ему больше по этому каналу больше не дадут. Я налил в бокал виски и вальяжно уселся в кресло, нажимая на кнопку "Ответить".

— Ну здравствуй, Ахмед... Поздравляю. Великий день сегодня. Всю свою смелость собрал. В кулак поместилась?

— Ну что ты, Граф. Просто доложили мне, что искал ты меня долго, все найти не мог. Нюх теряешь? Сочувствую...

— Ты настолько провонял страхом, Ахмед, что любую ищейку можно со следа сбить... Я же отсюда тебя не достану, так что дыши спокойно... пока что...

— Ты, Граф, сегодня по беспределу пошел. Ответить придется.

— Этот город мой, Ахмед. Я здесь диктую правила. Поэтому смирись. Твоя дурь здесь крутиться не будет.

— Моя дурь будет там, где я решу. И возить ее я буду... А таких борзых, как ты, пуля шальная в два счета порешит... Твой братец поговорчивее был, вот и кайфует, баб трахает, пока ты тут в супермена заигрался.

Опять внутри словно иголкой кольнуло. Я видел, что Ахмед тянет, выдает информацию по крупицам, почву из-под ног выбить хочет, знает, тварь, что упоминание про Максима — верный ход.

— Я тебе все сказал. Будет так. Другие способы ищи дрянь свою продавать.

Он отправил мне файл, и после того, как я его принял и открыл, ублюдок засмеялся, понимая, какой эффект произвел. Потому что там был скан документов, согласно которым Ахмед является собственником пятидесяти процентов акций компании, которую мы купили у Царевых. Бл***. Макс, что ты творишь? Что, твою мать, с тобой происходит? Пауза

затянулась, Ахмед вкушал мой ступор, как долбаный гурман. О да, сейчас он наслаждался, наблюдая, как бьет раз за разом, и я не могу ничего сделать в эту минуту. Не дотянусь, бл***. Ну ничего, смеяться буду я... просто позже. А пока что максимум, что я могу — это держать удар.

— Ахмед, я тебе завтра сто таких бумажек нарисую. И сто первую — о том, что я наследник британского престола... Хрень эту засунь себе...

— Нэ-э-эт, дорогой, все чисто. Оригинал. Мы с тобой теперь партнеры. Отмечать сделку как будем, а? Сауна? Клуб? Девочки? Тебе сколько и каких? Ахмед не жадный...

— Любую отдашь?

— Мамой клянусь...

— Я блондинок люблю, Ахмед. Молоденьких, кареглазых и чтоб... голос хороший был и слух музыкальный... Ненавижу, когда фальшивят...

Он мгновенно сменился в лице, даже карандаш сломал, который вертел в руках. Глаза прищурил, от чего они стали еще уже, как две щелки, а в них — ярость горит. Понял угрозу, и к злости страх прибавился. Даже такой моральный урод имеет свои слабые места...

— Что замолчал, Ахмед? Мамой же поклялся... Кстати, давно проводывал-то маму свою? Ее призовой ротвейлер Рудольф Второй сына-то не заменит... да, Ахмед?

Он начал обдумывать ответы, я его врасплох застал этой информацией личного характера. Только он пока не догадывался, что это — лишь пыль по сравнению с тем, что я узнал. Как на ладони все у меня, а скоро в кулаке будут.

— Ты, Граф, лучше за своей семейкой следи... На званый ужин позовешь партнера своего, Ахмеда... Все же блудная овечка вернулась домой. Живая... Вот какой Ахмед добрый... Ахмед не убил — вам оставил...

Теперь все стало на свои места. Он не оставил ее там. Не оставил. Врал. Лгал все это время... Зачем? Дарина где? Что с ней? У меня от осознания всего этого волосы зашевелились.

— Ахмед, хватит базар разводить. Я свое слово сказал. Еще раз сунешься — я тебе лично передоз устрою. Понял? Все, отбой.

Схватил телефон и набрал Русого.

— Макса найти нужно. Срочно. Подключай всех. Все каналы. У тебя на все про все несколько часов.

Созвонился также с Матвеем Свиридовичем, чтоб помог тоже. Я сейчас готов был с самим дьяволом договариваться, чтобы найти, куда он

отвез ее. Забрал. Конечно. Збарал. Вспомнил наш разговор тогда. Он про видео какое-то говорил, про то, что Дарина Бакинта ублажать осталась... В голове — полный хаос. Что из всего, что происходило — правда? Кому верить теперь... если родной брат вот так вот. В глаза смотрел и лгал, за идиота меня считал, на эмоции давил нужные. Нет у меня брата больше. Да и, наверное, не было никогда. Все — игра, лживая и циничная. Прислушался к себе и вдруг понял, что сейчас его словно не стало. Есть просто Макс. Зверь. Человек. Но брата нет. Как все эти годы, когда я не знал о его существовании. А вот Дарина... Если с ней что-то случится — я себе этого не прощу. Никогда.

Нашел опять это злосчастное видео из больницы. Включил его, смотрел, преодолевая боль, перематывая, останавливая, всматриваясь и сбивая костяшки пальцев от ударов о стену. Потому что я видел его миллион раз, но не замечал ничего нового. Дарина, которая убивает моего отца. Жестоко и ужасающе. Простынь эта белоснежная, как и вся его палата, и следы от сапог, грязные, черные, как плевок в лицо. Еще раз и еще раз, на повторе, перематывая обратно, чтобы одна боль заглушила собой другую. Я найду их обоих. Найду... Остановил видео, хватит. Ничего тут. Ни одной зацепки... Ни одной. Это тупик. Схватил из бара виски и прямо из горла — обжигаящими горло глотками, пока не опустошил ее. Отшвырнул бутылку и окно рывком открыл. Орать хочется во все горло — а ни один звук наружу не вырывается, внутри все пламенем жжет, внутренности плавит и сдавливает шею невидимой колючей петлей. И взглядом — опять на монитор... На простынь эту со следами...

Простынь со следами сапог. Грязное на белом. Простынь... Следы...

Я подошел ближе. Нажал на паузу. Долго смотрел на этот след. Очень долго. Сам не знаю сколько. Зарылся пальцами в волосы, и молча, в мыслях, повторял одну и ту же фразу "только чтоб не совпало, только чтоб не совпало". Отправил сообщение с вопросом Глебу и сразу же набрал Карине:

- Доченька, привет...
- Папа-а-а, приве-е-ет. Ты приедешь сегодня?
- Я постараюсь, очень. У меня к тебе один важный вопрос...
- Да-да, я вся во внимании...
- Какой у Дарины размер ноги, ты ведь точно должна это знать...
- 37... Папа, а тебе зачем?
- Спасибо, моя хорошая. Потом расскажу, хорошо? Мне на встречу пора. Скоро приеду... соскучился очень.
- Я тоже, пап. Буду ждать...

Пиликнул телефон, и я получил смс от Глеба... Кажется, у меня даже рука дрогнула перед тем, как я открыл сообщение. Сейчас большего всего я боялся увидеть там цифру 37.

ГЛАВА 16. Максим

Нет, я не умер. Я убеждался в этом каждую секунду. Мертвым уже похрен. Нет, я не умер, я завидовал мертвецам, потому что завис в собственной агонии, умноженной на бесконечность. Понимал, что творю что-то фатальное, что-то, чего не прощу себе сам, и Граф не простит, но не мог иначе. С акциями он потом поймет. Да и черт с ними...

Не мог я сказать, мать вашу. Не мог видео ему показать. Грязь эту запредельную. А с ней я должен был сам. Она и я. Только нас касается и больше никого. Там, у Бакиста, купил бы ее даже ценой всей вороновской империи. Мне было насрать. Я хотел забрать ее, и забрал бы даже мертвую, по частям. Нет у меня полуправды, чего-то "полу". Я бы хотел, чтоб было, но меня всегда либо несло на максимально выжатой скорости, без сцепления и тормозов, либо я не трогался с места. И сейчас меня несло под откос. Я даже знал конечную точку. Понимал, что не выворачиваю на трассу, пружина как танк, цепляя все на своем пути, а остановиться не могу. Говорят, нет слова "не могу". Лгут. Есть. Это как себя наизнанку вывернуть в прямом смысле слова. Можете? И я не могу.

Увидел ее там, в постели Бакиста, и почувствовал, как разлагаюсь изнутри, меня черви пожирают, обгладывают живьем, а я все еще хожу, двигаюсь, разговариваю. От кокса сутками не сплю, потом проваливаюсь в бездну на пару часов и выныриваю от дикой ломки, от собственного воя. В зубы тряпку и, обливаясь холодным потом, катаюсь по полу, чтобы унять хотя бы на секунды. Доползти до пакетика, втянуть и почувствовать, как организм со скрипом начинает функционировать, перекачивать кровь по органам, мозги включаются, и становится хреново уже от осознания, что сделал и куда потяну нас всех. Себя, ее, Графа.

Забрал. Графу лгал и понимал, что вот она, точка невозврата, пройдена. Сжег все мосты для нас с ней. Не оставил шанса. Чтоб не помешал, не остановил, не влез. Долго поехать к ней не мог. Три дня кидался к машине, поворачивал ключ в замке зажигания и не мог. Боялся, что убью сразу. Сожму руки на ее шее и не смогу остановиться... а потом останется только дуло в рот и курок спустить. А мне пожить еще хотелось поагонировать, подышать с ней одним воздухом. Растянуть наше прощание, насколько это возможно. Я тянул. Вместе с собственными нервами и ее отчаянием. Только понять бы, от чего ее так ломает: то ли от страха перед расплатой, то ли и правда не виновата. Но как не виновата? Я же видел.

Глазами своими. Смотрел бесчисленное количество раз. Все сходилось. Картинка за картинкой. На свои места.

Смотрел, как она там плачет, как по комнатам ходит, и чувствовал, как дерет меня на части. Привык за это время, что от ее слез скручивает всего, что от ее боли сам загибаюсь. И эта война внутри. Плетью. Удар за ударом. Терплю, стиснув зубы, а меня хлещет все беспощадней, и я уже прогибаюсь, трещинами покрываюсь. Вот-вот разорвет.

Сама чистота и невинность... и тут же в памяти, как эта чистота у Бакита... К гору тошнота, гвоздем торчит, глотку дырявит. Только блевать я своими внутренностями буду. Раздробило меня уже там на осколки и обрывки прошлого счастья. Да и было ли это счастье? Не было ничего. Ложь была, мишура, фальшивка.

Да, я и не такое видел, как на том гребаном видео, не такое и сам делал. Но не с ней. Она и вот ЭТО — не совмещались в моей голове. Не сходилось. Не выстраивалось. Только злорадно усмехается внутри Зверь — что не сходится? Что нежная девочка отдается мужику лет на двадцать старше и воеет от наслаждения, когда тот ее как последнюю шлюху во все отверстия? Ты мало таких девочек на своем веку повидал? Или сам не драл таких?

Меня швыряло от стены к стене. Кокс и виски до потери сознания. Вырубался, потом опять дома в себя приходил. Фима из очередного притона привезет, сбросит на диван, а я чертей наяву вижу. Вою волком. То ли беззвучно, то ли так, что соседи к дьяволу съехали. Или я не слышу никого. Оглох и ослеп нахрен.

К ней приехал в невменяемом состоянии, обдолбанный до смерти, а увидел ее, и в мозгах прочистилось, да так, что от боли сдохнуть хотелось. Бил ее, и, казалось, самого скручивало пополам. Губами к ссадинам прикасаюсь, и трясет всего. Поверить не могу, что ударил... а потом смотрю в лицо это и вспоминаю, как оно спермой Бакита перемазано было, как улыбалась этими сочными губами и пальцы облизывала, и тошнит меня. В кровь разбить. В мясо. В месиво. Чтоб не было лица. Глаз не было. Ничего чтоб от нее не осталось.

Потом снова часами пленку просматривал, и за ней наблюдал. Понять не мог, как в этих глазах уместается такая чудовищная ложь? Как ей там места хватает рядом с моим отражением, в слезах, в тумане из отчаяния, как они уживаются? Где границы актерского мастерства? Чего я в своей жизни не знаю и не видел? На что повелся?

Смотрел в голубые омуты и понимал, что закрыть их хочу. Адски хочу закрыть, навечно, чтоб не видеть жуткие черты чудовищного обмана, и игру

не видеть. Она говорит, и я умом понимаю, что врет. Без зазрения совести, красиво, искусно, а сердце орет, заходится в агонии. Оно верит. Оно хочет верить. А мне хочется вскрыть грудную клетку, достать его оттуда и раздавить, чтоб заткнулось и не мешало.

Сам не понял, как узбеков порешил... лишь за то, что о ней так сказали, посмотреть посмели, руки свои протягивать. Похоть в глазах Тахира увидел, и переклинило меня. Все больше и больше контроль теряю. Раньше она меня успокаивала, а теперь все, что ее касалось, взвинчивало, срывало, с ума сводило. Не ушел, когда попросила, дал нам передышку в несколько часов. Тайм-аут от боли себе и ей... только ей от чего, не знаю. Видел, что почти не спала неделю. Я за каждым передвижением ее по дому следил. Когда попросила, не смог уйти. Мне это было нужно. Дыхание у себя на плече. Тепло ее кожи. Запах. Как последний глоток. Успокаивался под ее ритм. Она дышит, и я дышу. Спит, и Зверь засыпает. Тревожно, дергано, но засыпает.

Сомнения во мне поселила, и я почувствовал эту легкую тварь-надежду. Подлую, хрупкую. Она шевелится, оживает, и я раздумываю, раздавить ли ее в зародыше или дать расти, крепнуть. Мне б хотя бы за что-то уцепиться. За какой-то обрывок нити потянуть и начать распутывать клубок, если он есть. И я лихорадочно скрюченными пальцами шарю, но не нахожу ничего.

Вспомнил, как брат с одним айтишником дела вел. Тот все пленки на подлинность проверял. Эту... позорную грязь кроме меня никто не видел. Может, Бакит и рассчитывал на то, что такое не спешат кому угодно показать? Слишком отвратительно и унижительно, чтоб кто-то видел, как тебе, лоху, рога ставят, да так, что блевать хочется. Но я пообещал ей. Даже не так... не ей... а себе. А вдруг. Может быть именно вот здесь оно и есть. Та самая ниточка. Я ее нащупал, но не тяну. Набрал номер парня. Тот ответил не сразу, но меня узнал.

— Дело есть. Только сболтнешь кому — в асфальт закатаю.

— Лишние предупреждения, Максим Савельевич.

— Предупреждения никогда лишними не бывают. Помощь твоя нужна. Файл один пробить на подлинность. Куда скинуть можно, чтоб не засветить?

— Я дам электронку. Там все самоликвидируется после скачивания. Вам, кстати, Андрей Савельевич сбрасывал расшифровку переписки? Я восстановил все.

Я медленно закрыл глаза и под пальцами бокал затрещал. Переписка...

мать ее. Выдержу? Сейчас, когда надежда опять появилась и уже скорчилась в страхе смерти. Какая-то часть меня злорадно хохочет, а какая-то начинает снова кровью истекать.

— Не скидывал. Скинь на адрес, с которого файл пришлю.

Через пару минут отправил ему видео, он отзвонился, что получил.

— Сколько времени уйдет на определение подлинности? Меня волнует, есть ли монтаж, один ли и тот же человек снят на пленку на протяжении всего ролика.

— Пару суток займет, Максим Савельевич. Если сильно постараться — полтора дня как минимум.

— Сильно постарайся. Я буду благодарен лично.

— Вам расшифровку кинуть на эту же электронку?

Стиснул зубы.

— Да.

Когда получил файлы, пока скачивал — от напряжения пот градом по спине катился. Удалил электронку, как только закачался последний. И открыть не мог. Рука тряслась. Пару секунд пожить с той жалкой тварью-надеждой, которая уже знала, что умирает...

А потом я хохотал. Как чокнутый. Захлебываясь, запивая дорожки кокса неизменным виски и прокручивая колесико мышки ниже и ниже.

Она писала ему то же самое, что и мне. Словно копипейстом нам слала. Я дочитал до конца. Потом перечитал и снова Глеба набрал, уже не узнавая свой голос:

— Откуда сняли разговоры?

— С ее ноутбука. Ай пи совпадает с вашим домашним. Файл с смсками с ее телефона. Распечатка переписок по мессенджерам. Все принадлежит ей.

— Это можно подделать?

— Теоретически да, но...

— Меня интересует практически. Ты бы, если захотел, смог бы?

— Да. Не так-то легко, но смог бы. При соответствующем доступе к гаджетам.

— Хорошо. Жду отчета по видео.

Отключился и в который раз в стену со всей дури и руки в кровь. Уже привык к этой боли. Даже не чувствовал ее.

Снова взгляд на переписке остановился.

"— С Ахмедом, значит, встречалась, сучка?

— С братом делиться не любишь? Проблема с детства?

— Не дерзи. Язык оторву.

— Да ладно тебе. Перепихнулись пару раз. Делов-то. Он не в моем вкусе.

— Где? К нему ездила? Когда?

— Нет. Забрела к одной общей знакомой вчера. Он там был. Развлеклись на троих.

— С Ксю, что ли?

— С ней самой. В Раю ее побывали.

— Сука ты. Всегда знал, что сука.

— Твоя сука. Остальные так. Развлечение. Соскучился по мне?"

Я откинулся на спинку кресла. Анестезия заглушала приступы агонии, насколько это было вообще возможно. Ксю... В Раю побывали. На ум приходило только одно место. Клуб Парадиз. ВИП-заведение с элитными шлюхами любого калибра и пола. Хозяйку притона знал лично еще с той жизни, когда сам подобным подрабатывал. Земля, сука, круглая-прекруглая. Мне к этой мадам так или иначе надо на поклон идти. Я обойти ее хотел. Не шибко любил ворошить свое прошлое. Поднимать лишний раз грязь со дна собственного болота, из которого выплыл не так чтоб давно. Тахир должен был со мной сделку одну провернуть, и взамен я кое-что у него брал. Для личного пользования. Курьер меня на него вывел. Кроме Тахира оставались Ксю и Ахмед, чудом умудряющиеся не перегрызть друг другу глотки. Посмотрел на дату переписки и застонал. Полгода назад.

Зазвонил сотовый. Тот, что только у Фимы и парней из дома у озера. Личный я вырубил еще неделю назад.

— Да.

— Я все уладил, Зверь. Они думаю, что Тахир свалил после разборки с цыганами.

— Понятно. Молодцы.

— К ночи озеро льдом прихватит. По весне затопит все окончательно. Никаких следов. Шлюх припугнули.

— Хорошо, Фима. Свободен пока.

Отключился и несколько секунд смотрел на сотовый. Номер Ксении я помнил наизусть. Память у меня чрезвычайно интересная, избирательная: я либо помню наизусть тридцатизначные номера, либо одну цифру не могу вспомнить.

Какое-то время она была моей любовницей. Мы расстались красиво. Хотя, кто его знает, я так считал, а как считает брошенная любовница, одному черту известно. Придется напомнить ей о себе и заодно проверить, кого она видела полгода назад.

Кокс я, в принципе, мог у нее и так брать, через барыг. А мне нужна она лично. Чтоб разговорилась... И еще — я хотел чужое тело. Хотел окунуться в грязь. Мне это было нужно сейчас.

* * *

— Изменился. Возмужал. Сукин ты сын. Как был красивым подонком, так и остался. С чем пожаловал, мальчик? Только не говори, что скучал по мне.

Она всегда называла меня "мальчиком". Не знаю, меня ли одного. Но мне было плевать по большому счету. Я смотрел, как Ксю разливает в бокалы вино и думал о том, что мне не нравится эта официальность. Так принимают именно бывших. На дистанции. Сейчас мне эта дистанция с ней не была нужна. Она тоже изменилась. Как-никак далеко за сорок, но шикарна.

Выглядит на все сто. В сексуальном черном платье до колен, туфлях на высокой шпильке и блестящими каштановыми локонами, вьющимися по плечам. Грудь из декольте вываливается, ноги от ушей. Бывшая модель. Следы былой красоты. Она мне напоминала породистую суку. Но как была шлюхой, так и осталась. Правда, очень дорогой шлюхой. Такие по карману не многим, и их цена измеряется далеко не по часам, и далеко не одними лишь плотскими удовольствиями. Ксю могла продать и добыть информацию, могла помочь, могла зад прикрыть или подставить свой для любых извращений. Таких в свое время под врага подкладывали.

— Как можно не скучать по такой женщине, как ты, Ксения?

Усмехнулась уголком ярко накрашенных губ и протянула мне бокал. В зеленых глазах сверкает похоть и недоверие. Не знает, зачем пришел. Опасается. Потому что мальчик уже давно не просто дорогой девайс из ее притона, которому она подкидывала клиенток. Она знает обо мне предостаточно, чтобы понимать, кто есть кто. На сегодняшний день.

— Очень просто. Как это делал ты в течение последних лет после того, как вылез из моей постели и решил, что тебя порочит связь со мной.

— Как можно? Наоборот. Я не хотел порочить тебя связью с таким ублюдком, как я.

— Не морочь мне голову, мальчик. Я всегда знала, что у тебя прекрасно подвешен язык, и иногда мне нравилось слушать, как красиво ты поешь или как грязно материшься.

— Или как искусно использую язык и по другому назначению, пока ты

дергаешься, связанная и политая воском, — я схватил ее за руку и потянул к себе, но она смотрела на меня сверху вниз и не торопилась упасть в мои объятия.

Запищал сотовый, и я, бросив взгляд на дисплей, ответил.

— Да.

— Пару тачек засекли, Зверь. В периметре.

— Ведите. Пробежите номера. Отзвонитесь потом.

В этот момент она сжала мои волосы:

— Ты по делу?

— По делу.

Резко встал с кресла, забыв отключить телефон, развернул ее спиной к себе и плашмя уложил на стол, выкручивая руки за спиной и затыкая ей рот ее же трусами, которые стянул, пока она виляла задом и пыталась освободиться.

Через минуту пела уже она. В иных тональностях, с визгами и надсадными стонами, заливаясь слезами, когда я порол ее упругую задницу ремнем, пока долбился в нее, думая о том, что мне до безумия хочется затянуть им ее шею и дернуть до характерного хруста.

— Так кто я? Мальчик? Забыла, как меня называла?

Мычит и вертит головой.

— Забыла, чьи сапоги вылизывала и умоляла кончить тебе в рот?

Судорожно сжимает меня изнутри, а я смотрю на стену и долблюсь в нее в одном ритме, впиваясь в волосы и раздумывая о том, не останутся ли они у меня в руках, если дерну посильнее, или не лопнет ли силикон, придави я ее сильнее к столешнице. А еще о том, как моя женщина вот так же выла под гребаным Бакитом, пока тот ее драл, как последнюю... Как писала ему сообщения, как рассказывала о других мужиках, как врала мне, тварь, изо дня в день, ложилась со мной в постель, смотрела мне в глаза, а сама воняла всеми ими, а я боготворил ее. Молился на каждый ее вздох. Боялся боль причинить. Сломать. Только это она меня ломала все время. Все долбаное время она делала из меня последнего лоха, из меня и из брата моего. Семью нашу в пепел превращала. Смотри, малыш, как я других... Ты бы выла, если бы увидела? Ты бы почувствовала, как это гореть живьем? Ты бы, тварь, подыхала, как я сейчас?

Я бы заставил тебя смотреть, если бы знал, что тебе хотя бы на четверть так же больно, как мне.

Мычание Ксю иногда возвращали в реальность, но мне было плевать на нее. Я знал, что ей нравится, чувствовал, как она кончает, и полосовал ее зад сильнее и сильнее. Сам так и не кончил. От кокса стоит, а разрядка —

она в мозгах... и они не здесь. Они там. В доме у озера, где надежда раздавленная у ЕЕ ног валяется, уже окоченела.

* * *

Ксю поправляла макияж у зеркала, а я развалился в кресле и осоловевшим взглядом смотрел на безвкусные картины, которыми была увешана ее спальня в стиле самого вульгарного борделя в ярко-красных тонах.

— Изверг. Всю прическу к дьяволу. Мне вечером на прием, а я сесть не смогу, — но в голосе нотки эйфории. Давно ее так не драли, судя по всему. Рада. Глаза сверкают.

— Не приbedняйся. Постоишь, вспоминая как я тебя сегодня трахал.

— Как зверь, Макс. Как всегда.

— Некоторые вещи неизменны.

Она повернулась ко мне и усмехнулась той загадочной улыбкой, которая нравилась мне десять лет назад. Да, когда-то она мне нравилась. Казалась мне шикарной. Я бы сказал, фешенебельной. За нее платили огромные деньги, а она мне сама платила. Мне это льстило. Сейчас... сейчас я просто выплеснул агрессию и ярость. И еще мне были нужны ответы.

— Неизменны... например то, что я не вытолкала тебя за дверь, подонка такого, а потекла, как только увидела. Сволочь. Где ты был все эти годы?

— Потому и потекла, — я закурил, чувствуя, как возвращается лихорадка, как опять начинает трясти и отходит "анестезия". Она подошла ко мне и взъерошила мои волосы.

— Не поэтому. Но какая разница. Посмотри на меня.

Я посмотрел, чуть щурясь и выпуская медленно сигаретный дым.

— Тебе дурь нужна, верно, мальчик? Сколько?

— Нужна, — кивнул я, — для личного пользования.

— И что-то еще?

— Верно. И что-то еще.

Она грациозно прошла по спальне к комоду, достала пакетик и бросила мне, но я не поймал. Он аккуратно приземлился у моих ног.

— Подними, — сказал я ей, и она не посмела послушаться, а когда подползла на коленях к моему креслу я продолжил напоминать ей, что мальчиком меня называть все же не следует.

Она согласилась со мной спустя еще час. Пока пыталась довести до конца и ртом, и как только умела.

— Под дозой, да? Обдолбанный по полной.

— Тебе-то какая разница. Кайфуй. Когда тебя еще столько... м?

— Самоуверенная скотина.

— Разве я не прав?

Трахал ее и понимал, что от шага в бездну меня отделяет всего несколько сантиметров, и я должен их совершить. Нет у меня больше времени. Вот она — конечная. Я совсем рядом. Скоро все закончится.

* * *

Ксю рассматривала фото Дарины несколько минут. Ревниво рассматривала, как рассматривают изображение соперниц помоложе и покрасивее. А я чувствовал, как продолжаю обливаться потом... я видел по ее глазам, что узнала. Но хотел услышать. Чтобы произошел щелчок. Внутри. Чтобы все нахрен отключилось и я дошел до своей точки. Я устал держать цепь.

— Была у меня с Ахмедом. Не помню, когда. Полгода назад, кажется. Красивая, сучка. Индивидуалка. Сама себе клиентов выбирает. Мертвого возбудит... я сама ее тогда захотела. Давно меня так не пробирало.

Я привстал на локтях, и в висках начинает завывать, дергает в груди.

— И?

— Что и? Трахались до озверения. Ты ж знаешь, я всеядна. Ахмед и с двумя справится... впрочем, как и ты. Тебе бы она понравилась. Сочная, упругая, а вытворяет такое... Моим шлюхам бы поучиться у нее.

Сам не понял, как обе руки сжались на горле у старой ведьмы. Убью суку. Еще одно слово — и просто убью ее нахрен.

— Передышку дай, Макс... притомил. Болит все.

Думала, я завелся. Да. Я завелся. И я уже вряд ли остановлюсь. Я почти сдох. Еще один удар, и зверь сорвется с цепи.

— Звали как? Помнишь?

Смотрит на меня расширенными глазами, и вдруг я вижу, как они лихорадочно загораются пониманием.

— Из-за нее пришел? Не кокс, не я... а из-за суки этой, да? Только не говори, что запал. Не говори... — захрипела и расхохоталась, как истеричка, а меня рвет на части. Секунда — и я ею прикончу. Голову голыми руками оторву. Я сильнее пальцы сжал, и зеленые глаза

подернулись дымкой страха. Кажется вспомнила, кто я такой. Наконец-то.

— Как звали ее помнишь?

— Ася... и еще как-то называл ее. То ли Марина... то ли Арина.

— Дарина? — и никакого щелчка, только внутри разливается чернота. Кровь не красного цвета, она черная, когда истекаешь ею изнутри. Она по глазам с обратной стороны течет, и я ничего не вижу. Слепну я.

— Дарина... Отпусти. Красный. Мать твою.

Я руки убрал и потянулся за пакетиком на ее тумбочке, потянул еще дорожку.

— Ублюдох обдолбанный. Ты меня чуть не убил. Передоз будет.

— Не твое дело.

— Не мое. Пора тебе, Макс. Без звонка больше не являйся. Не впусцу.

Я ее уже не слышал. Я агонировал. Вот теперь я подышал, и анестезия не брала. Приход есть... но боль адская во всем теле. Ксю молчит. Видать, сильно испугалась. Не зря испугалась. Я сам понимал, что у меня по глазам видно, что не в себе. Потому что не в себе. Мне уже не воняет смертью. Она во мне. Я и есть смерть.

Зазвонил мой сотовый, и я на автомате ответил, краем глаза наблюдая, как она у зеркала шею припудривает и тихо матерится. Охрану так и не вызвала. А могла. Вполне.

— У нас проблема, Зверь.

— Какая? Номера пробили?

— Да там все нормально. Левые какие-то. Залетные. Дарина Александровна сотовый одного из наших парней забрала. Заперлась в комнате своей. Не знаем, что делать без ваших распоряжений.

— Звонки исходящие были?

— Да. Бакиту звонила.

Я сжал смартфон с такой силой, что по дисплею пошли трещины.

— Что нам делать, Зверь?

— Скоро буду. Ничего не делать.

Повернулся к Ксю, которая все еще нервно припудривала следы от моих пальцев.

— Счет пришли мне. За моральный и физический.

— Подонок ты. Не приходи больше. Никогда.

Сунул телефон в карман и пошел пошатываясь к двери. В крошечной тьме. На ощупь. Мрак перед глазами. И тишина в голове. Гробовая. Мертвая тишина. Вот теперь это конец. И мой и ее.

ГЛАВА 17. Дарина

Секунды, минуты, часы. Длинной в вечность и неизвестность. Я ждала. Это самое невыносимое — ждать. Нет, именно его я могла ждать бесконечно долго. Но сейчас я ждала НАС. Будем ли МЫ еще или НАС уже нет?

Та ночь дала мне надежду. Она поселила во мне маленький луч света, который я увидела в его глазах, когда он смотрел на меня перед тем, как ушел. Такой безумно красивый, родной. Я не могла поверить, что со мной он может быть другим. Это же я. Его маленькая, его малышка. Это же мне он что-то читал, когда я не могла уснуть, это меня он по ночам носил на руках, это ко мне он относился так нежно и бережно, что мне мог бы позавидовать хрусталь.

Все кажется каким-то кошмаром, каким-то спутанным бредом. Как быстро может измениться жизнь. Как по щелчку пальцев какого-то дьявольского кукловода, который обрезал куклам все нитки, а теперь сжигает их в печи и смотрит, как корчатся их лица в пламени.

Его не было сутки, а мне казалось, прошла целая вечность. Страшно смотреть на часы. Ощущение, что каждая минута приближает меня к концу, к какой-то чудовищной точке невозврата, и чем дольше его нет, тем страшнее становится. Предчувствие, которое давит, душит надежду. Мне кажется, я чувствую, как на расстоянии от меня Максим меняется, отдаляется, разрывает все, что нас связывало, и закапывает глубоко в грязь.

Подъехала машина, и я бросилась к окну. Увидела Фиму. Прижалась лицом к стеклу, глядя, как он говорит по телефону. Четкое ощущение, что с НИМ. Мне всегда казалось, что мы с Максимом связаны какой-то невидимой ниточкой, даже леской, и она больно режет, если он отдаляется от меня, а еще я всегда могла чувствовать его на расстоянии. Словно я и была частью его.

Фима прошел в дом, а я босиком, крадучись, по ступеням вниз. Хотела знать, о чем они говорят. А вдруг Макс что-то передаст для меня, вдруг я пойму из их разговора о его решении.

Споткнулась, цепляясь за перила, и больно вывихнула руку, но, стиснув зубы, на носочках спустилась к той самой двери и замерла.

Я услышала женские стоны и надсадные крики. Где-то вдалеке. Как будто в доме, но не понятно, где. Вначале показалось, что кто-то мучается от боли, а потом я поняла, и все внутри похолодело. Так бывает в момент,

когда еще не понимаешь, что происходит... не понимаешь, но чувствуешь. Затылком, глухими ударами сердца, и мелкими трещинами по нему идет то самое разрушение, после которого оно уже никогда не станет целым.

— Он что, ее трахает?

— Ну у Зверя свои методы... не выключил сотовый. Аудиопорно. Как он ее... Охренеть.

Я поняла, что включена громкая связь, когда услышала голос своего мужа:

"— Так кто я? Мальчик? Забыла, как меня называла? Забыла, чьи сапоги вылизывала и умоляла кончить тебе в рот?"

Раздался гогот.

— Тихо, придурки. Походу мадам напросилась на хорошую трепку.

— Да на еб***ю она напросилась. Орет как резаная. Что он с ней там делает?

— Трахает. Что он еще может с ней там делать? Вот сейчас... сейчас она кончит... Аааа... ааа... аааа.

— Не, ну бабы — это загадка природы. Я им цветы, деньги, шмотки, а он ее, походу, ремнем, а она воет благим матом и "НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ"?

— Тихо, б***.

— Это кого он там?

— Бывшая его, Тахир слетел — надо связи другие налаживать.

— Их у него столько было...

— Тихо, я сказал.

— Да выключи. Ну нахер. Пусть наслаждается.

Снова смех и пошлые шуточки. Я медленно сползла по стенке. Впервые в жизни мне казалось, что с меня слезает кожа живьем, все нервы оголены и лопаются от напряжения. Мне никогда не было настолько больно, как в эту секунду. Я задыхаюсь, мне невыносимо хочется сделать судорожный вздох, но я не могу, держусь за горло и с открытым ртом смотрю в никуда. В собственную боль — у нее лицо моего мужа, его синие глаза, его взгляд и наглая, похотливая улыбка... Не мне, не для меня... Оставил меня здесь, чтобы трахать других женщин, чтобы снова быть свободным, чтобы изменять мне в тот момент, когда я тут жду каждую секунду и корчусь в агонии, забытая, брошенная, растоптанная, истекающая кровью. Я жду его... жду... Думаю о том, есть ли МЫ, а нас и не было никогда. Есть ОН, а я скорее приложение к нему, приложение, в котором усомнились и готовы сломать, чтоб не мешало.

— Дарина Александровна?

Подняла голову, чувствуя, как хочется оглушительно заорать, так чтоб все голосовые связки полопались, и не могу. Смотрю на Фиму и задыхаюсь.

— Вам плохо?

Нет, мне не плохо. Я разрываюсь на части. Он не видит, как моя кожа слезает, как лопается изнутри, как кровь капает на пол? Неужели этого не видно?

— Что вы здесь делаете? Вам что-то было нужно?

Подхватил меня под руки, поднимая с пола, оглядывается на своих людей, они давятся смехом, а я понимаю, что сейчас сойду с ума. Они все поняли. Поняли, что я слышала, и мне хочется разбить их физиономии в кровь. Чтоб не смели ТАК смотреть на меня. Не смели. Как на идиотку, которую запер собственный муж, а сам трахает своих шлюх... как на ту, чьи дни в этом дом и в жизни их предводителя уже сочтены.

— Валите отсюда. Тачки снаружи пробейте, — Фима повел меня вверх по ступеням. Я не сопротивлялась. Снова и снова слышала голос мужа... хриплый, полный похоти, на фоне стонов другой женщины и чувствовала, как от адской боли внутри все дрожит. Мне кажется, что мое тело превратилось в горящий факел, а душа сжимается в камень. Невыносимо. Пусть это прекратится. Хотя бы на секунду, чтобы вздохнуть, но оно не прекращается. Я смотрела на Фиму, и мне хотелось проорать ему, чтобы не прикасался ко мне... чтобы исчез. Чтобы все они исчезли. В ушах стоит их издевательский смех. Мужское жестокое удовольствие — видеть женское унижение, животное желание испачкать грязью.

Его измена меня раздавила. Мгновенно. Размазала. Каждый вздох обжигает изнутри. Даже когда упрекал, бил, кричал мне в лицо всю эту ложь и грязь, обзывал — я не чувствовала себя разодранной на ошметки. Я все еще была целой. А сейчас он разбил меня окончательно.

— Вам принести воды?

Я слышала голос Фимы, но не могла понять ни слова, посмотрела на него и отрицательно качнула головой.

— Мне нечем дышать, — хрипло, едва слышно, сжимая горло обеими руками, — открой окна.

Взгляд застыл на его служебном сотовом телефоне, который он положил на комод, пока открывал все окна в моей спальне. Становилось холодно, а я горела. Меня жжет так, что по щекам непроизвольно катятся слезы.

— Вы замерзнете.

— Не замерзну. Там тоже открой, — показала рукой на дальнее окно у

кровати, а сама потянула руку за телефоном и, схватив, спрятала его в складках юбки.

— Так лучше?

— Да. Так лучше. Уходи. Я хочу побыть одна.

Едва он вышел, я закрыла за ним дверь на ключ и прислонилась к ней лбом. Сама не поняла, как, ломая ногти, провела по обшивке, оставляя кровавые полосы.

За что он со мной так? За что, Максим? Что ты делаешь со мной, с нами? Ты нас похоронил? Вот так просто... пока я тут... ты с ней. С какой бывшей? Как правильно они сказали — а сколько их у тебя? Бывших, нынешних, будущих. Где я среди них?

Мне стало страшно, жутко, панически жутко от того, что я поняла — он убил меня. В себе. Меня и правда больше нет. Я ничтожная идиотка, которая во что-то верила, а не во что было верить. Не в кого. Не был моим никогда. Только себе принадлежал. Только о себе думал. Изменял и будет изменять. Никогда не буду единственной. И скорее всего, не была...

Подошла к окну и дернула решетки. В груди вой застрял. Дикий вопль отчаяния. Но я не закричала, нет. Только со сдавленным стоном и рыданием дернула еще раз решетку, прижимаясь к ней лицом, чтобы унять жар. Мне холодно, и я сгораю. Чувствую, как мерзнет кожа, вижу, как изо рта вырывается пар. Я хотела бы замерзнуть сейчас. Покрыться льдом. Стать непробиваемой.

Это не ревность... ревность другая. Она сводит с ума, она монотонна, она ядовита, а я не ревную, я чувствую, что меня опустили с головой в грязь и держат там, давая захлебываться вонючей водой предательства. Я глотаю ее, глотаю, и я в ней тону. Одна. Мне не за кого хвататься, тот единственный, кто мог бы меня спасти — он же и топит. Обернулась к телефону Фимы, медленно подошла и взяла в руки. Сама не поняла, как открыла список вызовов и среди них номер Макса, а совсем рядом номер Бакита. Нахмурилась, глядя на оба номера.

"— Все разговоры всегда записываются. Рабочие номера на круглосуточной записи. Полный контроль. Они сами не знают об этом.

— Следишь за ними или за мной?

— Доверять нельзя никому, мелкая. Запомни это очень хорошо. Нет. Я тебя охраняю.

— Или контролируешь?

— Какая разница. И то, и другое. Твой муж маньяк. Ты разве не знала?

— Знала. Когда ты вернешься?

— Около двух недель займет, малыш. Может, вырвусь на выходные и

потом обратно".

Записываются... Я решительно нажала на кнопку вызова номера Бакита. Пошли длинные гудки и зазвучала какая-то восточная мелодия.

— Что такое, Фима? Мы только вчера говорили с тобой. Он получил переписку?

— Это не Фима.

Несколько секунд молчания. А у меня внутри все стихло. Даже боль притупилась на мгновения. Фима? Звонил Бакиту? О Господи.

Калейдоскоп вдруг щелчком сложился. Мне аж дыхание выбило. Переписка, о которой твердил Бакит там, на судне, точная информация обо мне, ощущение, что в почте кто-то побывал...

— Не узнал?

— Неужели ты? Еще живая?

— Позвонила поздравить — у тебя все получилось. Радуйся. Ты гений. Фиму в помощники взял? Ловко.

— У меня длинные руки, птичка. Очень длинные. Я говорил тебе, чтоб ты выбрала меня. Удивлен, как ты все еще разговариваешь.

— Не удивляйся слишком сильно. Они все узнают рано или поздно.

— Ключевое здесь — рано или поздно, девочка.

— Где ты нашел эту мразь? Сколько денег потратил на то, чтобы создать моего двойника?

— О-о-о-о, оно того стоило. Ахмед постарался. Похожа, да? Ты оценила? Зверь точно оценил. Правда, ее уже нет. Ушла на корм рыбкам. Я приду на твои похороны. Обещаю. Если тебя не закопают в какой-то сточной канаве. Какие цветы ты любишь? Ромашки, если не ошибаюсь?

— Я не люблю цветы... я люблю еловые венки, которые принесут на твою могилу, ублюдок. Он найдет и убьет тебя. Обещаю. Потом... позже. Он тебя убьет...

"Только вначале он убил меня".

Ручка двери повернулась, и я резко выключила звонок, стирая последний вызов.

— Дарина Сергеевна. Откройте, — услышала голос Фимы, говорит негромко, словно боится, чтоб не услышали.

— Пошел вон.

— Отдайте сотовый.

— Что такое? Испугался?

— Давайте по-хорошему договоримся.

— Договоримся? Разве ты не договорился уже с Бакитом? Он мне сказал, что у вас полное взаимопонимание. За сколько ты продался, Фима?

Я истерически расхохоталась. Договоримся с кем? И о чем? С этой мразью, которую Макс пригрел рядом с собой? Если бы я могла сейчас... Если бы мне уже не стало все равно... Но он узнает. Позже. Обязательно. Только меня уже рядом не будет.

— Я могу вас вывезти отсюда. У меня есть связи. Вас никто не найдет. Все можно решить. Вы меня слышите?

Я села на пол у стены, телефон рядом положила и глаза закрыла. Вывезти? Зачем? Куда? Мне уже на все наплевать. Он просто этого не понимает. Ему страшно... и мне страшно.

— Открой дверь, сука.

Я продолжаю смеяться, а по щекам слезы катятся. Просто уже ничего не имеет значения. НИЧЕГО. Какая разница, что вот оно, мое оправдание, у меня в руках, какая разница, если Макс меня предал?

— Испугался, Фима? Смерти испугался? Умирать не больно... жить больно... очень больно, — глаза закрыла, тяжело дыша.

— Я тебя закопаю. Ты сдохнешь вместе со мной. Я тебя за собой потяну.

— Фима, что там у тебя? — голос одного из охранников.

— Сотовый стянула и закрылась. Бакиту звонила. Набирай Макса.

Шаги отдалялись, а я снова в окно на небо смотрю — все еще ни одной звезды. Их больше и не будет. Мои звезды закончились. Макс их зажег, он же их и погасил.

Больше ко мне никто не приходил, а я часами смотрела на это небо.

Смотрела, как все погружается во мрак, утопает в щупальцах черного марева. Ни звезды, ни лунного света, только фонари. Тогда я думала, что умерла и это тоже забавно потому что я была еще жива. Настолько жива, что я чувствовала каждый удар своего сердца. Потому что билось больно.

К дому снова подъехала машина, но я не пошевелилась... хотя я уже точно знала, кто приехал.

У меня начали дрожать колени. Сильно дрожать. От звука его голоса. Он отдал приказ всем убираться вон, а я продолжала смотреть на проклятое небо. Больше не возникало вопросов о его решении. Надежда умерла еще несколько часов назад. Да и мне уже не хотелось ничего. Я уже не прощу... и не хочу прощать. Это и правда конец.

Слышала его шаги по лестнице. Очень быстрые. Вышиб дверь с ноги и остановился на пороге, отыскивая меня безумным взглядом. Нашел и замер на какие-то минуты, растянувшиеся на столетия.

Когда он сделал шаг ко мне — все же стало страшно. Страшно и очень холодно. Так холодно, что изо рта вырывался пар. Я задрожала, обхватывая

себя руками... Его взгляд... Пустой. Жуткий. Как сама смерть. Мертвый взгляд. На очень бледном лице. Настолько бледном, что отдавал синевой из-за щетины и темных кругов под глазами.

Но где-то внутри все же почувствовала всплеск радости... Ненормальный. Едва уловимый. Словно я пересохла и вдруг стала глотками пить его присутствие. Как и всегда, когда видела его после разлуки. Только сейчас смотрю, и все разрывается внутри, разламывается, распадается на части. Я уже там, на дне пропасти. Резко завыл ветер, и я вздрогнула.

В его руке хлыст. Почти такой же, как был у Бакиита, и сжимает он его с такой силой, что мне кажется, я слышу, как хрустят кости.

— Я вернулся, — голос скрипит и хрипит, отдает эхом в полупустой комнате.

— Вижу, — так же хрипло, глядя на него и понимая, что не узнаю. Чужой. Совершенно чужой. За какие-то сутки. Не знаю я его больше. А может, и не знала вовсе.

Никогда раньше не чувствовала запах смерти, а сейчас мне начало казаться, что ею пахнет каждая пылинка в этой комнате. Не моей смертью, а НАШЕЙ. Все умирает... все то, что связывало меня с Максом. Умирает так болезненно, что я ощущаю, как веет могильным холодом и агония разрывает виски. Мне так страшно... Ни одного вдоха и ни одного удара сердца. Словно и там, внутри меня, становится пусто. Вихрями гуляет отчаяние и обреченность с тяжелой обоюдной ненавистью.

Он меня ударил не сразу, вначале швырнул на колени, расстегивая ширинку и хватая меня за волосы. Я не сказала ни слова. Смотрела снизу-вверх в его глаза и не видела в них его... а только смерть. Нет... не ту смерть, а нашу. Теперь я отчетливо понимала, что нас больше нет.

— Бакиит, Ахмед... кто еще? Сколько их было? Под кого ты ложила? Под скольких, сука?

— Сколько валялось под тобой?

И тогда ударил по лицу. Сильно. Так сильно, что в глазах потемнело.

А потом начался ад. Он сдирал с меня одежду, рвал в лохмотья, цепляя кожу, оставляя ссадины, опуская мне на спину хлыст.

Я даже не сопротивлялась, из моих глаз просто катились слезы. Я отползала от него, а он шел следом и бил. Поднимала к нему лицо, залитое слезами. В каждой слезе кусочек нашей любви. Это она... уплывает куда-то по моим щекам, под его рычание и мое понимание, что это конец... Да, я хорошо его знала. Я больше для него не маленькая девочка, не малыш. Я обычная шлюха, которую можно драть на части, пока она не сдохнет. И он

раздерет... каждый кусок меня. Раздерет и отымеет, помечая и предъявляя права, пока я буду корчиться в агонии. Живой я отсюда не выйду... а умолять пощадить не хочу.

Смотри мне в глаза, Макс, убивай и смотри. Видишь, там тоже пусто? Видишь там свое отражение? Я уже не плачу, потому что мне больно, я плачу, потому что ты убиваешь мою безоговорочную, абсолютную любовь к тебе... это ее ты сейчас унижительно поставил на колени и обрываешь ее бабочкам крылья. Она так кричит. Ты больше не слышишь ее? Она так громко кричит... Весь смысл моей жизни состоял в ней... когда ты убьешь ее, что останется у меня? Что останется мне, Макс? Тогда убей нас обеих... Сегодня. Позже я пойму, что ты и пришел меня убивать.

Это не секс... это начало смертельной пытки, и я смотрела на это лицо, чувствовала его пальцы в своих волосах, захлебывалась и задыхалась от толчков его члена во рту, и понимала, что больше эти руки никогда не прикаснутся ко мне, чтобы любить... они будут убивать. Изощренно, до дикости больно. Отправят меня в ад мучений. Он умеет сделать это так извращенно, что я превращусь в кусок сырого мяса... Если я выживу, Максим, если ты не убьешь меня сегодня... я никогда тебя не прощу.

И я видела в его глазах иную похоть, не ту, к которой привыкла, а безумие и жажду моей боли и смерти. Он мог бы убить меня за секунду, но этого слишком мало. Зверь хотел получить свою долю наслаждения перед тем, как я умру, и самое страшное, что оно не приходило. Он будет увеличивать дозу, он будет искать этот кайф, а до тех пор не убьет. А найдет ли? Возможно, я об этом никогда не узнаю. Да, я плакала. Громко, навзрыд, но не кричала. Пока не кричала. Пока не развернул на живот и не ворвался в мое тело. Жестоко. Грубо. Я не могла поверить, что тот, кто заставлял меня орать от наслаждения, способен причинить мне такие адские муки. Он меня насиловал с такой жестокостью, так зверски, что мне казалось, я слепну от боли. Полосовал хлыстом, вцепившись в волосы, бил по лицу. Он что-то хрипло кричал, а я не слышала. Я просто хотела, чтобы это побыстрее закончилось.

Я ни о чем не просила, все, что можно было попросить, уже вымаливала раньше — и понимание, и шанс... дать мне хотя бы один шанс оправдаться.

Но с таким судьей, как Макс, уже нет никаких шансов. Он же и есть Палач, и приговор вынесен, он просто приводит его в исполнение с какой-то чудовищной отсрочкой.

От боли я грызла губы и кусала запястья, от слез ничего не видела. От криков сорвала горло. Я только слышала его рычание, чувствовала толчки

внутри своего тела и свист хлыста, которым полосовал мою спину. Жутко от того, что это же он мог сделать иначе, жутко от того, что умел разогреть до невыносимого возбуждения... Что именно он — опытный, чуткий любовник, умеющий дарить дичайшее наслаждение... сейчас изуверски насиловал мое тело и душу. Моментами мне казалось, что я умру от боли, потому что он не останавливался, ему не нужна была передышка, он убивал меня и растягивал это удовольствие до бесконечности... точнее, он гнал за ним, но наверняка понимал, что когда кончит — я уже буду мертва. Только быстрая расправа не входила в его планы. Я боялась открыть глаза и посмотреть... Боялась увидеть себя, утопающую в собственной крови.

Он брал меня везде. Врывался в каждое отверстие в моем теле. Вертел, как тряпичную куклу, уже разодранную и изломанную.

Почти теряя сознание, вынырнула из марева боли от рывка за волосы. Я не слышала, что он говорит, только смотрела в обезумевшие глаза и больше не видела Макса, от него ничего не осталось, я видела зверя. Он хохотал мне в лицо и стало страшно... Впервые я его возненавидела.

Пнул в спину, опрокидывая на пол и вдавил голову в пол, продолжая вдавливаясь в мое тело, обездвиживая и разрывая изнутри.

— Шлюха Бакида, Ахмеда... и моя. Наша общая шлюха. Что такое? Тебе не нравится так? Не нравится настоящая боль? Давай покричи, как для них.

— Макс, — собственный голос похож на хриплый треск, еле шевеля разбитыми губами, — убей меня. Пожалуйста, — слезы опять потекли по щекам, смешиваясь с кровью, — убей меня. Ради... — он слышал... я знаю, но продолжал вдавливаясь и бить, боль ослепляла, и я не могла уже нормально говорить, — ради того... что... было между нами... убей.

Я не хотела после этого выживать. Уже не хотела. Я слишком любила его, чтобы потом жить с этими воспоминаниями. Такое не забывают. Лучше смерть. Так лучше для нас обоих.

Я вдруг перестала чувствовать. Есть, наверное, физический предел, когда человек перестает воспринимать реальность, утопая в диких мучениях. Морально Макс уже убил меня, растоптал и вытер ноги о мою душу. Я слышала собственные крики, я кашляла и захлебывалась слезами. Не могла вдохнуть и не хотела открывать глаза. Я боялась увидеть его и запомнить таким. Я боялась, что последним, что отразится в моих глазах, станет его лицо, искаженное отвратительной похотью и безумной ненавистью ко мне. Я боялась увидеть на нем наслаждение от моей смерти. Я хотела где-то там... очень глубоко, где наше счастье истекало моей

кровью, верить, что ему жаль. Жаль нас. Только моя любовь умирала, а я все еще была жива. Я не хочу больше выныривать из мрака, там хорошо. Там темно и холодно. Там уже не страшно.

Последнее что я помню, это собственный вопль дикой боли и нехватку кислорода. Его пальцы на моем горле сжимаются все сильнее.

— Я же любил тебя, сука... я так любил тебя... любил... любил, тварь. Слышишь? Я любил тебя-я-я-я... — хриплым рыданием.

Я погружалась во тьму. Медленно, с мучительной агонией от каждого выныривания, раздираемая им на части, потому что он рвал меня везде, и облегчением от беспомощности, когда тьма накрывала с головой. Когда поняла, что больше не смогу открыть глаза, что еще одного вдоха не будет, и я иду на дно, собрала все свои силы, чтобы очень тихо, едва шевеля губами, прохрипеть:

— Не любил... Я дышала только тобой... а ты не умеешь. Не прощу... никогда... не прощу.

ГЛАВА 18. Андрей

Я готов был сейчас благодарить хоть Бога, хоть самого черта за то, что наконец-то мы нашли хотя бы это подтверждение своим догадкам. След на простыне не соответствовал обуви Дарины. Это была не она. Не она. А ведь мы не зря не могли в это поверить... Нельзя так ошибаться, нельзя притворяться настолько искусно изо дня в день. Рисовать улыбку и изображать на своем лице вот это неподдельный восторг, а глаза наполнить блеском счастья. Я чувствовал себя так, словно мне дали наконец-то вдохнуть, и от глотка свежего воздуха вдруг закружилась голова. настолько сильно, что пришлось даже присесть. Нас может сбить с ног не только потрясение, но и облегчение, когда тело, сжатое на протяжении длительного времени тисками напряжения, вдруг обмякло, избавившись от ненавистного плена.

Правду говорят, не бывает идеальных преступлений, и зачастую самая, на первый взгляд, незначительная мелочь может сорвать весь план. Как бы тщательно его не продумывали. А масштаб задумки я оценил по достоинству. Понимал, сколько работы было проделано, и что все это время мы находились под чужим наблюдением. Устроили реалити-шоу, бл***. Маршрут они знали, одежду подобрали, время по секундам рассчитали, чтобы у охраны подозрение не вызвать. День, когда она решила к отцу ехать. Даже тайных ход в соседнюю с примерочной подсобку пробили... Дьявол. Меня передернуло от того, что вся подготовка совершалась практически у нас под носом. На наших глазах, при всех мерах безопасности к нам смогли подобраться настолько близко. И от этого ощущения мороз побежал по коже, перед глазами сразу Карина возникла, я даже набрал ее номер и смог успокоиться только после того, как услышал ее очередное "Ну па-а-ап, ну сколько мне еще здесь сидеть".

Самая гениальная часть их плана состояла в создании точной копии Дарины. Они ее слепили, словно из пластилина, придав те же черты лица, изгибы, цвет глаз, даже жесты, а это значило лишь одно — они сутками штудировали видеозаписи, на которых она присутствовала, изучали, чтобы та, вторая, с точностью до миллиметра смогла их повторить. Это была виртуозно проделанная работа, потому что даже мы не смогли заметить подвох. Смотрели эту чертову видеозапись и не увидели разницу. Вина на обоих лежит теперь. Что не смогли главного разглядеть.

Вот так, мысль за мыслью, радость сменялась очередной тревогой.

Потому что впереди — самое трудное. Найти Макса... Это вопрос времени, только от осознания того, что у меня его нет, хотелось орать и ломать все вокруг. У меня не просто его нет, я могу опоздать... Нет. Этого не случится. Каким бы отмороженным он ни был... Он не сможет причинить ей боль... Не станет. Это же Дашка, с которой он пылинки сдувал, которую на руках готов был всю жизнь носить, прихоти любые исполнял, раньше даже, чем она могла о них подумать. Его сила и слабость одновременно.

Понимал, как жалко сейчас звучат эти мысли, потому что знал, что мог. Еще как мог. Потому что зачастую мы больше всего ненавидим того, кого продолжаем любить. Ненавидим, потому что не можем выбросить из своего сердца за ненадобностью. Ненавидим, потому что с каждым днем лишь больнее. И ужасающая догадка, словно удар в солнечное сплетение, заставляет согнуться пополам, зажимая рукой рот, преодолевая подкатывающую тошноту — а что, если я уже опоздал? Что, если...

Так, хватит. Мысли иногда могут свести с ума. Одних они доводят до самоубийства, других — превозносят до небес. Они способны как убивать, так и воскрешать, как губить, так и обретать себя вновь. Нет большей силы, чем сила мысли, и именно поэтому я не имею сейчас права думать о непоправимом. Мы справимся. И с этим тоже справимся. Заберу сестру оттуда... А с Максом... Потом все, сейчас другое важно. Сжимал в руках телефон, который наконец-то зазвонил:

— Да, Глеб.

— Андрей Савельевич, ваш брат вышел на связь...

— Когда?

— Буквально несколько минут назад. Видео прислал, просил проверить...

— Что за видео? Звонок отследили?

— Видео для взрослых, Андрей Савельевич. Вряд ли вы таким увлекаетесь, хотя один технический аспект этого видео может вам очень понравиться.

— Глеб, сюда выезжай. Мне не до загадок...

Я сейчас услышал главное — Макс появился, а значит, найдем его в считанные часы. Давно задание своим дал все звонки отслеживать. Да и если видео слал, тут уже Глеб постарается — не спрячется братец. Хватит бегать. Глаза пора открывать и платить по счетам. У каждого они свои.

Через полчаса мы уже сидели с Глебом в моем кабинете. Он разговор с Максом на диктофон записал — мозги у парня работают без передышки. Видео включил, а мне сквозь землю провалиться хотелось. За те минуты, пока наблюдал, все прочувствовал — ненависть, ярость дикую, и острое

желание убить подонка, медленно, полосуюя таким же хлыстом по всему телу, пока кровью не изойдет и кожа в тряпку не превратится. Не выдержал, встал из-за стола, невыносимо было смотреть. А как подумал, что это кино Максу показали, то заехал кулаком о стену от злости.

— Бл****, он убьет ее. Если он это видел — он убьет, если уже не убил.

— Андрей Савельвеч, но он проверить просил. Простите меня, конечно, за цинизм, но зачем выяснять, если бы убил уже...

— Понимаю я, Глеб, только он на коксе крепко сидит, хрен его знает, что там в голове его происходит.

— Я хотел отзвониться ему, про след рассказать, только все, пропала связь. До сих пор так и не появился. Сказал, что для экспертизы полтора дня нужно. Только нам-то уже предварительный результат и так известен... Склеили хорошо, но видно, что наспех. Но тут глаз нужен, сами понимаете. Да и по звуку тут нюансы свои... голоса... Две разные женщины в начале и в конце записи.

— Черт. Как не вовремя ты, Макс, решил в подполье уйти. Оклематься он захотел... Отморозок лживый.

Чертыхнулся, заставляя себя замолчать. Все труднее становилось с собой совладать, слова ненужные вырывались сами собой. Это наше, мы разберемся, не стоит лишним ушам знать что-то. Довольно уже нашей изнанки повидал паренек этот тихий.

Я ходил по комнате, матерясь, то вслух, то про себя, в сотый раз звоня ФСБшникам, чтобы услышать наконец-то, что вышли не него. Господи. Она там, с ним. Одна. Беззащитная. С этим больным ею же монстром. Картинки одна хуже другой проносились перед глазами. Не мог справиться уже с их бешеным потоком. Эмоции прорывались сквозь броню трезвомыслия, раздирая на части слабые попытки не думать. Чувствовал, как начинаю терять контроль. Как тело потряхивает и скулы сводит от гребаной беспомощности. Когда теряешь способность рассуждать, думать, анализировать, потому что тебе, бл***, страшно. За нее, за них, за жизни наши, разрушенные по чужой прихоти. Да, я боялся, боялся как, наверное, никогда до этого, что опять потеряю. Потеряю того, кого люблю, того, кто стал частью жизни, которая начинала вновь приобретать смысл. Боялся за того, за кого нес ответственность. Да, именно ответственность. Какой бы взрослой она не была, но я всегда чувствовал, что должен беречь. Предотвратить. Поддержать. А сейчас... сейчас защищать, возможно, уже и некого.

Звонок... опять. Наконец-то. Ответил, не глядя на дисплей. Сейчас мне

могли звонить только по одному поводу.

— Да.

— Граф, есть.

— Ехать куда?

— Они в 30 километрах от города, по ленинградскому шоссе.

— Выезжаем. Людей возьми, несколько машин. И еще, — сделал короткую паузу, еще крепче сжимая в руке телефон, — тот проверенный экипаж реаниматологов от Фаины...

Давал последнее указание, а каждое слово — спазмом в горле, потому что признал сейчас вслух, что готовиться нужно к худшему. Нет в этой истории счастливого конца. Нет. И быть не могло. Сейчас самое главное — просто успеть.

— Андрей... еще одно.

— Что?

— Мы проверили всех, как ты говорил.

— Крысу нашли?

— Да.

— И кто это?

— Не по телефону... Хитрожопый больно — вдруг спугнем. Но я дал необходимые указания. От нас не уйдет.

— Если уйдет — то ты знаешь, кто уйдет вслед за ним. Отбой.

* * *

Мы действовали настолько быстро, что нам позавидовал бы самый вышколенный отряд спецназа. Несколько машин остановились у ворот особняка, а через какие-то мгновения мы были уже внутри. Послышались выстрелы, каждый, кто посмел поднять ствол, валялся в луже собственной крови, а те, кто поумнее, просто молча выходили со вскинутыми вверх руками. Я бежал по коридору, заглядывая то в одну комнату, то в другую, со злостью захлопывая двери, потому что не мог найти сестру и Макса.

— Да что за чертов лабиринт. Сколько здесь этих гребаных комнат...

Мечась от одной двери к другой, расстегивая пуговицы воротника и чувствуя, как по лицу стекают капли пота. Когда напряжение отдает болью в груди, судорогой в мышцах, когда хочется спешить, и в то же время ноги становятся ватными, отказываясь делать очередной шаг. Чтобы оттянуть тот самый момент. Хотя бы несколько минут отсрочки. Потому что там, вот за той или за следующей дверью, можно найти... Найти то, чего никогда в

жизни не захочешь увидеть опять.

Только я увидел. Пришлось... Нельзя уйти от того, что сам же ищешь. Увидел и оторопел, понимая, что к такому невозможно подготовиться. Что лучше ослеп бы, чем так. Первого, кого заметил — Макса, который засунул револьвер себе в рот и смотрел перед собой, не говоря ни слова. Он сидел, упершись о стену, смотрел в одну точку и даже не вздрогнул, когда я ворвался в комнату. Он не видел меня, смотрел куда-то в сторону и не слышал ни звука, а глаза — пустые, неживые, словно ненастоящие. Как будто не человек перед тобой — а манекен, обтянутый человеческой кожей. Я слету выбил ногой пистолет из его рук и пнул подальше в сторону, в глаза его смотрю — а он не реагирует. Вообще. Ни слова, ни движения, ни сопротивления. Я готов был к драке, ругани, борьбе, я даже замахнулся, чтобы заехать ему в челюсть, только тут не с кем было драться. Он сейчас был не здесь, шевелил губами, повторяя что-то про себя. Опять и опять, снова и снова. И мне казалось, что вот так вот выглядит крайняя грань безумия. Не того, яростного, которое сметает все на своем пути, а опустошающего, того, которое превращает человека в жалкую оболочку. Ты можешь делать с ней что угодно — больше не страшна никакая физическая боль, потому что вся она — внутри. Она — это все, что осталось. Она разливается внутри, вытесняя все... чувства, эмоции, мечты, сожаления — все. Заполняя собой нутро, сжирая, обугливая, кромсая... медленно, изощренно, не позволяя выплескивать себя наружу. Боль, которая становится тобой.

Его моментально увели... Приказал отвезти в загородный дом и закрыть... Теперь у тебя, Макс, будет много времени, чтобы "оклематься".

А после того, как увидел сестру, тут же пожалел, что сам не пристрелил ублюдка этого больного. Будь он проклят. Проклят тысячу раз. Потому что то, что он с ней сделал... Так не поступают даже с самой последней тварью.

Это не человек. Это психопат, который не заслуживает теперь даже того, чтобы просто смотреть в ее сторону.

Бл***. Как же больно. Смотреть больно, а что же пережила она. У Меня руки задрожали от того, что увидел. Застыл на месте на миг, словно парализовало меня, сделать шага не мог, надеясь, что с ума сошел и мои же глаза сейчас меня обманывают. Что мираж это... что меня, бл***, самого героинном накачали и сейчас я вижу какие-то галлюцинации.

Она лежит на полу... Не двигается, ладонь маленькую в кулак сжала, а

я смотрю на ее пальцы, перепачканные кровью, ногти, обломанные до мяса, бурые разводы крови на полу, и не могу пошевелиться. Понимаю, что пульс нащупать нужно, а руки словно не мне принадлежат. Боюсь, бл***, что прикоснусь — и не почувствую биение жилки, что тело ее коченеть начинает...

Гребаное дежавю... Еще одна женщина, которую любил, лежит в луже крови и умирает у меня на глазах. Смотрю на сестру — и свадебное платье вижу, волосы вместо темных светлыми стали, на губы безмолвно сжатые смотрю — а они шептать начинают... Замотал головой, рассеивая это видение. Я начинаю сходить с ума. От этой боли, от вины, от страха, что поздно уже... От злости на самого себя, что не уберег. Еще одну.

Дернулся наконец-то и приложил пальцы к шее. Еще раз и еще раз, убеждаясь, что это не игра моего воображения. Жива. Жива.словно из кошмара вынырнул.

— Врачей сюда. Быстро. Быстро, я сказал.

Они вбежали в комнату, а я орал на них, чтоб аккуратнее там, чтобы боль не причинили, и хотелось смеяться над самим собой. Какая боль? Что может быть еще больнее? Да и не в сознании она, не чувствует ничего. Только хотелось сейчас с ней, как с сокровищем хрупким, аккуратно, бережно, словно вино свою испуская за то, что не успел вовремя.

Они унесли ее, прикрыв тело простыней. Белоснежной, чистой, как ее душа, и на ней сразу же проступили красные пятна. Как проклятие. Ткань пропиталась ее кровью, только эти раны ничто по сравнению с тем, что она почувствует, когда проснется...

Потом, спустя время, когда я буду перематывать в голове этот день бесчисленное количество раз, я пойму, что заставило меня возненавидеть Макса. Да, у меня было много причин для этого, но щелчок произошел в тот момент, когда посмотрел на ее кожу. Она была настолько бледной, тонкой и чувствительной, что Дарине всегда приходилось прятаться от солнца, чтоб не обгореть, за это Карина шутливо дразнила ее, называя аристократкой. А тогда я не увидел на ней ни одного живого места. Ублюдох покрасил эту хрупкую бледность кровавыми узорами ссадин и увечий, исполосовал до месива, превратив в кусок мяса. Когда прибежали врачи и начали перекладывать ее на носилки, я вздрагивал каждый раз, когда к ней кто-то прикасался. Потому что там не осталось тела — оно превратилось в одну сплошную рану.

Я спустился вниз по стене и крепко сжал голову руками. Что же ты

натворил, Макс? Что ты, бл***, наделал. Я не дам тебе сдохнуть, я тебя с того света вытащу, чтобы ты жил с этим. Один. Чтобы каждый день перед глазами у тебя все это кровавой пеленой стояло, чтобы ни один крик не затихал в голове и сводил с ума. Только рядом никого не будет. У тебя больше нет ни брата, ни жены, никого. Ты сам так захотел. Сам выбрал...

Какой мразью нужно быть, чтобы совершить это. Лучше убил бы. Одним выстрелом. Горло перерезал. Казнил. Но вот так... как последнюю дрянь. Надругался. Унизил. Растоптал. Цинично ломал, наслаждаться ее криками, болью и страданиями...

На полу — тоже все в крови. Казалось, что вся комната залита ею. Даже стены. На них — брызги алого цвета, они еще не успели побагроветь, слишком свежие. словно еще один удар: "Вот, смотри, Андрей, что он с ней делал. Смотри." Дьявол, как же тяжело. Невыносимо тяжело. Да лучше бы не отыскалась она тогда. Выживала, как умела, в том интернате. И выжила бы, выжила. Потому что там всегда готова была к удару, там ни к кому спиной не повернешься, не говоря уже о доверии. Там она смогла бы противостоять опасности, потому что знала каждую из них в лицо. И что получила в итоге? Картинку идеальной семьи? От счастья парила, чтобы потом в собственной крови захлебнуться.

Мы спасем ее. Спасем. Иначе все это не имеет смысла. Только проклянет она нас за это. Что вытащили ее с того света. Не захочет жить, а придется. И в этом ее личный ад будет. Продолжать жить...

* * *

Ефим откинулся на спинку стула, сплевывая кровь и время от времени прикрывая веки от того, что обильный пот градом стекал по его лицу, щипля в глазах и застилая взор. Здесь и правда было чертовски жарко. С каждым часом, что он сидел здесь, температуру в помещении повышали еще на несколько градусов.

Я распахнул дверь, прошел несколько шагов и поставил на край стола бутылку с ледяной водой. По запотевшему стеклу бежали вниз влажные струйки, и я увидел, как Фима судорожно сглотнул. Жажда... Она сильнее голода во сто крат. И этот его жест очень ярко продемонстрировал, что он хочет жить. Тело не лжет, наши движения часто неподвластны установкам разума, и он сколько угодно мог орать о том, что не боится смерти, только инстинкт самосохранения не обманешь.

Откупорил бутылку и, наливая воду в два стакана, подвинул один к Ефиму, зная, что он и так не сможет взять его, так как его руки заведены за спину и закованы в наручники.

— Ну что, Фима, как тебе отпуск? Тепло, никаких заданий, начальства... Спасибо не надумал сказать?

— Да иди ты к черту, Граф, — облизал пересохшие губы, задергался на стуле в безнадежной попытке освободить руки.

— В прошлый раз ты был более многословным... — ухмыльнулся и прищурил глаза, — силенки покидают, понимаю... Дерзко, но глупо. Я был о тебе более хорошего мнения. Даже иногда допускал наличие мозгов. А оно вот как... Или ты только чужие указания выполнять умеешь?

— Да мне пофиг, что вы там думаете. Я все сделал, как хотел... И добился своего... — он захохотал, только смех получился каким-то жалким, он сильно ослаб за эти два дня. Надеялся на то, что пристрелю на месте, провоцировал, словами бросался, только просчитался.

— Добился, говоришь? Отомстил за кудрявую шатеночку... В этом смысл твоей жизни? — я швырнул на стол стопку фотографий, на которых крупным планом была изображена мертвая девушка, она покончила жизнь самоубийством, вскрыв вены. А так же прозрачный файл, в котором — окровавленное лезвие. Я знал, что сейчас последует реакция, уверен был. Это выведет его на эмоции.

— Твари. Ненавижу, — он сжал губы и отрицательно замотал головой. Голос дрогнул, еще несколько взглядов на фото — и он сорвется. — Убери. Убери, бл***, я сказал.

Я собрал фото в одну стопку и, обойдя стол, остановился у него за спиной. Рассматривая изображения, выкладывая по одному на стол, прямо перед его глазами, и комментируя.

— Ну почему же убери, Фима, — положил первую фото, — нам же интересны ценности наших сотрудников... — вторая фото легла поверх первой. — Красивая у тебя сестра, правда... Даже здесь... Представляю, какой она при жизни была. Наверное, я и сам не упустил бы такую...

Он еще сильнее задергался, пытаясь встать, порывался ко мне, наивно думая, что эти попытки к чему-то приведут. А я понимал, что должен его сейчас доломать. У него силы на исходе, откинется скоро, и мне порядком надоело тратить на него время.

— Настоящая красавица, — еще одно фото. — Только глупая, уж прости. Куда ты смотрел, Фима, когда она в свои шестнадцать по койкам мужским кочевала, а? Хреновый из тебя брат...

— Да пошел ты на***. Вместе со своим ублюдком Зверем. Это он... он

виноват... Из-за него она... Но ничего, я отомстил. Отомстил... Его сука тоже гниет теперь в земле, — моментальный удар в челюсть, еще один, раз за разом, пока его лицо не залилось кровью.

— Будем считать это предупреждением, — потер кулак и, едва сдерживаясь, отошел на несколько шагов в сторону. Рано еще, Андрей, получишь что нужно — тогда.

— Что ты хочешь от меня, — по его лицу бежали слезы. — Что? Вы уже и так все знаете. Все... Все, что сделал. Как в доверие втерся, как докладывал о каждом шаге, как доступы к почте ее сделал, информацию передавал...

— Ты прекрасно знаешь, что мне нужно. Вся информация по Ахмеду и Бакиту. И как мне со Славой связаться... Я сейчас не о номере телефона.

— Да хрен тебе, а не Слава, понял. Вынюхал все же, да? А он не в курсе пока...

— Фима, из-за твоей несговорчивости еще одна милая девчушка пострадать может... Или ты думаешь, я не узнал? Интересно, а ребенок чей? Зверю анализ ДНК не придется делать, как думаешь? Но дело твое, думай... Или все втроем — на тот свет, а? Заждалась вас там сестренка...

Он побледнел настолько сильно, что казалось, слился со стеной, которая была выкрашена в кипельно-белый цвет.

— Граф, неужели ты такая тварь, что ребенка тронешь?

— Быстрее, чем ты думаешь, Фима.

— Не трогай. Не трогай. Я убью тебя. Клянусь, с того света вернусь и убью.

Опять удар в челюсть. Стул зашатался и с грохотом свалился, и Ефим, привязанный к нему намертво, оказался на полу. Он поддался панике и дергался из стороны в сторону, полностью потеряв самообладание. Я присел на корточки и, крепко сжав пальцами его кадык, от чего он взвыл от боли, отчеканил:

— Таланты угомони. Разорался, как баба. У тебя выбора нет. Информация мне нужна, и я ее получу. Не от тебя, так от других. Только второй вариант — не в твоих интересах, — и бросил ему фото ребенка, который спал в детской кроватке.

— Я все скажу... Скажу, будь ты проклят... Только ребенка не трогай...

ГЛАВА 19. Фаина

Она смотрела на человека, которого привыкла считать своим братом, и чувствовала собственное бессилие что-либо изменить. Даже помочь не могла, только повторять про себя, чтоб он все еще держался. Потому что Андрей единственный, кто пока не сорвался. В семье, от которой ничего не осталось. Империя из пепла, когда все изнутри сгорело, и лишь дунет ветер — иллюзия разлетится обугленными обрывками прошлого величия. Ей казалось, что от этого фатального разрушения семью держит только Воронов-старший. Да, теперь он старший. После смерти Савелия. Тяжело она эту смерть перенесла. Так тяжело, что сама до сих пор не верила в это горе. Но сейчас, видя, что происходит с ними со всеми, понимала, что, наверное, так лучше. Савелий бы не перенес этого раскола. Слишком много для него значило это слово — С Е М Ь Я.

Фаина привыкла считать ее своей. С самого детства привыкла. Она выросла в этом доме. Никогда не чувствовала себя чужой. Саву как отца родного любила. Всех их любила. Смотреть, как все разваливается, было невыносимо настолько, что ей иногда казалось, она сама покрывается трещинами. Ее жизнь эмоционально очень сильно была связана с ними. Трагедия каждого, как своя собственная. Так бывает, когда живешь не своей жизнью или смысл видишь далеко не в собственных интересах и амбициях. Фаина видела все со стороны. Каждого из них. Как обломки разбитого о рифы корабля.

Ей почему-то не казалось, что самое страшное позади, когда Дарина пришла в себя. Как врач она, конечно, знала точно, что жизнь молодой женщины вне опасности, но почему-то ей хотелось, чтобы девочка не открывала глаза, чтобы не возвращалась в эту адскую реальность. Потому что пытка начнется именно с того момента, когда она осознает, что именно произошло. Когда осознала сама Фаина, ее начало тошнить от масштабов трагедии. И не верилось. Ни на секунду не верилось, что это происходило именно с Дашей.

Фаина помнила, как ее привезли в клинику и как она прижала кулак ко рту, чтобы не закричать, увидев, в каком она состоянии. Смотрела на истерзанное тело, на искусанные руки и губы... Только времени на это не было. Как и всегда в таких случаях. Быстрый осмотр для оценки ситуации и шансов вытащить с того света, четкие распоряжения персоналу... А в голове пульсирует только одно:

"Как? Макс, как же так? Я же видела, как ты ее... как фарфоровую статуэтку, как ребенка... и что же ты сделал с ней? Почему, черт возьми, что ж ты за животное? Где я упустила этот момент? Почему не чувствовала, что ты можешь с ней вот так?"

Лица Андрея в эти минуты не видела, никого не видела. Расклеиваться не сейчас. Потом. Когда все позади будет.

* * *

И она расклеилась... но немного позже. Тогда, когда вышла к Андрею и увидела этого сильного, железного человека сидящим на полу у стены и обхватившим голову руками. Он вскочил резко, как только ее заметил, и она поняла, что сейчас нельзя. Ради него... видела в глазах боль и отчаянный страх потерять. Тот, кто терял, уже тяжелее справляется с болью. У него дежавю... он окунулся в свой самый адский кошмар, который однажды уже перенес с Кариной, и проживал его снова сейчас. Фаина не имела права усугублять его истерикой, а ей хотелось истерить и кричать... Как женщине, как близкой Андрею, чувствующей его состояние и осознающей последствия. Для них уже ничего не будет, как раньше. Она стояла перед Андреем, глядя снизу-вверх и стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Мы оцениваем ее состояние как средней тяжести. Не все анализы еще готовы, но после первых результатов я могу с уверенностью сказать, что жить она будет.

Вывихнуто плечо и кисть руки, есть внутренние повреждения от насильственных половых актов, — при этих словах Андрей зажмурился и сжал челюсти... пусть простит ее, но она обязана все сказать, — гематомы на теле скорее от падения, чем от ударов. Более детально будем знать через пару часов. На некоторые раны будут наложены швы. Ждем результатов МРТ. Насколько повреждена деятельность головного мозга после механической асфиксии.

Она специально говорила сухо и безэмоционально, зная уже по опыту, что это самая выгодная стратегия для предотвращения паники.

— Когда она придет в себя?

И оба понимали, что им страшно. Обоим страшно, что она придет в себя и заговорит... или не заговорит. Видеть физические страдания не так ужасно, особенно для врача, который знает, чем их облегчить, какой препарат назначить. Страшно видеть, когда человек корчится в агонии, и вот здесь уже ни одно лекарство не поможет. Разве что время. И то не

всегда. Ей не помогло даже спустя много лет.

— Не знаю, Андрей. Пока ничего не знаю. Может, и не придет в себя так быстро. Результаты МРТ увидим и будем знать точно.

— Почему она без сознания до сих пор? Что еще помимо побоев и... — он не закончил, поморщившись, как от боли.

— Он душил ее. Даже не знаю, каким чудом она выжила. Скорее всего, ее спасло его состояние, не сломал шейные позвонки.

Смотрит на него и понимает, что больше не может сдерживаться, чтобы не заплакать.

— Она стонет без сознания... и... его зовет. Его. Понимаешь? Зовет палача своего. Что же это за безумие такое? Почему, Андрей, почему-у-у-у? Он же так любил ее? Или все это не настоящее? Тогда что настоящее вообще? Что ж он ее, как зверь растерзал?

Рывком обняла его, пряча голову на груди и чувствуя, как гулко бьется его сердце.

Он не ответил тогда, а она больше не спрашивала. Ни у одного из них ответов не было, даже понимания в тот момент. Такое тяжело понять.

Дарина очнулась через три дня.

Нет, она не плакала, не кричала, не звала никого. Тихо пришла в себя и просто смотрела в потолок. Первое время не разговаривала, и они не могли понять, то ли от повреждений голосовых связок, то ли от эмоционального шока. Видеть никого не хотела, всегда отрицательно качала головой, когда Фаина говорила, что Андрей ждет за дверью.

С ней пытался работать психотерапевт, но ушел ни с чем. Она отказалась говорить. Точнее, просто не сказала ни слова. Не ответила ни на один вопрос. Тот обозначил ее состояние, как посттравматическую депрессию и выписал антидепрессанты, но Дарина не захотела их принимать.

С виду казалось, что она спокойна. Как-то страшно и отчаянно спокойна. Только от звуков громких вздрагивает и иногда уши закрывает руками, пряча лицо в подушку. Ни одной слезы. Андрей лучших специалистов для нее, пластических хирургов, чтобы шрамы на спине убрать, а она отказывается. Молча качает головой и отказывается. Фаина ей как-то зеркало принесла, а она его швырнула в стену и лицо руками закрыла. Хотя именно на лице меньше всего следов от насилия. Только губы припухшие, нижняя разбита и ссадина скуле. Пару дней — и этого не останется. Только на спине рубцы не затянутся быстро. Она вся исполосована. Адский узор жестокости и вакханалии безумного садиста. Понять только не могла, почему Дарина не хочет от них избавиться, но

чужая тьма настолько глубока, что бродить в ней со своим фонарем бессмысленно.

Фае казалось, что все какое-то ненастоящее, что Даша не настоящая. Вроде живет, дышит, разговаривает, а человека просто нет. И быть не хочет. Пока кормили через зонд — ей было больно глотать — Фаина еще так сильно не переживала, когда попробовали с ложки, она вроде проглотила кусок хлеба, а потом от себя тарелку отодвинула и отвернулась, а через время ее вырвало даже тем несчастным куском.

Продолжили питание через трубки, но долго на зонде не продержишься. Фаина упрасивала, пыталась ласково скормить хотя бы немного, и так Даша полностью истощена. Организм должен иметь силы на восстановление. А ее тошнит и рвет от каждой съеденной ложки, даже от воды.

Может, упустили что-то? Может, не заметили других повреждений?

Снова провели ряд анализов, и когда получили результаты, Фаина испугалась. Это было невозможным, совершенно невозможным после всего, что случилось. Но природа любит смеяться над словом "невозможно", доказывая, что только ей решать, что возможно, а что нет.

Фаина тогда смотрела то на заведующую отделением гинекологии, то переводила взгляд на лист с результатами теста на беременность и уровня ХГЧ в крови, не зная, что сказать.

— Срок семь акушерских недель... — Мария Антоновна поправила очки и отпила чай из стакана в серебряном подстаканнике, — а что вы так удивлены, Фаечка? Половой контакт был? Был. Знаете, сколько жертв от насильников беременеют? Матушка-природа равнодушная стерва. Ей плевать, как и каким образом. Предложите аборт. Самое подходящее время. Можно безболезненно, медикаментозно.

— А какие шансы родить здорового ребенка, судя по ее анализам и вашему опыту?

— Как и у любой другой женщины. У нее не было сильных повреждений и маточных кровотечений. Пара разрывов. Но это не помеха, да и заживет быстро. Но тут само состояние пациентки... В общем, вам решать, вам думать. Если что, уберем и почистим, без последствий и очень аккуратно.

Фаина стиснула челюсти от ее слов, полоснуло по сердцу. Как равнодушно — почистим, избавим... Словно о наросте каком-то или аппендиксе. А там ведь живое существо. Там счастье. Там звенящее, абсолютное счастье, которого сама Фаина лишилась много лет назад и готова была на что угодно, чтобы время вспять повернуть. Попробовать

еще раз. И еще.

Вышла из кабинета главврача и долго стояла у стены, думая о том, как скажет этой искалеченной, сломанной девочке о такой новости. И хуже... какое решение она примет.

Говорила, а сама видела, как та бледнеет и головой отрицательно качает. Быстро-быстро, и на лице гримаса адской боли, и первое слово за все это время:

— НЕТ. Не-е-ет. Не хочу, — громко, надсадно, хрипло. — Уберите ЭТО из меня. Вырежьте. Выковыряйте. Сейчас. Не хочууу. Нет.

Не плакала, только кричала. Вкололи успокоительное. Уснула. А Фаина рядом опять всю ночь просидела, руку гладила.

Вспоминала, как собственная дочь на руках умирала, как сама молила Бога, чтобы еще денечек подарил, еще один денечек и еще один. Чтоб не забирал к себе.

Только шансов у ее малышки не было совсем. Ни единого. Врожденная опухоль головного мозга, роды были тяжелыми, и Фая, еще совсем юная, только после школы, с комочком своим сидит, целует, прижимает к себе и молится, молится.

Вот когда умирает женщина... Все остальное поправимо. Все остальное вернуть можно, забыть, пережить. А это навсегда. Наказанием за все прошлые и будущие грехи. Она тогда в Бога верить перестала, учиться пошла. Фанатично, маниакально, именно по этому профилю. Искала, чем могли помочь ее малышке, но поняла, что не могли, и еще много лет не смогут. В чем-то успокоилась... плач мертвого ребенка перекрыли голоса живых. Тех, кого смогла спасти, вылечить. Только от таких потерь ни время не лечит, ни другие дети. Ничего не лечит. Потом диагноз бесплодие поставили, как окончательный приговор — счастья больше не будет никогда, и она начала искать его в чем-то другом, отдаваясь работе по полной.

А сейчас всколыхнулось. Представила, что кто-то от своего счастья добровольно отказаться может, и всколыхнулось.

Когда Дарина глаза открыла, Фаина сообщила новость еще раз, и в этот раз услышала такое же твердое, но уже спокойное "нет". Слишком спокойное. Словно не спала она, а обдумывала свое решение.

— Подумай, Даша. Ребеночек не при чем. Он не виноват.

— Это ЕГО ребенок, и я не хочу. Ничего от него не хочу.

— ТВОЙ. Прежде всего — твой. Подумай, девочка. Время еще есть.

Пару недель так точно.

— Нечего думать. Пусть чистят. СЕЙЧАС.

— А если с последствиями? Если потом не сможешь? — сказала, и голос дрогнул.

— Потом? — криво усмехнулась. — Когда потом? С Кем?

— Жизнь продолжается, Дашенька. Ты такая молоденькая, красивая.

— Твоя продолжается. А мою вы на капельницах тянете.

Упрямо, а у самой слезы в глазах блестят, и снова молчание. Тяжелое, изнуряющее. Фаину больше не замечала. К стене отвернулась и лежала молча. Не ела почти.

Андрею тогда рассказала, и тот ответил, что решение принимать Дарине. После всего что случилось она имеет полное право. Голос дрогнул у него, но он прав, и Фаина знала, что тысячу раз прав, а смириться не могла. Слишком лично воспринимала, близко к сердцу. Дашка просто не понимает, что творит. Не доходит до нее, в шоке она. Может это и есть то самое спасение из бездны, новый смысл в жизни, возможность забыть, пережить все что случилось.

Даша заговорила только спустя несколько дней. Странно так заговорила. Попросила Фаину окно открыть. Ночью. Холод собачий. Февраль месяц. Снег валит. Но та открыла и вдруг услышала, как Дарина тихо сказала:

— Ты видишь там звезды, Фая?

— Нет. Сейчас нет. Но вчера ночью было очень ясно, и все небо было ими усеяно.

— А я больше не вижу ни одной. Их там нет. Нет... ни... одной. Ни одной, — и зарыдала. Впервые. Громко, надсадно, истерично. Фая тогда Дарину к себе прижала, поглаживая по волосам, убаюкивая и стараясь самой не разрыдаться, чтобы жалость не увидела.

— Есть, девочка. Конечно же есть. — приговаривала и локоны густые пальцами перебирала.

— Это для тебя есть, а мои все погасли. Он украл все мои звезды и сжег их. Видишь, пепел с неба сыплется — это мои звезды мертвые. Как мне рожать от него? Что рожать... если нет ничего. Не хочу, чтобы меня с ним что-то связывало. Не могу, понимаешь? Я не могу-у-у.

Страшно сказала. Так, что у женщины каждый волосок на теле дыбом встал. Фаина тогда просидела с ней до утра. А под утро рассказала ей о Тае. Впервые кому-то рассказала. Только Дарина смотрела на нее тяжелым взглядом. Да, с сочувствием, но односторонним каким-то. Поверхностным. Не проецируя на себя. Фаину жалеет, но себя в этом не видит. Как с ума сошла. Глаза дикие, блестят, то пустые совсем и сухие. Красные и сухие.

— Ты ее хотела... это был ребенок любимого мужчины, а не убийцы.

Я не стану рожать монстра.

— Даже у самых страшных убийц не рождаются монстры, Даша. Ты ведь тоже его любила.

— Любила... Как ты не понимаешь... Нельзя. Он меня убивал. Смерть во мне, а не жизнь. Я в ту ночь умирала. Назначь мне осмотр врача. Я хочу сделать аборт. Это мое тело, и я буду решать, как им распоряжаться.

— А жизнью ребенка тоже имеешь право распоряжаться? Ты тогда тоже убийца, Даша.

— Уходи. Тебе не понять.

— Не понять, Даша. Не понять, девочка. Это же твой ребенок прежде всего. Твой. Он в тебе живет. В тебе растет. Он появился там несмотря ни на что и...

— И я его НЕ ХОЧУ. Мы живем не в первобытные времена. Я имею полное право решать. Уходи, Фаина. Уходи. Не хочу. Я сдохнуть хочу, а ты говоришь рожать? Я по ночам свист в ушах слышу... я слова его слышу, я дышать не могу. Вы меня капельницами обложили, кормите, поите, улыбаетесь улыбками фальшивыми, а меня поминать можно. Не живая я. Как вы все можете улыбаться? Просто не трогайте меня. Уйдите ВСЕ.

Вскочила с постели, сжимая руки в кулаки, морщась от боли в плече. Вывих вправили, но ключица еще болела и будет болеть довольно долго, как и рубцы на спине. Такая маленькая, хрупкая, бледная, с лихорадочно блестящими глазами, а у Фаины внутри все переворачивается. Она же ее знает. Другой знает.

— Я не верю, что ты так говоришь. Это не ты. Дай себе время...

— Ты права — это не я. Меня нет. Уходи, Фая.

— Хорошо. Я уйду. А ты поспи. Немного поспи. В двенадцать отвезем тебя в гинекологию. Все будет, как ты хочешь.

Но она не спала. В потолок смотрела застывшим взглядом. От обеда, как всегда, отказалась. Санитарка помогла душ принять, умыться, в уборную сходить.

Фаина Андрею опять позвонила, но тот снова ответил, что решение принимать только Даше. Он не станет и не сможет давить. Тем более Даша пока отказывается кого-либо принимать у себя.

Фая первые дни ненавидела Макса. Ее от ненависти на части разрывало. Понять не могла почему? За что? Да психопат, да животное, но не с ней. Никогда не с Дашей. Они часто с Максом разговаривали. Фаина умела в душу заглядывать, видеть, что за словами прячется. И она видела... никогда раньше не ошибалась и сейчас не могла. Когда у Андрея о Максе спросила, того передернуло всего... потом все же рассказал и о наркоте, и о

причинах. Спросила, где Макс, Андрей сказал, что в себя приходит в загородном доме. От ломки жуткой загибается, совсем с катушек съехал.

Спросила разрешения и поехала туда. Ломку снимать препаратами надо, нельзя человеку боль такую терпеть. Хотя, мозгами понимала, что заслужил ее в полной мере... Но Фаина врач прежде всего. Эмоции на потом.

Она и раньше видела наркоманов, отходивших от дозы наркотика похлеще кокаина. Невыносимое зрелище, не для слабонервных. Она просто понять хотела, кто он? Что это за чудовище? Как он с этим дальше живет?

Оказалось, и не живет, и даже не существует. От прежнего человека одна оболочка, словно болен смертельно и тает на глазах. Он тяжело перебарывал ломку. Те самые трудные часы и дни, когда человек перестает быть человеком. Психологическая тяга и дикая депрессия, углубленная адской болью во всем теле. В таком состоянии люди кончают с собой. Она в глаза ему посмотрела и поняла, что он пока не собирается умирать. Потом холодным весь обливается, от лихорадки зубы стучат, но в глазах какая-то странная и жуткая решимость. У него все тело от боли сводит, а он смотрит в одну точку и губами шевелит, как душевнобольной. Ее впустили и дверь за ней закрыли. Несмотря на ярость Андрей все же позаботился о брате, хотя бы так. Но Фаина с трудом себе представляла, что будет потом. Будут ли они все еще братьями или теперь их жизнь расшвыряет по разные стороны личной бездны из отчаяния, непощения и недоверия.

Она сумку открыла, доставая жгуты, пакет с препаратом. Он даже не смотрел в ее сторону, его на постели вверх подбрасывало, как в приступе эпилепсии.

— Как ты мог? — едва слышно, сама себя почти не слышала.

— Смог... оказывается.

У самого скулы сводит, и глаза закатываются. Дыхание тяжелое, прерывистое.

— И это все? Все, что ты скажешь?

— А что мне еще сказать? Что я сожалею? — голос хриплый, сорванный. — Что я был не прав? Это что-то изменит? Вернет ее? Вернет меня? — каждое слово, заикаясь от дрожи, зуб на зуб не попадает. — Не нужны мне твои капельницы, уже справился. Уходи, Фая. Спасибо, что пришла.

— Тебе легче станет. Немного легче переносить...

— Я ее крики и голос все время слышу... — вдруг резко голову повернул, — я хочу продолжать их слышать, поняла? Уходи.

Она больше ничего не спросила — он ничего не сказал. Она так и не

поняла, раскаивается ли он, сожалеет ли. Только боль ощутила физически. Она в кислороде ядовитыми молекулами летала, обжигала глаза слезами. Не физическая. С физической он справлялся превосходно, как и всегда. Не первый раз его видела не в самой лучшей форме, его внутри выворачивало, судорогами душу сводило. Она эту агонию во взгляде прочла, и больше не было вопросов, не было ответов.

И сейчас, Фая отчетливо понимала, что если Даша аборт сделает, не будет шансов у них никогда. Оба сдохнут. Да, никто не видел для них шанса, а она видела. После того, как к нему сходила, увидела. Есть. Очень хрупкий, прозрачный и ничтожный шанс.

Отвела Дашу к Марии Антоновне, а сама за дверью ждет с пакетом с ее вещами, чтобы перевести в гинекологию на время. Сама не заметила, как по щекам слезы покатались и пальцами пакет сжимает все сильнее. Дверь спустя время открылась, и Даша вместе с Антоновной вышла, челюсти сильно сжаты, бледная и настолько худая, что кажется, ее из стороны в сторону шатает.

— Фаечка, проводите ее в палату седьмую. Там нет никого, и я распоряджусь, чтоб не подселили. Чистку в обед проведем. Медикаментозно уже вряд ли получится.

Фаина вернулась к себе в кабинет и впервые за много лет закурила. Пачку кого-то из пациентов выудила из тумбочки и, сев на подоконник, чиркнула зажигалкой.

Вот и еще один осколок, еще один рубец. Словно всю семью в паутину закручивает, душит, крошит. А у нее не получилось убедить. Не умеет она. Не психолог, не подруга Дарине. И внутри ощущение личного поражения, пустота внутри. Щекой к холодному стеклу прислонилась и глаза закрыла. Два мертвеца перед ней, а между ними жизнь билась, трепыхалась, но и ее поглотило, утянуло на дно. Фаине казалось, что именно ребенок мог бы что-то изменить, подтолкнуть всех их на поверхность и заставить глотнуть свежего воздуха. А теперь и этого шанса не будет.

Сама не заметила, что пепельница полна окурков и в кабинете дым стоит густым туманом. Ручка двери осторожно повернулась, и Фаина так же медленно повернула голову. Увидела Дарину на пороге. Взгляд на время бросила — не могли так быстро закончить, да еще и с постели встать после...

— Я не смогла... Не смогла, — лицо кривится, она задыхается и по двери сползает на пол, — не смогла я. Он со мной смог... а я не могу.

Бросилась к ней, к себе прижала сильно, так сильно, что у самой руки заболели.

— Вот и молодец... девочка. Молодец. Мы справимся. Мы все справимся. Какая же ты у меня...

А Дашка в плечи ей вцепилась:

— А вдруг я... вдруг любить не смогу. Вдруг... ненавидеть буду... — слезами захлебывается, но говорит, говорит. Быстро и лихорадочно.

— Сможешь, — улыбаясь и снова прижимая к себе, — уже любишь.

— Я... сердцебиение услышала... Так странно... мое не бьется, а у него колотится. Быстро так. Тоненько... и не смогла.

Лицо, залитое слезами, на Фаину подняла:

— Только ЕМУ не говорите. Пообещай мне, Файя, никому. Не хочу, чтоб знал. Не хочу, чтоб хоть что-то с ним... ничего не хочу. Пожалуйста. Я тебя умоляю.

А на следующий день она Андрея к себе впустила и Каринку. Фаина с облегчением выдохнула. Ну вот и все. Пройден один этап. Самый сложный. Самый смертельно опасный. Дальше уже не так будет. Уже легче.

Еще через неделю Андрей увез их в Швейцарию. Фаина начала новый проект с партнерскими клиниками по лечению детской онкологии, о котором так давно мечтала и планировала.

Впервые за всю свою жизнь после смерти дочери она наконец-то почувствовала, что все еще может измениться, что счастье может прорасти из самой чудовищной боли, и Дарина была тому прямым доказательством. Сильная девочка, такая сильная. Она не заперлась в четырех стенах, она упрямо ездилась с Фаей по клиникам, заключала договоры, обзванивала фонды помощи, собирала деньги на сложные операции. Они сталкивались с человеческим равнодушием, отказами, жаждой наживы, а она пробивалась через эту броню, договаривалась.

Спустя несколько месяцев они все же открыли там свою собственную клинику — Андрей выделил средства. Фаине иногда казалось, что Дашка заново ожила... Именно казалось... потому что по ночам из ее комнаты так часто доносились приглушенные рыдания, иногда тихий вой, на высокой ноте, от которого мороз пробирал по коже, а по утрам Дарина прятала опухшие от слез глаза под темными очками и снова ехала вместе с Фаиной в клинику.

ГЛАВА 20. Андрей

— Пап, привет. Как ты там?

— Все в порядке, доченька. Разве у меня бывает иначе? Ты лучше расскажи, как вы?

— Да у нас тоже все как обычно. Даринка с Фаей постоянно в клинике, приходят глубокой ночью, а потом ни свет, ни заря опять туда же... Я тоже к ним приезжаю, но они меня домой раньше прогоняют...

— Ну вы там осторожнее, Дарине сейчас отдых нужен...

— Ох, папа, да разве она слушает. Сам знаешь...

— Знаю, Карина... все знаю. И лучше так, чем...

— Да, пап... лучше.

Вздохнул... даже замолчал на несколько секунд. Мы говорили обрывками фраз, смысл которых прятался не в словах, а в паузах между ними. Да, лучше так. Пусть хоть как-то, но живет, справляется. Мы могли помочь лишь постоянной поддержкой и своим молчаливым присутствием, хотя и они иногда были в тягость. Ведь мы не могли оставить ее даже на миг. Боялись. До смерти боялись. Тем самым эгоистичным страхом, что если что-то случится, то никто из нас себе этого не простит.

— Ну ничего, всегда можно научиться жить заново... Когда есть ради кого...

— Научится, пап. Это же наша Дашка. Обязательно научится... Знаешь, она вчера впервые за все это время ко мне в комнату пришла. Сама. Поболтать. Ты не представляешь, как я обрадовалась... Мы почти до утра проговорили... Ну, вернее это я говорила, рот у меня не закрывался от этого счастья. Ты же знаешь, я могу... Я могла бы ей сутками что-то рассказывать, только бы она не закрывалась там у себя... Мне всегда так больно было, я же знала, что она там плачет... или просто лежит и в потолок смотрит...

Слушал родной голос и понимал, насколько соскучился. Захотелось вдруг послать все к черту и махнуть туда, к ним, в Швейцарию. Обнять, закружить, прижать к себе сильно и успокоиться, убедившись, что все в порядке у них. Хотя и знал, что это самое "в порядке" — просто оболочка, видимость, версия, которой все мы придерживались, чтобы как-то продолжать жить. О каком "в порядке" может идти речь, когда Дарина перестала улыбаться и вздрагивала от каждого шороха или телефонного звонка? Какой может быть "порядок" среди руин, в уродливых глыбах

которых ты узнаешь когда-то родные стены?

— И что же ты ей рассказывала? Папе расскажешь?

— Еще чего? Спи лучше спокойно... пока что...

— Та-а-а-ак... Есть что-то, чего я не знаю?

— Па-а-а-п, хочешь я угадаю, что ты сейчас сделал?

— Ну, и что же?

— Бровь поднял... Сто процентов. Да?

— Карина, — ее звонкий смех и меня заставил улыбнуться. Каждый раз, когда на фото ее смотрел или говорил с ней, мысленно благодарил судьбу за этот незаслуженный подарок. Жить начал благодаря ей. И надеялся, что и Дарина сможет... Потому что и у нее теперь есть ради кого.

— Ну ладно-ладно, шучу я... Рассказывала о школе, о подругах, о том, какое платье заприметила... Да болтала без умолку, чтобы отвлечь. Диск тот включила, который ты подарил мне... Папа, я вот вообще в шоке, откуда ты узнал, что я его хочу?

— На то я и папа, чтобы знать...

Перед глазами тот день, когда она внезапно в кабинет мой вошла и увидела тот самый диск. Я крутил его в руках, рассматривая обложку и думая о том, что эта девица мне нравится хотя бы тем, что ее внешний вид гарантированно выводит Ахмеда из себя. Уж я это точно знал — Карину в таком прикиде я бы и за порог не выпустил. Взгляд дерзкий, молодая еще, борзая, думает, что может вызов этому миру бросить. Максимализм так и прет — начиная от выражения лица и заканчивая позой, которую приняла на камеру. И когда дочь заметила диск, то сначала удивилась, округлив глаза, потом, немного подумав, широко улыбнулась и бросилась мне в объятия.

— Па-а-па-а, это же Лекса. Лекса. Я же тащусь от ее... откуда у тебя диск, он ведь только через несколько недель должен выйти? Ты для меня достал, да? Боже, я тебя обожаю. Сейчам девчонкам позвоню — пусть визжат от зависти... — выхватила его у меня из рук и вприпрыжку побежала в свою комнату. А я, смотря ей вслед, думал о том, что все идет по плану, тому самому, ради которого сдохну, но своего добыюсь.

— Ты приедешь к нам, пап? Мы соскучились...

— Приеду, моя хорошая. Обязательно. Как только с делами разберусь — сразу к вам. Отдохну хоть пару дней.

— Ну давай. Мы тебя очень ждем...

Положил трубку и, расстегивая на ходу пуговицы рубашки и закатывая рукава, подошел к окну, где налил себе виски. Смотрел во двор, который казался каким-то серым и бесцветным, несмотря на обилие зелени, и думал

о том, что легче не становится. Боль притупилась, а разочарование разъедает все сильнее.

Нас всех пошатнули события полугодовой давности. Да, прошло уже полгода, а тогда казалось, что прожить даже день — настоящая пытка. Только время неумолимо... его мало волнует наше отчаяние или радость, оно глухо к нашим просьбам бежать быстрее или задержать счастливый миг. Оно просто течет, заставляя нас привыкать к новым обстоятельствам, мириться с ситуацией и принимать решения.

Мы не говорили с Дариной о случившемся. Да и о чем тут говорить — ее исполощенное, выпотрошенное тело было красноречивее любого рассказчика. Фаина выходила ее тогда, вернула к жизни. До сих пор помню тот день, когда сказала, что можно ее навестить. Как стоял несколько минут перед дверью в палату и не решался войти, не понимая, что же со мной происходит. Ждал этого момента, и в то же время в глаза ее страшно было заглянуть, потому что знал, что не увижу в них желания жить. Стоял с цветами в руках, ладонь к двери протянул и так и застыл, набирая в легкие побольше воздуха, с силами собираясь, чтобы войти в эту чертову палату. Знал, что в улыбку мою она не поверит, только не мог позволить, чтобы мою жалость к себе почувствовала. Конечно, она знала, что все мы ее жалеем, только одно дело — понимать и совсем другое — видеть. Не хотел унижать, не хотел этого покровительства, которое заставляет человека чувствовать себя немощным. Только как все это запрянуть поглубже, как вести себя так, словно не было всего этого?

А когда наконец вошел, то исчезло все сразу куда-то, просто сжал в объятиях, сильно, а из груди облегченный слабый стон вырвался — жива... Она жива, вот что главное. Справимся. Вместе справимся. Поможем. Будет сложно, будет невыносимо трудно, но она дышит, остальное уже не имеет значения. А потом Фаина про беременность сказала, и я не знал, радоваться нам или еще больше проклинать Макса. За то, что так и не оставил ее в покое. За то, что все же впился в нее непоколебимым якорем, неуязвимо зацепившись в чреве и судьбе. Въелся в ее плоть, как раковая опухоль, пожирая силы, разрастаясь, отравляя. И не вырежешь ее, потому что метастазами душу уже оплела. Не избавишься, потому что и Дарины тогда не станет. Но она научится с этим жить. Придется. Потому что не одна теперь. Фая про аборт тогда сказала, и я понимал, почему Дарина захотела так сделать. Потому что вот оно — живое напоминание, которое не даст забыть. Ту ночь, тот кошмар, отметины, которые сошли с кожи, так и не зарубцевавшись в душе.

Да, Макс... Такое не забывают. Не вычеркивают раз и навсегда. Если

меня до сих пор потряхивало от воспоминаний тех дней, то что могла чувствовать она? Которую поднял до небес, заставил парить, чтобы потом — об острые камни и в грязь, на самое дно, растоптав и размазав, вынул душу и выбросив ее на свалку.

Я знал о нем все. Не знаю, почему, но мне было это нужно. Я не задумывался над причинами, я просто дал указания докладывать о каждом его шаге. Мы не общались, делами занимались в основном наши юристы и они же и решали какие-то спорные вопросы. Бизнес был налажен, кадры подчищены, сферы деятельности разделены, юридически, да и фактически все оставалось прежним. Империя, в отличии от нас, была цела и невредима и разрасталась с каждым месяцем. Все так же скупались предприятия, разорялись конкуренты и привлекались инвестиции. Здесь действовали иных механизмы, решались вопросы, на бумаге мы оставались все теми же партнерами, хотя мне до зубного скрежета хотелось разделить все к чертовой матери, отдать то, что ему полагается и разойтись навсегда в разные стороны. Только чувствовал, что права морального не имею. Нам все это от отца досталось. Хоть и на костях построена, но это его империя была. Жизнь отдал ей, все мог потерять, а за нее зубами держался, любому горло мог перегрызть... Потому что детям оставить хотел. Неправильно это было. Только нихрена от этого не легче... Намного легче сделать, как хочется, наплевав на весь мир, чем, сцепив зубы, делать так, как нужно. Вопреки своим желаниям, эмоциям и ожиданиям. Просто потому, что есть вещи, предать которые нельзя... Никогда...

Я чувствовал какую-то необъяснимую потребность знать, где Максим находится и чем занимается. Ждал подвоха? Возможно... Хотел оградить Дарину? Несомненно. Правда понимал, что после нашего последнего разговора это... лишнее. Переживал за него? О самой мысли руки непроизвольно в кулаки сжимались. Сам не понял до сих пор, почему не пристрелил тогда... Надеялся еще на что-то, до последнего думал, что шанса он этого заслуживает. Пока сестру не увидел и не пережил все это рядом с ней. Не хотелось думать, почему, мне не важны были причины, мне нужен был результат — это полная осведомленность. Где он? С кем встречается? Какие сделки заключает? Как смеет вообще жить после того, как всю семью под жернова пустил.

Правда, рассказать моим людям было практически нечего. Он походил на отшельника. Не выходил неделями из дома, лишь изредка выбираясь, чтобы погонять по ночному городу и затариться недельным запасом сигарет. Никаких выпивки, шлюх, борделей или наркотиков. Даже за это я

его ненавидел. Уж лучше бы вел себя как подонок, так проще было бы... рукой махнуть, вычеркнуть, выбросить из жизни. Но нет, он вдруг "праведником" стать решил. Вину свою осознать. Сожрать себя, наказать. Только не трогало меня это, скорее раздражение вызывало, потому что раньше надо было... Раньше. Каким банальным я раньше считал выражение о невозможности склеить чашку. А сейчас себя осколком ее ощущал, рядом с другими такими же, которые хоть и сложили опять вместе, только уродливые трещины все равно будут всегда напомнить о том, что времена, когда она была единым целым, не вернуть.

Макс... Что же ты сделал, мать твою. Почему таким дураком был. Не пришел ко мне, не оперся на плечо, я же никогда не отвернулся бы, вместе мы все могли... Не было для нас ничего невозможного. Из таких передрыг выбирались, что самим не верилось, что по земле этой до сих пор ходим. А ты похерил все... К чему пришел?

Вместо взаимопонимания и счастливой жизни — сутками в четырех стенах, кофе литрами и сигареты пачками. Макс стал своей тенью, похудел, осунулся, сутулиться начал, в глазах — нездоровый блеск, челюсти напряженно сжаты. Другого выражения лица я не увидел ни на одном фото. Смотрел на изображения — и не узнавал его, к себе прислушался — а там только злость. Не та, кипящая и едкая, которую выплеснуть хочется, а другая. Которая забывать не дает, которую держишь внутри, не выпуская, не пытаясь избавиться, потому что она каждый день напоминает о том, почему она здесь... внутри.

Полгода назад он был не таким. Он под дурью в тот день был, такую дозу тогда принял, что до сих пор поражаюсь, как не откинулся тогда, как сердце не разорвалось нахрен. Корчился в судорогах, сбивал костяшки до крови, молотя кулаками по стенам, орал не своим голосом, проклиная себя, меня и всех вокруг. Меря шагами комнату, разнося мебель. Он матерился, угрожал, колотил ногами по двери, и клялся, что замочит нас всех за то что откачали его, за то что подохнуть в тот день не дали. А я стоял перед монитором, молча впитывая его страдания. Мне хотелось в тот момент ворваться к нему, включить свет, от которого он заскулит, потому что все, донаркоманился, и размазать его по стенке. Заткнуть, вырубить его одним ударом и процедить сквозь зубы, что хватит... Хватит выть и себя жалеть. Жри эту боль. Захлебывайся в ней. Проживай каждый день с осознанием того, что натворил. Только я остался неподвижным, запоминая каждые его движения, слово и крик, словно пытаюсь запечатлеть в своей памяти. Да, тогда я хотел, чтобы ему было больно. Чтобы он хотел сдохнуть, только чтобы прекратить свои мучения. Только ему никто не позволит. Он думал,

что знает, что такое ад? Нет, его ад начнется с этого момента. Тот, который всегда будет с ним. Который с каждым днем будет становиться лишь глубже, отнимает жажду жизни, и при том не дает умереть. Никакого избавления.

Искупай вину, Макс... Искупай то, что искупить нельзя.

А потом крики сменились каким-то леденящим кровь ступором. Казалось, что он обезумел, перестал осознавать, где находится и понимать, кто он такой. Смотрел в одну точку на стене и шевелили губами, повторяя какие-то слова, снова и снова, словно произносил какое-то проклятие. Лежал, не двигаясь, провалился к сон... И тогда мне на какой-то миг показалось, что он перестал дышать. Вскочил и сбежал по ступенькам вниз, но перед самой дверью замер, позвав охрану, чтобы пульс проверили. Жив... И я не знаю, чего тогда во мне было больше — разочарования или облегчения.

А дальше, когда его организм справился во всей этой дрянью, когда к нему вернулась способность соображать и осознавать, только тогда я перешагнул порог, чтобы столкнуться с его опустошенным взглядом.

Мы молчали... казалось, что это длилось часами, а в комнате повисло тяжелое, каменное напряжение, которое сдавливало виски тянущей, пульсирующей болью. Никто из нас не произносил ни слова, только взгляды, в которых каждый прочитал свое.

— Посмотрим видео, Зверь... Ты его видел уже, ничего нового... но посмотрим в последний раз.

Он ничего мне не ответил, только зубы сильнее сжал, молча наблюдая за моими движениями. Я включил запись и остановил на том самом моменте, который тогда стал для меня озарением.

— Видишь это, Макс? Видишь? Этот след не от ее обуви... И на том другом видео, — я сделал паузу, наблюдая, как в его глазах вспыхнула злость, — там не твоя жена. Там совершенно другая женщина...

Опять ни слова, только я-то понимал, что творится там, за этой образцовой броней. Там, сквозь гнилую почву, начинала пробиваться свежими ростками надежда. Надежда, которую ему самому придется растоптать и раздавить, потому что он больше не имел на нее права.

— Я вижу, Зверь, ты все еще мне не веришь. Так я продолжу... Не против, нет? — я чувствовал какое-то извращенное удовольствие, открывая ему правду и наблюдая за тем, как она постепенно его убивает, бьет поддых, все еще позволяя держаться и выбирая очередное место для

удара. — Вижу, что нет... Ну, как говорится, прошу... — включая при этом запись откровений Ефима...

Он слушал своего бывшего охранника, с каждым словом понимая, насколько близко подпустил к себе эту продажную тварь. К себе, своей семье, Дарине... от меня скрыл, а его сторожевым псом к ней приставил. Не выдержал и бросился ко мне, хватая меня за рубашку. Тишину разрезал надсадный рев.

— Почему ты мне, бл***, не сказал раньше?

О-о-о, я был благодарен ему за этот срыв. За эмоции, которые наконец-то прорвались наружу, давая волю и моим. Я оттолкнул его от себя и ударил кулаком в челюсть. Мне хотелось его крови сейчас. Его злости. Его ненависти. Агонии. Его отчаяния от того, что сделал. Он встряхнул головой и опять двинулся на меня. Только зря. Не мог силы рассчитать. Ослаб сильно за эти дни. Без еды, терзаемый ломками наркотика и воспоминаний. И я со всей силы впечатал его в стену.

— Потому что, бл***, мне некому было рассказывать. Некому, твою мать. Потому что ты запер ее и поступил с ней как последний мудака. Вот почему... Я бы рассказал тебе. Я бы с тобой все это бок о бок прошел, только ты же Звее-ерь, ты же все са-а-а-ам... Вот и теперь сам. Понял? Вали отсюда и забудь, что у тебя был брат... Был. Когда-то...

Даже при воспоминании о том дне душу яростью заливает, она волнами накатывает, каждая сильнее предыдущей. Наверное, никогда не пройдет это. Не забудется. Когда разбивается доверие, оно сотнями осколков впивается в кожу, а их уколы напоминают о себе в самые неожиданные моменты.

Осушил залпом бокал и направился к выходу из кабинета, а когда дверь открылась и я увидел на пороге Макса, то не поверил вначале своим глазам. Какого черта? Что он тут делает? только он не оставил мне времени для размышлений, переходя к диалогу.

— Граф, мне помощь твоя нужна... Это последнее, что я попрошу у тебя. Клянусь...

ГЛАВА 21. Максим

Винил ли я себя? Сожалели ли я?

Что вообще означает чувство вины? Винить себя можно за какие-то ошибки, за разбитый стакан, за треснувшее стекло. Я себя не винил. Я себя убивал. С наслаждением, методично, уверенно. Секунда за секундой. А вина — это так просто. Покаялся, повинился и сам себя простил, или другие поверили и простили. Легко. Привычно. Так обыденно. Мы так и делаем по жизни. Никто не любит быть сам с собой в полном диссонансе. Никто, кроме меня. Я с этим диссонансом родился. Мое привычное состояние. Вражда с самим собой, война на смерть.

И сожаление — мелко, ничтожно. Я сожалел только об одном — что все же поверил себе когда-то, что именно ей не смогу сделать больно. Поверил с каким-то едким сомнением, с ужасающей осторожностью, с эгоистичным желанием все же попробовать, каково это — быть любимым ею. Класть голову ей на колени и замирать, когда ее пальчики гладят звериную морду, лаская. В глаза ей заглядывать и охренивать, что там всегда дрожит мое отражение. Поверил, что и у таких конченных отморозков тоже может быть свое нежное, до дикости неожиданное счастье.

Об этом я сожалел. Не стоило верить самому себе. Надо было рвать все к чертям и держаться от нее подальше. Тогда бы у нее был шанс, а сейчас я уже понимал, что сожалеть слишком поздно. Я не видел себя иным, не видел иного исхода при том, что тогда на меня обрушилось. Просто жизнь чудовищная, проклятая тварь. Она не должна сводить вместе таких ублюдочных мразей, как я, с такими чистыми и нежными, как Дарина. Я виноват, что позволил этому цветку обвиться вокруг моего мрака и поглотил его, подрал, разорвал на клочки. Искать себе оправдания? Я не искал. Зачем? Когда шел к ней, уже знал, что иду убивать нас обоих. Ее и себя. Я помнил каждое мгновение, осознавал все, что делаю с ней и с собой. До каждой детали. До мельчайшей подробности. Со стороны. Видел ее лицо, слышал, как она кричит и орал вместе с ней. Выпустил чудовище на волю, и оно пировало, оно разрывало ее и не могло уже остановиться. Каждый крик едким ядом по венам. Я убивал ее намеренно долго, потому что знал, что больше не притронусь к ней, что это конец. Я растягивал нашу агонию и разбавлял ее звериной жестокостью, наслаждаясь нашей болью. Я бы тогда перерезал себе горло, если бы не причинил ей боль. Не было во мне похоти впервые, было желание унижить так, как может унижить

мужчина женщину, трахать так, как позволяла Бакиту. Превратить в кровавую пелену то, чем она наслаждалась с другим. Наказать, чтоб прочувствовала каждую грань моего безумия.

Ни одной женщине в своей жизни я не причинил столько физических страданий, как своей девочке в ту ночь. Да. Тогда она еще была моей. Каждым толчком в ее истерзанную плоть, как необратимость, в грязь, в пропасть. Как последнюю тварь. И понимал, что все равно люблю ее, все равно люблю до дикости, до какого-то адского исступления, до отчаянной пустоты в голове. Сквозь черный туман, ударами по извивающемуся телу, и самого подбрасывает от свиста кнута, от запаха крови, от ее слез и стонов боли.

Они вторили моим. Я тоже стонал. Мне было так же больно ее убивать, как и ей умирать подо мной. Только перед глазами какими-то кровавыми обрывками она там, под Бакитом, извивается, орет, скулит, просит не останавливаться, и я бью. Еще, еще и еще. Не останавливаясь. Как и просила ЕГО.

Когда пришла какая-то безумная, извращенно-острая разрядка, я сдавил такое нежное, мягкое горло сильнее, ища ее взгляд, чтобы в них мое отражение застыло, а она не открывает свои глаза, слезы по щекам катятся, цепляется пальцами за мои запястья и не открывает.

— Смотри на меня. Смотри, Дари-и-ина. Смотри, мать твою.

Только она меня уже не слышала. Когда затихла, я медленно разжал пальцы и сел рядом. На хлыст посмотрел, затем на свои окровавленные руки, а потом перевел взгляд на нее.

Как будто спит. Глаза закрыты, на ресницах слезы блестят. Захотелось вытереть пальцами, как и всегда... Протянул кровавый след по ее бледной щеке, задыхаясь в агонии. И холод вокруг. Лед. По стенам ползет иней, окрашивая все в черно-синий мертвый цвет. Я слышу, как он хрустит. Понимаю, что это крыша едет, а мне плевать. Я тогда на руки ее поднял. Легкая, почти невесомая. По комнате кругами носил, прижимая к себе, убаюкивая, пачкаясь ее кровью.

"— Спой мне, Макс. Спой мне колыбельную и тогда уезжай.

— Колыбельную? Издеваешься?

— Да. Вот эту... Спи, сладкая... Помнишь?

— Помню.

— Спой мне, пожалуйста"

Sleep, sugar, let your dreams flood in,

Like waves of sweet fire, you're safe within

Sleep, sweetie, let your floods come rushing in,

And carry you over to a new morning

Try as you might
You try to give it up
Seems to be holding on fast

It's hand in your hand
A shadow over your
A beggar for soul in your face

Still it don't matter
If you won't listen
If you won't let them follow you

You just need to heal
Make good all your lies
Move on and don't look behind *1

Собственный голос, такой страшный, сорванный, звучит эхом в полной тишине. Мне казалось, я где-то в дьявольском месте из склеенных воспоминаний о былом счастье. Калейдоскопом в обратном направлении, от этого момента до самой нашей первой встречи. Рефлексируя на самых острых моментах счастья.

Я думал, что больнее уже не бывает. Что она уже причинила мне самую адскую боль своим предательством. О, как я ошибался. Я был несчастным идиотом, я понятия не имел о боли даже тогда.

Она пришла с осознанием, что все же убил ее. Смог. Стиснула все тело и принялась дробить на куски. Дикое опустошение и непонимание, а что теперь? Что мне делать теперь, малыш? Вот сейчас, когда я наказал и казнил нас обоих, что мне теперь делать?

Когда-то она спрашивала, люблю ли я ее. Никогда не знал, что ответить. Нет, я не любил ее. Любовь ничто по сравнению с тем, что я чувствовал к ней. Слишком это слово истрепанное и светлое в понимании большинства. Я ею болел, как самой жуткой смертельной болезнью, уродующей душу до полного разрушения, до гниения и разложения. Говорят, что любовь созидает, несет свет, счастье. Черта с два. Люди наивные идиоты, если так считают, или им, мать их, просто повезло не увидеть ее истинного лица. И я им завидую... Эта тварь слишком многолика, чтобы быть загнанной в какие-то рамки, установленные так однобоко и субъективно, так стадно. Моя никогда не была светлой.

Ослепляющей — да. Вспышками, после которых тьма такая, как будто глаза выкололи. Грязная, липкая и страшная.

Бойтесь любви. Бегите от нее сломя голову, едва почувствуете, какая она на самом деле, бывает. Бегите. Либо примите эту суку такой, какая она есть. Голую, уродливую и жадную до крови. Я сам тонул в ней и ту, что породила ее, топил. Тащил за собой на дно. Остановиться уже не мог, потому что разрешил себе сказать МОЯ. И с этого момента она уже принадлежала моим демонам.

А теперь "спит" у меня на руках... как когда-то, голову на плечо склонила, и рука безвольно свисает. Я ее осторожно себе на плечо положил. Так и ходил с ней из угла в угол, напевая себе под нос нашу колыбельную.

Потом бережно на пол ее положил, накрыл обрывками одежды, погладил по голове и снова рядом сел, глядя в темноту. Теперь вокруг меня всегда будет тихо. Для монстров птицы не поют. Монстры умирают всегда в глухой тишине.

Пистолет тогда в руках крутил и выстрелить не мог. Нет, не потому что умирать страшно. Жить намного страшнее, поверьте. Мне было страшно выстрелить и потерять эти мгновения возле ее тела. Потому что я знал, что там, на том свете, если он существует, конечно, нам не быть вместе. Да и здесь... не суждено было.

Потом я потерялся среди галлюцинаций, дикой ломки и бреда. Мало что помню. Меня там не было. Там было нечто похожее на меня. Когда кайф вышел совсем, пришла жуткая боль с осознанием. И начался ад. Я его ждал, смеялся, как больной психопат, когда меня выворачивало на пол собственными кишками и трясло в абстинентном синдроме, которому не было ни конца, ни края, и я рычал, срывался на хохот и вопли, потому что наслаждался каждой секундой этой пытки. Моим адом. Я его заслужил в полной мере. Я знал, что со мной происходит. Видел других загибающихся зомби-нариков в своей жизни, готовых в этом состоянии убивать за дозу или вскрывать себе вены. Но я бы не вскрыл. Точно не тогда. Я был готов убивать за то, что мне мешали подышать именно так. Никто не решался войти. Я был слишком опасен. Они это знали. Не рисковали переступить порог моей комнаты и правильно делали. У меня начались галлюцинации, и я видел ЕЕ, слышал ее, ощущал ее. Мне не хотелось облегчения. Я хотел ее слышать.

Отпускать начало не скоро. Зависимость — страшная вещь. Но лишь для тех, у кого в жизни не случалось ничего страшнее этого. Другой зависимости. Наркотик можно достать везде, купить, украсть. А я свой уничтожил, и меня теперь ждет вечная пытка, пока не сдохну.

Потом пришел Андрей. Тяжело было в глаза ему смотреть. Я бы сказал — невозможно. Он мог меня избить до мяса, изрезать на лоскуты — я бы позволил. Говорил, кричал. Все ерунда.

Только взгляда его боялся. До трясучки, до лихорадки. Где-то там, внутри меня, жила надежда, что я все же не убил ее. Что случилось гребаное чудо, как в какой-то сказке, дешевом сериальном мыле, голливудском дерьме, и она выжила после меня.

Я боялся увидеть в его глазах правду, что ее нет. Там, на дне зрачков моего брата, увидеть могильный холм с крестом и сломаться окончательно, не дожить до той цели, которая все же заставляла меня потом день за днем не полоснуть себя лезвием, не спустить курок, не шагнуть с крыши. А хотелось. Адски хотелось. Закономерно в состоянии наркомана, выходящего из ломки после долгого "запоя" кристальной дрянью.

Так хотелось все прекратить, не выдерживал моментами, лезвие пальцами сдавливал, чтобы хотя бы боль почувствовать, потом на порезы спиртяку лил и снова резал. Нельзя сейчас. Потом. Позже. Придет тот день, когда можно. Но не сейчас. Не заслужил пока смерти. Слишком это просто.

Граф показывал мне кадры, говорил о ее невинности, но не понимал, что это уже не имело никакого значения после всего, что я сделал. Что мне не стало, бл**ь, больнее или легче. Потому что с того момента, как я разжал пальцы на ее шее, я уже корчился от этой пытки — дышать тем воздухом, которым она больше не дышит. И не имело значения — виновата или нет. Мне легкие разъело серной кислотой задолго до этого. Хуже не стало... я так думал в тот момент, а когда он ушел, я стоял на полу, на коленях, и задыхался. Мне тогда казалось, что меня окунули в чан с кипящим маслом. Я выл. В полном смысле этого слова. Выл и рычал. Бился головой о стены, а потом снова слышал ее крики. Да-а-а-а, кричи, маленькая. Истязай меня. Только не уходи. В тишине не оставляй. Я боюсь тишины... там я совсем один. Там та колыбельная звучит похоронным маршем нашим счастливым мгновениям, когда я нежно любил тебя, а ты улыбалась зверю и верила, что он никогда тебя не обидит.

Сам нас наказал. Сам казнил. Невинную... но самое страшное — я понимал, что поступил бы точно так же. Если все вернуть назад — точно так же, мать вашу. Что я за гребаный урод? Это и сводило с ума. Человек иногда видит выход, видит решение, видит возможности... а я понимал, что даже если она жива, то я бы снова убивал ее, если бы решил, что предала. И никто, ни одна живая душа, не даст гарантии, что я так не решу и через пять, десять лет. Никто. Особенно я сам.

Не было иного исхода, иного конца. У нас обоих и у любви это

бл***кой, черной, больной. Не спросил у Андрея ничего больше. Не хотел знать где они ее... закопали. Я бы не пошел туда никогда. Это как осквернить то место. Меня там быть не должно.

Кто-то сейчас мог бы пафосно стенать, что я должен был ползти туда на коленях, рыдать и биться головой о плиту, но зачем? Это спектакль, это трусливое исцеление от боли, когда вот так... фальшиво. Глупо, наигранно. Мертвым наплевать на наши слезы, раскаяние, сожаления. Их больше нет. Весь этот фарс мы устраиваем сами для себя или для окружающих.

Принести ей туда цветы? После того как сам же и убивал. Я бы принес туда свое сердце. Вырезал аккуратненько и положил там... а так как это неисполнимо, то и нечего ходить. Все что хотел, я уже сказал ей за эти дни. И как дико тоскую по ней, и как бешено люблю ее. Только то, что жаль — не сказал, и прощения не просил. Она бы и не простила, и я не простил себя. Пустые слова. Никому не нужны. Такое не прощают. Есть вещи, за которые "прости" слишком мало. Да и не стоит. Они умаляют масштабы содеянного до ничтожного косяка. Нельзя просто "прости". Не в этот раз и не при этих обстоятельствах. Мог бы — в руки ей нож вложил бы, и к груди своей приставил, медленно, дюйм за дюймом, в сердце вогнал, глядя в глаза... Все остальное пафос, фальшь и ерунда.

Теперь меня вытягивало из сумасшествия только одно — жажда мести Бакиту и Ахмеду. Я думал о ней днями и ночами. Я рисовал на тетрадных листах их расчлененные тела и смаковал каждую деталь.

Из загородного дома Андрея съехал через месяц. К себе. Да. Я смог войти в наш дом. Слишком он наполнен ею, слишком пропитан воздух нашим счастьем. Очередная пытка, но я должен был жить именно там. Обязан. Смотреть на ее фотографии, наши фотографии, прокручивать обручальное кольцо на ладони и снова надевать на палец. Я не спал неделями. Вырубался под утро, а потом ставил будильник и снова обдумывал, как подобраться к Бакиту. Мне нужна была эта гонка и полное отрезвление мозгов. Изучал его вдоль и поперек. Каждый шаг, каждую сделку.

С Андреем мы почти не виделись. Я жил в своей мрачной тишине в окружении сигаретного дыма и марева кофе. Пока не созрел для того, чтобы поехать к брату и попросить его об единственном одолжении — помочь мне убить эту мразь. Убить его вместе. Только мы втроем. Я, Граф и Бакит. Наши личные счета.

Тогда он мне и рассказал о Славе.

Оказывается, все это время Граф тоже готовился. Я не спросил у него, взял бы он меня с собой или нет, а он и не говорил об этом. Имел полное

право на ненависть, а я это право признавал. Да и не бабы мы, разбирать все по словам и поступкам. Он знал, что я конченный ублюдок, а я знал, что он об этом знает и никогда не забудет. Этого достаточно, чтобы не начинать ненужные разговоры о мере вины и прощении. Одно Андрей признавал, и я был ему за это благодарен — наше общее право на казнь той твари, что разнесла нашу семью на осколки. Мое абсолютное право на месть.

Когда все карты передо мной открыл, я остолбенел. Конечно, слышал об Изгое.

Наша сфера деятельности не позволяла такой роскоши — не иметь информации о самой незначительной детали вражеского механизма, который мы рано или поздно собирались сломать.

Ахмед, падаль, бои нелегальные устраивал, и я там бывал, не раз и не два. Сам видел, на что способна эта глыба с от мороженным выражением лица и железными мышцами под лопающейся от напряжения кожей и неизменными солнцезащитными очками. Ставки на него делал. Изгой выигрывал всегда. Чаще всего оканчивая бой смертью противника. Кто мог тогда предположить, что Изгой совсем не тот, за кого себя выдает.

Потом Нармузинов его к себе забрал. С этого момента мы его слегка потеряли. Да и не следили за ним особо, как и за любой пешкой азиатов. А Изгой оказался родным братом Дарины и сводным Андрея по матери. Они через Фиму, суку продажную, вышли друг на друга. Фима... Снова ударом в солнечное, до глотка воздуха отравленного и ощущения клинка между лопатками. Мне уже долгое время кажется, что он там застрял и разогнуться не дает. Но не до него сейчас. Граф сам с ним разобрался, а я... может, и я доберусь. Позже, если желание останется. Если не настанет мое "можно".

Тут и сошлась общая картинка. Недостающие звенья той самой цепочки, которую мы с братом собирали несколько лет, разыскивая его родственников.

Впервые с Изгоем встретились за городом в лесопосадке. Нам нужна была полная гарантия того, что никто не прослушает. После последних событий ни я, ни Граф не доверяли даже собственной тени. Не то что этому мрачному и угрюмому типу в очках.

Когда парень снял их впервые, я вдруг подумал о том, что у них с Дашкой глаза одинаковые. Похожи. И да, и нет. Резануло по сердцу, что ее глаза уже никогда не увижу. Только времени на все это не было сейчас. Изгой дал нужную нам информацию о местонахождении Бакита. Падаль так в штаны наложил после того, как мы все раскрыли, что теперь прятался в лесном домике возле зачуханной деревни. Трясся за свой зад. Не зря

трясся, чувствовал нутром своим поганым, что придем за ним.

Около месяца мы втроем разрабатывали план, как возьмем эту крепость, которую Бакит превратил чуть ли не в военный бункер. Изгой там работал в личной охране ублюдка. Он нам схему дома от руки набросал чертежом. Все лазейки обозначил. Продумали каждую мелочь и выдвинулись. По минимуму людей, чтоб подозрения не вызвать, на разных тачках и в разное время. Встретиться договорились у реки, и вместе пешком через лес к домику этому. В камуфляже, масках, иногда ползком позли по кустам. Изгой во всей этой херне докой оказался. Знал точно, где есть точки наблюдения, где камеры установлены.

Я почему-то смутно помню, как шли, как перелезали через забор, как резали горло людям Бакита. У меня эта колыбельная в ушах звучала и не смолкала в этот день с самого утра. Я под нее вскрывал яремные вены охранников. Чпок — и кровь булькает, расплзаясь пятнами на белоснежных рубашках, а я вытираю лезвие о лацканы пиджаков.

Я помнил хорошо только Бакита. Его перекошенное лицо и отвисшую челюсть. Слюни помню, как стекали по подбородку из широко раскрытого рта, когда я с него аккуратненько срезал лоскутки кожи. Как с картошки. Андрей и Изгой оставили нас наедине. Устроили нам долгосрочное свидание с полной нирваной и моим абсолютным господством в царстве боли и смерти.

Я камеру поставил так, чтоб видно было ублюдка, болтающегося на веревках, и медленно, очень медленно его потрошил. Он орал и блевал, мочился в штаны, истекал потом. А я складывал кусочки кожи на тарелку и методично продолжал свою работу. Не сказал ему ни слова. Ни одного слова. Он и так знал, за что. Прощения просил, молил меня, проклинал, рычал и орал, надрывая глотку, пока я не врезал ему ребром ладони по кадыку, чтоб заткнулся. Когда почти закончил, Бакит был еще жив. Кусок окровавленного мяса почти без кожного покрова. Мычащий от боли. Как пособие по анатомии в учебниках девярых классов.

Наверное, он думал, это конец, и ошибался. Когда увидел в моей руке хлыст, задергался в судорогах ужаса и вонючей паники, кровавыми лужицами под себя уже в который раз.

Я впервые не испытывал удовольствия от экзекуции над врагом, я просто его казнил. Хладнокровно, медленно, размеренно. Распланировал его агонию по минутам.

Мог бы — растянул бы ее навечно, но мы должны были уложиться в четыре часа до следующей смены охраны. Меня прервал Изгой, ворвался в комнату, морщась от брезгливости при виде ошметков плоти и

истекающего кровью Бакита. Не привык парень к таким извращениям, или просто мерзко стало от вида этого ошметка, мычащего и слегка подрагивающего на веревках.

— Что-то пошло не так, Зверь. Наши засекли пять машин в десяти минутах езды. То ли что-то в системе сработало... то ли кто-то из охраны успел тревожную кнопку нажать, бл***, или Ахмед почуял неладное. Есть предположения, что сюда направляются. Кончай с ним. Уходим. Быстро.

Я бросил взгляд на Изгой, потом на брата, и вырезал Бакиту глаза. Пусть знают, кто и за что. Послание младшему братцу.

Никто не сказал мне ни слова. Ни Андрей, ни Изгой. Когда мы уходили, Бакит был еще жив. Я надеялся, он проживет достаточно долго, чтобы прочувствовать, что значит настоящая боль.

Все это делал именно я. Макс. Не мой зверь, не моя адская больная сущность, которую и сам иногда боялся. А человек, которому эта мразь разрушила жизнь. И я был безмерно благодарен, что эту часть мести отдали именно мне.

Один взгляд на Графа, он на меня. Чужие. Вот теперь уже окончательно. Хотел ему сказать, что, бл***, не хватает мне его, что возможно, если бы... И не смог. К дьяволу. Не нужно все это. Лишнее теперь. Мы так же молча сели по машинам и уехали.

Гнали по пустой утренней трассе. И я вдруг понял, что все. Теперь можно. Вот в эту минуту наконец-то можно. Врубил музыку и выжал педаль газа.

А потом началась вакханалия. По машине рикошетом прошлось несколько автоматных очередей, и я, глянув в зеркало дальнего обзора, выругался матом сквозь зубы. Нас преследовали. Пять тачек. Наверняка тех самых. Головорезы Ахмеда или Бакита. Бросил взгляд на машины Андрея и Изгой, набирающие скорость впереди, снова посмотрел в зеркало. Много их. Догонят — изрешетят всех нахрен. За поворотом дорога вниз пойдет, разветвляясь, если две тачки преследователей свернут, то нагонят их у моста. Изгой с братом развилку уже проскочили. А я четко между теми и другими. Как раз к ней мчусь. На раздумья доли секунд.

Усмехнулся своему отражению и резко ударил по тормозам, с визгом разворачивая тачку поперек дороги и глядя, как пять мерсов несутся на мой джип, слыша, как пули с жужжанием впиваются в корпус машины. Они не ожидали, выскакивая из-за поворота, а я смотрел, как расстояние между нами становится все меньше. Кого-то потяну за собой однозначно, остальным перекрою трассу металлоломом, и Граф с Изгоем уйдут. Логично и правильно. Самое время, Зверь.

Вцепился в руль двумя руками, глядя исподлобья, как ко мне приближается костлявая шлюха и ухмыляется кровавым оскалом.

Да-а-а-а, вот и наше очередное свидание. Заждалась меня? Ну иди, обними папочку... феерический, долгий секс не обещаю, но ты можешь меня наконец-то по-быстрому трахнуть, сука. Твой ход.

*1

Спи, маленькая, пусть сны захлестнут тебя,
Как волны сладкого огня, в которых ты в безопасности
Спи, милая, пусть эти струи ворвутся
И перенесут тебя в новое утро

Стараешься, как могла когда-то,
Ты стараешься махнуть на это рукой
Похоже, что это происходит быстро

Рука в руке,
Тень над тобою,
Жажда души на твоём лице

И все же, не важно
Если ты не слушаешь,
Если ты не дашь им преследовать тебя

Тебе просто надо излечиться,
Исправить то, что было ложью,
Иди вперед и не оглядывайся

Poets of the Fall — Sleep, Sugar (прим. Автор)в)

ГЛАВА 22 Андрей

Какими бы ни были мои эмоции по отношению к Максусу, какие бы противоречия ни разрывали меня изнутри, как бы я ни был на него зол, но я признавал его право на эту месть. В каком-то роде священное. Собственноручно расквитаться с тем, кто причинил вред твоим близким. Не мог ему в этом отказать. Не мог, потому что мы уже это проходили, только тогда на его месте был я. Я помню его поддержку, молчаливую и ненавязчивую, когда любое слово лишнее — только готовность разделить горе и отомстить врагу.

" — Найдем мразей, брат. Найдем и шкуру снимем заживо. Отомстим за нее. Я клянусь тебе отомстим. Никто не выживет.

— Ты отомстил, брат... Удел итальянской шлюхи — кормить червей.

— Пусть горит в аду... И клянусь, это только начало...".*1

Отомстить так, чтобы самому легче дышалось. Такой банальный самообман, ведь легче все равно не становится, но не отомстить — значит предать. Память, воспоминания, жизнь, которую отдали в твои руки, а ты убережь не смог. Я знал, что он чувствует сейчас, наверное, впервые за эти полгода появилось хоть что-то, в чем мы были созвучны.

Только сейчас, когда мы начали немного приходить в себя, стало возможным отодвинуть все на задний план и попытаться влезть в его шкуру. Это было правильным выбором — подождать. Выбрать нужный момент, чтобы тебя услышали.

И тогда, глядя на его хоть и пустой, но решительный взгляд, я четко осознавал, что в его жизни остался один смысл. И это месть. То единственное, что он еще мог держать в руках... Все остальное он ими же и разрушил.

Я знал, что он отомстит. Удивлялся даже, почему не сделала это до сих пор, учитывая его бескомпромиссную эмоциональность. Что останавливало его? Что удерживало от того, чтобы ворваться в самое пекло и вырвать ублюдку Бакиту сердце? Я много раз задавал себе этот вопрос — чего он ждет? Почему затаился? А потом понял. Он не мог рисковать. Не собой, нет. Его жизнь давно перестала являть для него ценность, наоборот — стала наказанием, которое он добровольно принял. Вот только бессмысленно потерять ее, размахивая стволом — все равно, что предать память о Дарине. Он должен был быть уверен, что доберется до Бакита лично, а не умрет от пули кого-то из его охраны. Только это заставило его

обуздать свой нрав и рвущееся наружу желание затопить этот мир в крови — Бакит должен подохнуть от его рук. Эту миссию он не мог оставить никому... это единственное, что держало его в строю.

Мне не нужно было говорить ни слова — я чувствовал все это, понимал, как никто, потому что и сам ступил на этот путь сейчас. Видел эту одержимость в глазах, которая не полыхает, а замораживает, и знал, что помогу. В этом — да, в этом — помогу. Это его месть. Его личные счета. Я также знал, что он сдержит свою клятву — больше не придет. Больше ни о чем не попросит, потому что не осталось уже ничего. Да и гордый он. Умолять не станет. И знает меня хорошо. Стена теперь между нами.

Наблюдал за ним, видел взгляд его сосредоточенный, как лоб морщил от напряжения, как мелочь каждую предусмотреть хотел, и осознавал: после того, как убьет — самому смерть не страшна будет. А сейчас он ее боялся, боялся — потому что она может помешать ему на локоть кишки Бакита намотать. Он не мог этого позволить, жить должен, чтоб долг свой перед Дариной отдать.

Мы оба все эти месяцы вынашивали планы мести, только в этот раз по отдельности. Знали, что этот квест слишком сложный, твари осознавали все и ожидали ответного удара, поэтому были в полной боевой готовности. Подобраться нужно было по-тихому и в собственном доме замочить. Демонстративно и нагло. Давая понять, что не спрятаться, что везде достанем. Сработать четко и слаженно. Тут холодный расчет был нужен, и без человека из их окружения нам не справиться. Я знал это с самого начала, поэтому и искал способы выйти на Изгоя. Фима, сученок подлый, не подвел — у него выхода другого не было, в способах "убеждения" нам равных нет. Ахмед Славу на крючке держал, вынюхал, что тот сестру ищет, и кормил обещаниями, потом девчонку нашел возраста такого же, документы фальшивые сделал и выдавал ее за Дарину. Держал взаперти, требуя у Изгоя отпахать на него на боях без правил. Пигмалион хренов, устроил инкубатор. Самое циничное то — что Изгой собственными глазами видел, как Бакит Дарину избивал, и даже не понимал, что это и есть сестра его родная. А когда я глаза ему на все открыл, то впервые увидел, как его каменное, невозмутимое лицо исказила ярость. Он был грозой подпольных рингов, со временем Ахмеду даже трудно было подбирать ему соперников, так как само имя Изгоя заставляло борцов обливаться вонючим потом и в сортир бежать, за животы хватаясь.

На верную смерть мало кто идти захочет, даже за баснословные деньги. Его называли машиной для убийств, которая не знает, что такое жалость и эмоции, и мало кто догадывался, что есть то, что может зацепить

этого железного борца. Он долго молчал, думал, смотрел на меня с недоверием, фото пересматривал, а потом просто взял чистый лист бумаги и набросал схему. Не проронил при этом ни слова, чтобы ни одной зацепки не оставить, чтобы не слили его раньше времени, а доверять мы не могли никому. Написал номер, а также время, когда на связь выйдет.

У нас не было времени на общение, не было возможности видеться, слишком многое было поставлено на кон, и если хоть одна тварь пронюхала бы о нашем сотрудничестве — все бы развалилось к чертям. Только мне не нужны были его слова, я просто знал, что обрел брата. Одного потерял, хоть и пуд соли вместе съели, а второго обрел, без лишних слов и объяснений. Не видел он меня никогда раньше, чужой я ему фактически, а, выслушав и подумав, сразу со мной в одну упряжку. Вот так просто — сделав свой выбор...

* * *

Макс получил то, чего так долго ждал. Жуткие вопли Бакиита, которые доносились из комнаты и говорили сами за себя. Ублюдок орал как резаный, хрипел, умолял о пощаде, готов был валяться в ногах и ползать на коленях, цепляясь за свою никчемную жизнь. А мне с каждой секундой все тяжелее было сдержаться, чтобы не ворваться туда и не разорвать ему пасть. Но мы оставили его Максусу, ему это было сейчас нужнее, свести эти кровавые счета. Не знаю, сколько все это продолжалось, только отборный мат все не затихал, вперемешку со стонами и криками, звук хлыста, и ни одного выстрела. Да, он не даст ему сдохнуть так просто. Превратит в вонючий кусок мяса, издеваясь, унижая, выпитывая в себя каждый его вопль, пожирая страдания, наполняясь какой-то дикой, необузданной энергией.

— Миллион раз хотел сделать то же самое, — Изгой достал из пачки сигарету, предлагая и мне.

— Да мы единомышленники, Славик... — затянулся, вдыхая сигаретный дым. Так и не бросил после смерти Лены. — Ну ничего, у нас все впереди. Ублюдков на наш век хватит...

— Да, это точно...

Я знаю, что мы оба подумали об одном и том же, цель теперь была одна. Ахмед... Личное проклятие Воронов. Бессмертное зло. Но мы и не такое зло живьем закапывали. Внезапно Изгой напрягся, прислушиваясь, и рванул к мониторам.

— Твою мать, ахмедовские головорезы на подъезде уже... Пойду

Макса звать. Уходить надо.

Брат вышел, откатывая рукава, одежда перепачкана вся, пальцы в крови, мог бы — наверное, умылся бы ею. В глаза друг другу посмотрели и попрощались мысленно. Теперь квиты. Ничего друг другу не должны. Он месь довел до конца, мы в расчете. Повисло на секунды в воздухе недосказанность, общие воспоминания, общие огнестрельные и ножевые, общее веселье и горе тоже общее. Но в прошлом. Похерил он все. И сам об этом знает. Где-то дернулось сожаление и тут же сдохло в своей никчемности и бессмысленности. Каждый делает свой выбор сам, и Макс этот выбор сделал, когда пошел не одной со мной дорогой, а параллельной и в своем направлении. А параллельные не пересекаются.

Разошлись по своим машинам и двинулись, выжимая до упора педали газа.

Погоня началась практически сразу, потом огонь открыли. Машины бронированные, все шансы оторваться в принципе есть, до города доедем, а там подкрепление.

Развилку проскочил. Гнал на всей скорости к мосту, не оглядываясь, только в зеркале заднего вида увидел, как резко развернулась машина Макса у самого разветвления. В нее тут же врезались первые два мерса. Из трех других продолжали стрелять. Автоматные очереди, одна за другой, и пули от металла отскакивают, осыпая асфальт раскаленными каплями.

У меня все мысли каким-то дьявольским калейдоскопом, хаосом за доли секунд, но целый ворох. Как в гребаных фильмах, когда кинолентку прокручивают нарочито медленно, чтоб каждая деталь в мозгах отпечаталась. У меня они не отпечатывались, а прожигались. Да так, что голову, как раскаленным обручем стянуло.

Что он творит, бл***? С управлением не справился? Черта с два... Намеренно это сделал. Чтобы мы оторвались. Макс, бл***. Умереть решил? Теперь можно? Ничего не держит здесь... Я смотрю, не моргая, и мысли градом — что подойдет сейчас, так правду и не узнав. Его джип кувырком в кювет от столкновения, а у меня внутри все переворачивается, и взгляд застыл, застекленел. Вижу, как летит его смятая машина вниз. Две другие тачки с оглушительным грохотом по асфальту, высекая искры, катятся, как игрушечные, одна следом за джипом Макса в кювет, а вторая мимо нас вперед прошелестела и взорвалась.

Вспышкой дикой ярости полоснуло — да, пускай сдохнет, раз решил... Так и надо ему. И Дарине легче станет. Не сразу, конечно, но станет. Переживет... Не будет его — и встанет все на свои места.

Думаю, а сам со всей силы по рулю, по тормозам и словно просыпаясь

от кошмара, осознавая чудовищность своих же мыслей.

Какое право имею ее жизнью распоряжаться? Чем я лучше отца тогда? Сам знаю же, каково это, когда твоей судьбой играют... Пусть сама убьет его правдой... Пусть сама накажет, вычеркивая из своей жизни. Если я проведу всю свою жизнь, лживо ей улыбаясь, то чего я стою?

Да бред все это. Броня в броне. Игра в лживые прятки с самим собой. Брат мой там. Да, ублюдок последний, но брат. Нас прикрыть захотел, и думал, я его там брошу? Дурак он, если так решил. Что же он творит опять?

Рванул за ручку двери и вышел из машины. Услышал истошный крик Русого:

— Андрей... пригнись... пригнись, бл***. Изрешетят же... Не жилец он уже. Всмятку. Все. Уходить надо.

— Прикройте. Сам проверю.

Я слышу перестрелку, знаю, что могу и не добежать до машины брата, только ноги словно сами несут. Пригнувшись, между тачками наших ребят, отстреливаясь и прислоняясь к машинам.

"Держись там. Держись. Даже не думай сейчас сдохнуть".

Вперед, не оглядываясь, шаг за шагом, быстрее и быстрее, как будто от пуль, которые в воздухе свистят, убежать можно. Я не знаю, какая сила оберегала меня сейчас, только я добрался до его машины без единой царапины. Значит, все правильно делаю. Верно все. Как должно быть. Как сам должен.

Изгой с Русым и парнями как могли машинами траекторию выстрелов перекрыли, и отстреливались.

Несколько мгновений — и еще два внедорожника вспыхнули как факелы. Наши по бензобакам стреляли. Знают свое дело. Из горящих джипов высыпались, словно солдатики из коробки, люди Ахмеда, пытаюсь прикрыть головы от града наших пуль.

— Дьвол, — увидел, что та машина, которая следом за машиной Макса в кювет улетела, пылает синеватым пламенем, а к ней из пробитого бензобака уже лужа горячего натекла.

— Андрей, рванет же сейчас. Уходи, — голос Русого доносится, перекрывая рваный свист пуль и крики.

А до меня его слова как сквозь вату долетают, где-то там, где-то далеко, звучат, как зажеванная пластинка. Я то на дорожку эту из горячего смотрю, то на машину Макса. В голове секундная стрелка начала обратный отсчет наших жизней в равнодушном хаосе времени. Уже не впервые. Далеко не впервые.

"— Уходим. Спина к спине. Я ташу — ты отстреливаешься. Машины прямо у входа.

— Наши все полегли.

— Я посчитал, там человек пять осталось, рассыпались твари или у окон пасут — будут стрелять, когда выйдем.

— Б***ь. Суки. Уехать не дадут.

— У меня пару "цитрусовых" в кармане. Так что...

— Цитрусовые — это тема.

— А то.

— Ублюдки. Всех положили, ну что, готов к последнему рывку, Зверь?

— Давай. Швыряй и погнали.

— Ты держись, Макс. Я уже Фаину набрал, едут нам навстречу на неотложке.

— Какого хрена не пристрелил меня там или не бросил, а Граф?

— Ты — мой брат. Братьев не бросают".*2

Гребаное дежавю. И только скорости шагам добавляю, воздух хватаю полной грудью, а в голове лишь одно: "Вытащить надо. Быстрее. Рванет? Не-е-ет, нихрена, пока не вытащу — не рванет"

Лобовое стекло разнесло к чертям, осколки в шею и лицо Макса впились, от них вниз стекали струйки крови. Голова на руле, сработали подушки безопасности. Вижу, его между сиденьем и рулем зажало. Бл***ь. Я за дверь схватился, а ее заклинило. Заклинило, мать ее. Быстрый взгляд на языки пламени и снова на Макса. Стекло выбил к чертям и пальцы к горлу прижал. Живой. Живой, сукин сын.

— Макс. Макс, очнись... Ма-а-акс, — орал не своим голосом.

"— Макс, тебя прям не узнать. В ЗАГС собрался, что ли?

— Граф, да я чувствую себя гребаным клоуном. Как ты ходишь в этом чистоплюйском шмотье каждый день? Не тошнит?

— Привыкай, брат. Нас ждут великие дела. Будем серьезными дядями, которые решают вопросы в просторных кабинетах..."*3

Он начал шевелиться, мотая головой, сильно жмуря глаза, на мне сфокусировать взгляд не может. Вижу, как из ушей кровь сочится. Хреново это.

— Граф, бл****, — тяжело дыша, попытался на спинку сидения откинуться и скривился от боли, — да что же ты мне сдохнуть никак не

дашь...

— Толкай дверь. Помоги мне. Слышишь? Потом подыхать будешь.

— Не могу... меня тут как под катком зажало. Уходи. Уходи, Граф. Вали отсюда нахрен, я сказал, — каждое слово с трудом дается, моментами опять глаза закрывает.

— Я тебя сейчас сам пристрелю, силы береги и помоги мне. Я не смогу один тебя вытащить... Дверь заело. Толкай, давай.

Он улыбнулся как-то измученно и блаженно, словно только и хотел это услышать.

— Вот видишь, Граф, кто-то там, — мотанул головой вверх, и сжал челюсти, преодолевая боль, — так решил. Кто мы такие, чтобы перечить...

— О Боге вспомнил? Молодец. Только нахрен ты ему сдался? Тебя в другом месте ждут.

— Да иди ты...

Я понимал, что он не станет помогать мне сейчас. Пальцем не пошевелит, чтобы себя спасти. Что намеренно на смерть эту идет. Сам решил, что хватит с него, нечего больше делать на этой земле. Избавить хотел этот мир от себя. А я дергаю за эту чертову дверь, которая мне не поддается, и понимаю, что у нас остались секунды. Последние. Рванет сейчас — и оба взлетим в воздух с кусками раскаленного металла. Он снова вырубился, а меня от злости, что не успею психа этого вытащить, в холодный пот бросает.

Что ж ты, сука такая, натворил, в очередной раз, мать твою. Я б и сам тебя убил, но вот так сдохнуть не дам. Ты меня не раз вытаскивал, и я тебя вытащу. А потом вали на все четыре стороны и верши свое правосудие.

— Ребенка своего тоже на меня повесишь, да, Макс? Сначала жену, потом и ребенка?

Он дернулся, и я понял, что слова достигли цели. Больше ничего не способно было сейчас вывести его из этого самоубийственно-отрешенного ступора.

— Ты совсем умом тронулся, Граф? Все. Вали отсюда. Поздно уже. Меня заклинило, говорю. Себя спасай.

— Выбирайся, давай... Дарина беременна, родит скоро... Так что хватит тут расслабляться, за подгузниками пора.

— Да пошел ты... понял? Зачем? Мать твою, зачем сейчас это? Сдохнуть дай спокойно, — шипит сквозь стиснутые зубы, головой из стороны в сторону мотает и не смотрит на меня.

Я не выдержал, и, продираясь руками сквозь разбитое стекло, схватил его за ворот рубашки и встряхнул:

— Макс, бл***. Очнись. Живая она. Спасли тогда... В Швейцарию отправили, от тебя подальше... В руки себя возьми и дави, бл***, на эту гребаную дверь, а то мы сейчас вдвоем на тот свет отправимся... Я без тебя никуда не уйду.

Ты бы свалил? А, Зверь? Кинул бы меня здесь? Давай. Дави на эту гребаную дверь. Сейчас. Не то ни Дарину, ни ребенка своего никогда не увидишь. Дави.

Он со всей силы толкнул дверь всем корпусом и заорал от боли, я потянул его на себя, и мы оба покатались по земле.

Как в каком-то трансе, словно вижу нас со стороны. Как приподнимаю его, как к нашим тачкам тащу под руки по траве. Тяжелый, почти неподвижный, весь в крови, глаза закатываются. В этот же самый момент позади рвануло. Искрами в глазах падающие обломки от взлетевшей на воздух машины вместе с клубами огня и пепла. Где-то мысль промелькнула, что я зажмурился, а он нет, даже не среагировал, смотрит перед собой в никуда и веки медленно опускаются, голову назад запрокидывает.

— Эй. Зверь. Ты мальчика хочешь или девочку?

Говори со мной, чтоб тебя. Говори, засранец. Давай.

— Сука, Граф... — прохрипел, не открывая глаз. — Я тебя ненавижу сейчас, ты понял меня? Ненавижу... Бл***.

— Во-о-от, так лучше. За плечо мое хватайся, подниму тебя. Помирать он собрался. Ты бы на исповедь еще сходил. Держись, говорю, — сжимая сильнее, перекидывая за спину, на себя.

Он стонет глухо, тяжелеет, видимо, вырубается опять, а я пружиню как танк, преодолевая расстояние до машины. В голове пульсирует — довести бы до больницы. Успеть бы. Навстречу Русый с Изгоем бегут.

— Ты не вырубайся, Зверь. Не смей глаза закрывать. О Дашке думай. Слышишь? О ней думай. Я сказал.

— Не вижу я... ничерта не вижу, темно как в аду... — пробормотал и стих.

Я наверх посмотрел, как парни навстречу бегут. У Изгоя рука перебинтована выше локтя. Перемололо их всех там не слабо. Прислушался. Вроде выстрелов не слышно.

— Скорая в дороге уже, — кричит Русый, — я Фаину набрал — вылетит первым же рейсом.

А мне страшно посмотреть на Макса и понять, что все... что не успел...

— Кажется, не дышит, — и я не смог вдох сделать, замер.

— Дышит, — голос Изгоя опять как сквозь вату, — и дышит, и пульс есть. Давай в машину.

Они подхватили Макса и вдвоем понесли, а я поднялся следом к своей машине, о капот облокотился, задыхаясь, оглядываясь по сторонам, вытирая пот со лба. Апокалипсис устроили. Три джипа горят. На дороге тела валяются, все кровью залито, битые стекла, обломки металла и гильзы в заходящих лучах солнца отблескивают. А у меня внутри пустыня выжженная. Я за эти минуты сам чуть не сдох.

— Ну что там? — спросил и затаился. — Живой?

— Живой пока. Кажется, головой сильно ударился, зрачки на свет не реагируют. Пару ребер точно сломал и ноги... Нам бы теперь довезти.

Оттолкнулся от капота и в машину сел. Изгой уже за рулем. Его машину изрешетили в сито еще когда я тормознул посередине трассы, а они следом за мной.

— Все, погнали, лекарь ты хренов, диагнозы ставишь. Порядок потом наводить будем.

Бросил взгляд на Макса и поморщился, увидев, как Русый осколок стекла из его плеча выдернул, а тот даже не вздрогнул. Вот сейчас я и осознал, что все мои мысли до этого были ненастоящими. Порождение адской ярости и разочарования. А там, пока тянул его из этой проклятой тачки, понял, что не оставил бы никогда. Плевать, что между нами пропасти и стены, на все плевать. Брат он мне. Кровь моя. Семья. Простить — не прощу, может, и никогда не прощу, но бросить... Землю грызи — но семью не предай.

-----
*1 — Черные Вороны 1. Реквием

*2 — Черные Вороны 1. Реквием

*3 — Черные Вороны 1. Реквием

ГЛАВА 23. Дарина

Говорят, что люди приходят в себя долго и мучительно. Правду говорят. Да, долго и мучительно. Я выныривала из тумана рваных обрывков реальности и таких же вязких кусков бреда. Я, кажется, все слышала, даже понимала, о чем говорят вокруг меня, а потом снова пряталась в свой странный мир оцепенения. Он был соткан из черно-красно-белых ниток, где черным была моя боль, красным — мои страшные воспоминания и белым мое прошлое, где этой боли еще не было. И я бродила по этим разноцветным полосам личного лабиринта, то задыхаясь от приступов жестоких страданий, то погружаясь в едкий дурман кошмаров кровавого цвета, то забываясь в счастливых мгновениях.

А потом резко открыла глаза — и цветные нитки исчезли, боль отступила куда-то и спряталась. Но я ее чувствовала. Она свернулась в клубок и закатилась в темный угол, чтобы терзать меня потом, позже.

Не сразу поняла, где я. Рассматривала помещение, стены, пока не услышала писк датчиков. Попыталась вспомнить, почему здесь оказалась, но не смогла, потому что та самая боль накинута на меня и впиалась когтями во все мое существо так сильно, что из глаз брызнули слезы. В ушах стоял свист хлыста, собственные крики, стоны и ЕГО голос. Резал по нервам, по сердцу, вскрывал душу, как вены, и я начинала истекать кровью. Мне казалось, я в ней захлебываюсь.

Потом отпускало ненадолго, и тогда приходили врачи, медсестры. Все эти осмотры... они сводили с ума. Казалось, меня голую выволокли на улицу, и каждый мог, тыча пальцами, орать "Вот эту несчастную избил и изнасиловал собственный муж. Ах, бедняжка...", или "Что же можно было сделать, если тебя твой мужчина — вот так. Какой сукой надо быть?", или "Она точно ему изменяла, и он ее наказал. Я б и не так наказал". Я смотрела на их лица, и казалось, что слышу это наяву. Я не позволяла к себе прикасаться никому, кроме Фаины. Она единственная не смотрела на меня с этим нездоровым любопытством, жалостью, деланным сочувствием и никогда не говорила мне пресловутых "мы хотим вам помочь". Не надо. Не надо мне помогать. Мне вообще ни от кого и ничего не надо. В покое оставьте и в душу не лезьте, тело не трогайте — и больше ничего не надо.

Не могла даже Андрея пустить к себе. Я не хотела, чтобы он видел меня такой. Ему в свое время и Карины хватило. А еще я до дикости боялась, что посмотрю на брата и начну думать о Максе. Я сейчас не могла

о нем думать. Не могла ни на секунду, у меня начиналась паника.

Меня словно снова душили его пальцы, и я понимала, как и тогда, что он убивает. Это не акт насилия, похоти, мести. Он просто уничтожает меня, потому что ненавидит.

Мне снилось это по ночам, мне виделось это и днем. Я прижимала руки к шее и чувствовала боль от удушья. Фантомно... его пальцы, перекрывающие мне кислород.

Нет, мне не было страшно. Многие бы вспоминали это с ужасом, с паническим страхом, а я вспоминала это с болью. Такой всепоглощающей, невыносимой болью, что мне хотелось кричать "Так почему я выжила? Черт вас всех раздери. Кто окунул меня в этот ад и спас для того, чтобы я умирала каждый день? Кто был настолько жесток?"

Фаина всегда приходила ко мне в такие минуты. То ли чувствовала, то ли видела на мониторах. Я знала, что она ждет моих слов, моих слез, возможно, а у меня нет слез. Нет ни одной слезы. Точнее, они есть, и я плачу, я рыдаю, но где-то там внутри. Очень тихо и жалобно. Я не готова говорить о НЕМ. Я не готова трогать то самое болезненное, что разъедает меня секунду за секундой, превращая мою жизнь в нескончаемый ад. Но я все равно о нем думала. Насильно. Въедливо и навязчиво. Как необратимость безумия. Имя произнести не могу, а лицо вижу, глаза, голос слышу, и захлебываюсь своей агонией, дышать не могу. Господи. Ну хоть на секунду, на мгновение избавь меня от воспоминаний. Избавь меня от этих мыслей. Избавь от него, я умоляю.

Не смогла его возненавидеть. Очень хотела. Жаждала полыхать от ненависти, но не могла. Вместо ненависти меня поглощало острое и невыносимое отчаяние. От того, что не поверил. От того, что изменял мне. От того, что убивал меня. Нет, не физически, а морально. Максим меня уничтожил, разломал на части, как надоевшую игрушку. Я старалась не думать о той ночи. Не вспоминать ее, не перебирать в своем сознании, но это оказалось невозможным. Он оставил мне на память слишком много рубцов, чтобы забыть так просто... но рубцы на теле ничто в сравнении с рваными шрамами внутри меня. Они не затягивались, не рубцевались, они беспрестанно кровоточили. И когда я думала о нем, они болели, как посыпанные солью и раздвинутые до невозможности раны, чтобы эту боль усугубить.

А еще я часто думала о том, знают ли они, что я не виновата? Фаина, Андрей, Карина... Максим. Знают ли, что я не убивала Савелия, не изменяла мужу с Бакитом, не предавала их всех. Со временем я поняла, что знают. И мне не стало легче. Стало еще больнее, еще невыносимее.

Почему? Я пока даже не могла произнести этого вслух.

Известие о беременности меня тогда подкосило, а может, и толкнуло за ту грань, где вся боль вырвалась наружу. Это было помутнение рассудка, какое-то запоздалое и настолько разрушительное, что я даже не уверена, была ли я тогда собой вообще.

Ненависть смешалась с отчаянием, страхом, презрением к себе. Я не могла поверить в эту жуткую иронию, в эту издевку. Именно в ту ночь. Именно тогда, когда меня, нашей любви, нас больше не стало. Именно тогда ОН впился в меня вот этой жестокой, лютой, необратимой связью? И я захотела от нее избавиться. Я не понимала, что внутри меня ребенок, я чувствовала ту самую липкую паутину, которая сдавливала все мое существо, и я должна ее разорвать, отрезать, уничтожить. Пусть не думает, что я все еще в кандалах его власти надо мной, что я безвольная кукла Зверя, с которой он сможет и дальше поступать, как ему заблагорассудится.

Уничтожить. Все нужно уничтожить. Стереть в порошок, раскромсать, разодрать. Пусть болит. Пусть у него тоже где-нибудь болит, потому что эти решения принимаю Я, а не он. Потому что не сможет распорядиться моим телом и... И не смогла.

С первыми ударами маленького сердечка я вдруг почувствовала эту щемящую нежность, эту дикую, тоскливую ноту любви. Наверное, именно тогда я осознала, что есть и иной смысл в жизни, помимо Максима. Есть мой собственный кислород, мое личное счастье, которое я могу не отдавать никому. Которое принадлежит только мне одной и будет рядом вечно. Мой ребенок. Фаина права — ТОЛЬКО МОЙ.

Во мне произошел своеобразный щелчок, и я захотела жить. Захотела дышать, улыбаться, захотела попробовать сама. Моя жизнь начиналась заново именно с этой секунды. Без НЕГО. Пусть иллюзия, пусть он всегда будет незримо присутствовать рядом, но я больше не позволю разрушать меня, причинять мне боль каждым воспоминанием, каждой мыслью, каждым словом, брошенным камнем из прошлого, чтобы омрачить мое настоящее. Только никуда я от него не денусь. Он ведь живет не только в памяти, а еще и у меня в сердце. Спрятался, затаился под уродливыми шрамами и сыплет соль тоски на мои незажившие раны.

И никогда мне его оттуда не вырезать. Я просто должна научиться жить с ним в своем сердце. Смириться и жить дальше. Мне есть для чего. Ради кого.

Когда мы уехали в Швейцарию, какое-то время мне действительно удавалось заставить себя отстраниться. Ненадолго, на какие-то короткие часы, пока я занималась тем, что давало мне бешеные силы не погружаться

в отчаяние раз за разом. Наш медицинский центр, который мы открыли с Фаей вместо уже существующей платной клиники. Мы попросту выкупили его у бывших владельцев, не без помощи моего брата, естественно, который знал, на кого нажать, чтобы это сделали в кратчайшие сроки.

Постепенно центр стал не просто больницей. Через время пришлось достраивать новый корпус и набирать нянечек и педагогов. Фаина лечила всех, в независимости от размера кошелеков. Ее не волновали деньги, и, наверное, она работала бы себе в убыток, если бы не щедрые пожертвования спонсоров и благодарных состоятельных родителей, чьих детей уже давно приговорили. В центре лечили детей со страшными диагнозами, детей, которым, по прогнозам их врачей, оставалось жить считанные месяцы, а Фаина возвращала их к жизни. С деньгами нашей семьи было возможно все, Андрей постоянно выделял нам средства на развитие клиники. Фаина действительно нашла самый верный способ вернуть меня к жизни. Когда моя нога переступила порог центра, я поняла, что больше в моей душе нет дикого страха и тоски. Это была терапия абсолютной любовью. Я проводила там большую часть времени, даже оставалась там на ночь и попросту не могла уйти, чтобы не возвращаться домой. Туда, где по ночам меня снова и снова терзали воспоминания. Очень часто бывает так, что чужая боль и слезы отодвигают твою на второй план. Это срабатывало хотя бы днем, хотя бы ненадолго, и я была благодарна этой возможности выйти из состояния нескончаемой депрессии.

Я могла о ком-то заботиться, отдавала свою любовь и ласку, а она возвращалась ко мне втройне. С детьми не нужно притворяться, с ними можно быть самой собой, они чувствуют твою искренность, они тянутся к тебе именно потому, что им не отдает фальшь. А еще меня вытягивала с этого дна Карина. Ее невероятная энергия была ключом, она ни на секунду не оставляла меня одну. Теперь мы с ней поменялись ролями, и я приходила к ней по ночам, чтобы лечь в ее постель и молчать с ней, сцепив пальцы наших рук. Именно в такие минуты мне становилось стыдно за свое горе, стыдно, потому что она, такая маленькая, справилась с этими демонами, а я не могла. Никак не могла. Она меня ни о чем не спрашивала, только иногда слезы пальцами вытирала.

— Ты же знаешь, что мы тебя любим, Даш?

— Конечно знаю, хорошая моя.

— Вот всегда знай. Всегда.

Моя беременность становилась все более заметной. Теперь я видела округлившийся живот, а не просто жила от анализа к анализу. От УЗИ к УЗИ. Своеобразные свидания со своим будущим в настоящем. Карина со

мною таскалась по всем этим процедурам. Отвлекала своими восторгами, визгами, допрашиванием врача, чтоб ручки показал, ножки. И меня отпускало. Я вместе с ней рассматривала свое чудо на мониторе, слушала, как оно развивается, какое непоседливое и смешное.

— Ты мальчика хочешь, Даш?

— Не знаю. Я об этом не думала.

— А я хочу, чтоб девочка у меня была... я бы ее, как маму назвала. Ты имя придумала, Даш?

— Как я могу имена придумать, если не знаю, кто там.

— Моя мама рассказывала, что тоже долго имя выбрать не могла. Одной не просто имена выбирать. Вот когда вдвоем с отцом ребенка и...

Она осеклась, глядя на меня слегка расширенными глазами, в которых тут же отразилась вся моя боль.

— Прости...

Я тут же поторопилась ее подбодрить.

— Ну так и я не одна — мы с тобой выберем, хочешь?

— Безумно. Давай вечером в интернет залезем и посмотрим.

— Ну пусть нам сначала скажут кто это, хорошо?

И нам сказали, спустя пару недель — я ждала самую лучшую на свете девочку. Маленькую, крошечную девочку. Карина пицала от восторга, а я впервые снова чувствовала себя счастливой. Да, ненадолго, да, до первого приступа отчаянья и воспоминаний, но все же почувствовала.

В тот раз я вернулась домой и долго думала о том, что Карина сказала, и чего я сама так и не произнесла ни разу вслух. Память — это такая жестокая тварь. Такая безжалостная сволочь. Иногда кажется, что вот оно, облегчение. Вот все, отпустило, не болит почти, только ноет, а слово какое-то проронишь, мелодию услышишь, запах почувствуешь — и все по новой, и так больно, словно вчера еще все было. Словно прямо сейчас меня снова раздирает на части. И я не могу ничего контролировать. Память диктует свои условия сама, это она меня контролирует и решает, когда обрушить на меня новую волну отчаяния, мой девятый вал. Снова и снова. По замкнутому кругу.

К тому моменту я уже созрела, чтобы говорить об этом сама с собой. Я много думала о том, что произошло за то время, как я вернулась от Бакита. Я снова стала вспоминать. День за днем, час за часом. Я впустила Максима в свою память. Сначала это было больно. Невыносимо больно, словно кто-то режет меня живьем, потом я все же справилась.

Теперь я думала о нем постоянно. Наверное, я должна возненавидеть моего палача, я должна желать ему смерти, должна мечтать о том, как он

будет корчиться в агонии, но ничего этого не было. Я понимала, что больше всего меня убивает то, что он забыл обо мне. После всего, что сделал со мной, просто забыл.

И я с болезненной горечью понимала, что он никогда меня не любил. Я была его игрушкой, милой, доброй, мягкой игрушкой, его куклой. Он сам меня создал для себя, он ваял меня месяцами, чтобы насладиться своим шедевром, а когда понял, что кукла еще и живет своей жизнью, решил меня сломать.

Да, я понимала, что тогда все доказательства были у него перед глазами, но я... я бы никогда не поверила. Как Андрей, как Фаина. Разве он любил меня меньше, чем они? Он вообще любил меня когда-нибудь? Хотя бы немножко? Я бы боролась, искала и докапывалась до правды, а он приговорил и привел приговор в исполнение.

И меня убивало понимание, что я тряпка, что я просто безвольная проклятая идиотка. После всего, что он со мной сделал, все еще продолжала его любить. До какого дна может опуститься женщина в своей страсти? Где предел той грязи, в которой ее должны искупать, чтоб она все же возненавидела? Неужели я та самая несчастная и жалкая, которая готова простить что угодно, лишь бы ОН был рядом? Неужели меня убивает не то, как он поступил со мной, а то, что молчит? То, что не ищет меня, не приходит ко мне?

А я схожу с ума по своему палачу. Меня трясет от осознания масштабов этого сумасшествия, этой унижительной любви к тому, кто ее не достоин.

И я боялась этих мыслей, боялась себя, что в один момент могу сломаться и снова захотеть его увидеть.

И тогда, в эти самые моменты, я все же ненавидела его.

Не за то, что он насиловал мое тело и драл его в клочья, я ненавидела его за то, что он сжег мою душу и мое сердце, все покрыл пеплом, уничтожил, просто стер меня с лица земли. О насилии я старалась не вспоминать, мне вообще казалось, что той ночью в мою комнату пришел не Макс, а кто-то другой. Кто-то, кто никогда не любил меня, кто вообще не знает, что это такое. Но так же я никогда не забуду, что он меня предупреждал, я знала, на что я иду. Точнее, я думала, что знаю, а на самом деле я попала в лапы чудовища, и люблю я тоже чудовище. Когда он бил меня, я не видела его лица, но я слышала его голос, он звучал в моей голове по ночам, мне напоминали его любые фразы. Те ругательства, что он выкрикивал, те оскорбления, те мерзкие слова, которые он говорил мне, когда разрывал мое тело. И все же возненавидеть до конца я не смогла.

Меня убивало другое — я никогда не верила, что именно со мной он может превратиться в этого зверя.

Я больше ему не доверяла, и никогда бы не смогла доверять. В моей душе поселился страх. Панический липкий страх, что он причинит мне боль снова, если позволю себе унижительно простить его.

А иногда... Господи, какая же я жалкая. Я так хотела, чтобы он меня нашел. До безумия хотела, до боли в суставах, до истеричных рыданий в подушку.

Я хотела его увидеть. Один раз. Чтобы понять, смогу ли я выздороветь и жить дальше без этой одержимости. Я лгала самой себе. Не смогу. Будь он трижды проклят, но я не смогу жить дальше и не вспоминать о нем.

Нет, я не прощу его. Никогда не впущу в свою жизнь снова... Но так же я никогда его не забуду и не смогу перестать так дико и унижительно любить.

ГЛАВА 24. Дарина

Однажды я все же заговорила об этом с Фаиной. В одну из бессонных ночей, которую проводила на балконе, глядя на небо с лживыми звездами. В очередном приступе тоски, о которой неизменно хотелось молчать. Мне надоели сочувствующие взгляды и вопросы "как ты?". Как я? Никак. Или как-то. Я улыбаюсь, я ем, хожу, работаю, не ною, а значит, не нужно спрашивать, как я. Мне так хотелось, чтоб никто не знал о том, как мне на самом деле, но они все равно знали. Близким не нужно ничего рассказывать, они фальшь за версту чувят. Я любила до утра сидеть на полу, облокотившись о стену, если понимала, что сегодня та самая ночь. Потому что закрывала глаза и видела его так отчетливо, так по-настоящему. А если увидела — значит уже не усну. Прошли те ночи, когда рыдала навзрыд и грызла подушку, теперь я принимала эту боль и позволяла ей овладеть мною. Завтра станет лучше на какое-то время, после этого приступа дикой ломки по нему.

— Можно к тебе?

Фаина приоткрыла дверь на балкон, кутаясь в длинный кардиган.

— Тебе не холодно здесь?

— Нет, у меня гормоны, сама знаешь, мне вечно жарко, — попыталась улыбнуться, а вышло как-то фальшиво. — Ты прости, Фай, не обижайся, я одна побыть хочу.

Она тяжело вздохнула, вроде как собираясь уйти, а потом вдруг решительно вошла и села рядом со мной на пол, обхватывая колени тонкими руками с коротко остриженными ногтями без лака, и тихо сказала.

— Не мучай себя, Даш. Не истязай. Хватит. Смотреть больно.

— Я думаю все время.

— О чем?

— Что будет, если он найдет меня и приедет сюда.

Да, она была права — я себя истязала. И постоянно думала, смогу ли простить, если вдруг он когда-нибудь придет ко мне? Смогу ли забыть? Не вздрагивать от прикосновений. Могу ли я вообще позволить кому-то прикоснуться к себе?

— Ты его боишься? Это самое губительное чувство. Там, где страх, уже нет места любви. Даша, он не придет больше, я обещаю тебе. Слышишь, он никогда больше не придет. Он не причинит тебе боль. Мы с Андреем не позволим ему. Ты нам веришь?

Конечно я им верила. Я ни на секунду не сомневалась в этом. Только Фаина не понимала, что происходит у меня внутри. Она не видела, что творится там, в моей душе, как ее выворачивает наизнанку от дикой тоски по нему, от сожалений, от боли, от мыслей о том, что вышвырнул меня из своей жизни, даже несмотря на то, что уже наверняка знает, что не виновата.

Я должна жить дальше, без него. Я хочу излечиться, хочу просто дышать, освободиться от этой одержимости, зависимости. С ним рядом — это как ходить по колючей проволоке, по битым стеклам. Макс не умеет любить. Он может только брать, и чем больше я давала, тем больше ему было нужно. Он слишком эгоистичен. Большой и жестокий ребенок, который крошит свои же любимые игрушки. Садист и психопат. Но и об этом я знала. Не стоило просто надеяться, что со мной все будет иначе. Он — волк-одиночка. Все, к чему Макс прикасается, трещит по швам, воспламеняется, покрывается слоем вонючей гари. Он разрушает и себя, и окружающих его людей.

Я так сильно хочу жить дальше. Я хочу радоваться каждому дню, хочу забыть о том мраке, что его окружает, хочу наслаждаться весенним небом и пением птиц, хочу сама растить своего ребенка.

Теперь я больше не чувствовала себя настолько одиноко — я говорила с моей малышкой, а она "слушала", знаю, что слушала. А еще я придумывала ей сказки. Красивые сказки о любви с прекрасным концом. Единственный, о ком я не говорила с ней, это ее отец. Я вообще старалась о нем не думать. Последний раз, когда у меня был приступ отчаянья, ребенок почувствовал и не шевелился целые сутки, я в панике разбудила Фаину, заставив поехать в центр, чтобы услышать сердцебиение малышки на УЗИ.

Какое-то время я запрещала себе думать о Максе. Насильно запрещала, забивая каждую секунду своего свободного времени чем угодно, лишь бы не оставаться наедине с самой собой. Говорила себе, что для нас его нет. Он ушел в другую жизнь и больше к нам не вернется. Конечно, я понимала, что прячу голову в песок, как страус. Несомненно, рано или поздно Максим узнает о ребенке и захочет его увидеть. Хотя, мой муж непредсказуем, кто знает, как он относится к детям? Мы с ним никогда об этом не говорили, и рядом с детьми я его не видела. Кто знает, может этот ребенок ему не нужен, так же, как и я. Но, если все-таки он придет и захочет забрать малышку — я не отдам. Это моя девочка. Моя. Прежде всего только моя, и Макс пусть катится ко всем чертям.

А потом меня накрывало по новой, и я думала о том, что прошло уже так много времени. И за это время мой муж не сделал ни одной попытки с

нами связаться. Он не просил прощения, хотя, несомненно, я бы не простила, он не пытался поговорить. Он вообще исчез. Я чувствовала, что за это я начинаю его ненавидеть еще больше, чем за то, что он сделал со мной. Именно сейчас, а не тогда. Эгоист и проклятый гордец. Ведь если вся семья знает, что я ни в чем не виновата, какого дьявола он даже не попытался сгладить свою вину? А ответ один — он не считает, что я того стою. Да и зачем? Теперь он свободен как ветер. Другие женщины, виски, наркотики. Кто знает, может, я ему надоела еще тогда, когда все было хорошо. Максим не относится к тем мужчинам, которые хранят верность и могут быть с одной женщиной долгое время. Макс не клялся мне в этом никогда. Даже когда я попросила его сказать мне, если в его жизни появится другая, он просто пообещал, что скажет, но даже не попытался меня разуверить в том, что это невозможно. Жестокая, издевательская честность. Он бы не сдержал своего слова.

До свадьбы Макс вообще предупреждал меня, что ничего обещать не может и не хочет. Так что наверняка у него есть кому согреть постель и удовлетворять его чрезмерную похоть. Сказать, что мне не было больно от этого, значит солгать самой себе. Я просто гнала эти картины в самый дальний угол и запрещала себе об этом думать.

Наверное именно тогда я и решила, что все кончено, и сняла обручальное кольцо. Спрятала его подальше. Все. Нужно учиться жить заново. Да, воя по ночам в подушку, да, сходя с ума каждый день, но жить. До очередной ночи, когда он врывается в мои сны и раздирает на части мою душу по новой.

* * *

Сейчас Фаина сидела рядом со мной, обхватив меня за плечи, а я с трудом сдерживалась, чтоб не разрыдаться у нее на плече.

— Когда будешь готова к серьезным шагам, разведись с ним и начинай жить заново. Со временем ты научишься снова доверять мужчинам, возможно, встретишь хорошего человека и...

Как все просто звучит со стороны. Научиться жить? Доверять? Возродиться из пепла? Нет места во мне для других мужчин и никогда не будет. Я знала это с самого начала. Я знаю это и сейчас.

— Ты такая красавица, мужчины глаз отвести не могут, — продолжала Фая, стараясь подбодрить, а меня все больше начинало трясти. — Если ты станешь свободной, ты снова сможешь выйти замуж и...

— Я буду растить ребенка и жить одна, Фаина. Как ты. Я доучусь и посвящу себя работе. Вот оно, мое будущее. Разве оно замыкается на мужчинах? Разве в них смысл жизни?

— Смысл жизни в любви, милая. Она двигает всем этим миром. Как бы циники не изгалялись доказать обратное, но все построено на ней.

— И разрушено все тоже из-за нее. Сожжено, потоплено, растерзано, сломано.

— Это обратная сторона медали.

— У моей медали две стороны одинаковые. Идентичны, один в один. Мне больно. Я живу в этой вечной агонии. И она не кончается. День за днем. Секунда за секундой.

— Ты должна с ним поговорить, рано или поздно. Получить эту свободу.

И тут до меня начало доходить, к чему она клонит, по всему телу прошла волна агонии.

— Поговорить? О чем? О разводе? Рассказать о ребенке? Не-е-е-ет. Я не могу. Не могу говорить с ним.

— Больно. Я знаю. Очень больно. Особенно, когда ты ни в чем не была виновата. Но меня ты не обманешь, милая. Я так хорошо тебя знаю. Ты можешь молчать и делать вид, что ЕГО не существует, но он есть, и это и его ребенок тоже. Вам придется рано или поздно решать. Ты должна будешь сказать. Именно ты. Не мы.

— Фая, я знаю, что должна сказать, знаю, — и тут меня прорвало, наверное, мне был нужен именно этот разговор, это откровение, чтобы окончательно сорваться, дать волю этой ярости, этому отчаянию. — Он забыл обо мне после всего, что со мной сделал. Просто вычеркнул меня из своей жизни. Где он? Фаина, где он? Не надо умолять меня о прощении, не надо. Я знаю, что он гордый, самовлюбленный, проклятый эгоист. Знаю, что не умеет просить. Просто поинтересоваться, позвонить. Я ведь его жена. Почему, Фаина? Почему он со мной так? За что? Теперь, когда знает, что я не виновата. Он ведь знает? Скажи мне — знает?

Сказала и поняла, что именно это сводило меня с ума, и нет конца этой одержимости, этой проклятой зависимости, и будет он втаптывать в меня в грязь, бить издеваться, изменять, я все равно буду ждать, когда он придет ко мне. Ждать, как верная собачонка. За это я ненавидела нас обоих. Я не заметила, что все же плачу. Фаина не ожидала такой вспышки отчаянья, она резко привлекла меня к себе и крепко обняла за плечи.

— Даша, ты не должна себя винить за то, что все еще любишь его. Не должна. Не бывает так, как надо. Я понимаю, ты думаешь, будто сейчас

хочешь его ненавидеть, забыть, оттолкнуть, но мы обе знаем, что это неправда, и плачешь ты не потому, что он поднял на тебя руку, а потому что не пришел к тебе...

— Где он сейчас, Фая? Какая шлюха валяется сегодня в его постели? В нашей постели... Он даже не пришел посмотреть, сдохла ли я? Убил ли он меня или нет? Что сделал со мной? Я не свела ни одного шрама, чтобы помнить об этом и никогда не забывать. И знаешь, что? Не помогает. Даже это извечное напоминание не помогает мне не думать о нем, не ждать его. Это отвратительно — ждать того, кто этого не достоин. Ждать и понимать, что не придет. Я не могу так больше, это невыносимо. А сейчас ты говоришь — просить о разводе, рассказать о ребенке? Почему я? Почему не он? Почему не приезжает? Ответ — он знает, где я? Знает? Вы сказали ему, что я не виновата-а-а-а? Сказали?

У меня началась истерика я всхлипывала и цеплялась за ее плечи.

— Даша, посмотри на меня, послушай.

Но я махала руками, вырывалась, я срочно хотела остаться одна. Меня вывернуло наизнанку, всю душу вывернуло осознание, почему мне было так больно. Я должна побыть с этим наедине. Фаина повернула меня лицом к себе, обхватила меня крепко за щеки.

— Максим не изменяет тебе, слышишь? Он не забыл о тебе, не бросил. Милая, ты так хорошо знаешь его. Ты всегда чувствовала его лучше, чем все мы.

Я снова вырвалась из ее объятий.

— Тогда где он, черт возьми? Где? Пусть придет, пусть не трусит и посмотрит мне в глаза. Пусть попытается вернуть меня обратно.

— Мы не сказали ему, что ты жива, Даша. Он считает тебя мертвой. Таково было наше с Андреем решение.

Я какое-то время молчала, впитывая, осознавая ее слова, потом обессиленно села на постель, прижимая руки к животу и чувствуя, как взволнованно пинается малышка.

— Вот и хорошо, — тяжело дыша, вытирая слезы, — вот пусть и не знает дальше. Пусть не знает. Не хочу его в нашей жизни никогда. Никогда больше. И не говори со мной о нем. Я запрещаю. Ни слова о нем. Ни единого. Я буду решать, сообщать ему о ребенке или нет. Я. Он в свое время тоже принимал свои решения сам. Теперь моя очередь, и я его приняла. Если я умерла — пусть так и будет. Я на самом деле умерла для него.

Иногда, когда мы принимаем решения и считаем, что все кончено, судьба вдруг доказывает нам, что именно это и есть начало. Чудовищно-неправильное начало именно там, где все уже сожжено и покрылось слоем гари. То самое начало, которого слишком ждал и боялся.

Часто, вспоминая свою жизнь, мы не можем просмотреть ее как полноценное видео. День за днем и даже год за годом. Мы помним моменты. События. Мы помним свои эмоции. Не более.

И этот день... именно этот я, кажется, запомнила так же сильно, как и все те, о которых старалась забыть. Это было воскресенье. Солнечное, теплое. Такое противоречие с тем, что происходит внутри. Там холод и вселенская тоска.

Мы поехали за покупками в торговый центр, потому что я больше не могла втиснуться ни в одно из своих платьев. Карина подшучивала надо мной, что я похожа на бегемотика, но я себе уже напоминала мамонта, и в зеркале не помещалась целиком. Как человеческое тело может вырастать до таких размеров? Фаина говорила, что это более чем нормально, а мне казалось, я пухну не по дням, а по часам. Когда становилась на весы, то в ужасе зажмуривалась и просила врача не называть мне цифры, а та смеялась и говорила, что я почти не поправилась, что мой вес намного ниже той нормы, которая должна быть при моем росте и изначальной массе.

— Тебе нужны эти крутые штотки для беременных. Комбинезоны всякие, штаны. Я видела в журнале. Отпадно смотрится.

— Зачем мне крутые штотки? Я днем в больнице, а ночью меня кроме вас никто не видит.

— Ну как зачем? — Карина остановилась у витрины с модной одеждой и сосредоточенно рассматривала коротенькие шорты с топом. — Для себя конечно. Стать перед зеркалом и ахнуть — я звезда.

— Я и так перед зеркалом ахаю каждый день, когда вижу это пузо. Давай лучше выберем тебе что-нибудь и пойдём перекусим. Мы есть хотим.

— Мы?

— Да. Мы. Ужасно голодные и съели бы целого слона.

— А ты точно девочку ждешь, а не троглодита?

— Не знаю. Вот родится, тогда и посмотрим, кто там на самом деле, а пока что я чувствую запах жаренной картошки с беконом, и у меня в

животе урчит.

— Ну уж нет. Если ты поешь, ты уже не сдвинешься с места. Сначала купим тебе вещи, потом обедать. Фая, скажи ей. Ну нельзя втискиваться во все эти балахоны.

— Да, Даш. Гардероб пора обновить. Я видела здесь три магазина для беременных. Пойдем, поищем.

Я закатила глаза, пытаюсь показать им, как они мне надоели, и вдруг почувствовала, как внутри что-то кольнуло. Там, где сердце. Сильно кольнуло. Улыбка тут же пропала.

— Что такое? — Фаина с тревогой заглянула мне в глаза.

— Не знаю...

— Ребенок? — Карина тут же схватила меня под руку.

— Нет... не ребенок. Внутри что-то. Дышать нечем и...

Они вдвоем отвели меня к скамейке, а я чувствовала, как больно сжимается сердце, как на глаза слезы наворачиваются от этого ощущения, словно паника внутри нарастает необузданная.

— Даш? Что болит?

Я и сама не поняла, что болит. Но болело. Что-то определено так сильно болело, что мне казалось, я дышать не могу.

— Вы идите, я посижу здесь немного. Станет легче, я точно знаю.

— Нет, ну куда мы без тебя. Кариш, купи воды.

— Ага, я сейчас.

Я старалась сделать вдох, и не могла, по щекам слезы непроизвольно покатались.

— Что-то не так... — очень тихо, едва слышно.

— Что не так, милая? Это ребенок?

— Нет... я не знаю, что это... Но что-то не так.

— Где?

— С ним, — медленно подняла голову и посмотрела Фаине в глаза.

В ее сумочке зазвонил сотовый, и у меня внутри все сжалось еще сильнее. Она роется, ищет свой смартфон, а мне кажется, я начинаю в бездну проваливаться.

— Незнакомый номер — не повод для паники, — сказала она, улыбаясь, а я судорожно втянула воздух. — Видимо, Андрей попросил узнать, как мы тут. Да, алло, — замолчала сразу же, а я начала задыхаться, прижимая руку к животу. Я не слышала, что ей там говорят, видела только, как застыл ее взгляд, как пролегла складка между ровными светлыми бровями. — Да. Я вылечу первым же рейсом. Перезвони мне... хорошо?

Она медленно отложила сотовый и посмотрела на меня.

— Это... с ним, да? Фаина? Не молчи.

Я видела, как женщина судорожно сглотнула и тяжело выдохнула.

— Нет, все нормально. Мне просто надо вылететь немедленно.
Поехали домой.

— Не лги мне... Это с ним. Я чувствую. Я это чувствую. Что с ним?
Он жив?

Меня начало трясти, как в лихорадке, и слезы градом по щекам.

— Тш-ш-ш. Тихо. Тебе нельзя так нервничать. Успокойся.

— С НИМ, Я ЗНАЮ. Он жив? Отвечай.

— Да... жив. Но в очень тяжелом состоянии в больницу везут. Пока ничего неизвестно. Не поняла, что там произошло. Мне вылетать надо, Даш. Немедленно вылетать.

Я резко встала со скамейки, голова закружилась, и пришлось схватиться за спинку.

— Я с тобой. Слышишь? Я лечу с тобой.

Она смотрела на меня расширенными глазами, а мне от ее взгляда хотелось заорать.

— Не надо со мной. Тебя в самолет не пустят и...

— Мне плевать. Я с тобой лечу. Поняла? Позвони туда. Позвони, я умоляю. Позвони им.

Я вцепилась в ее плечи, а внутри все так же сжимается сердце. Так сильно, что мне кажется, я сейчас от боли закричу.

— Они только что звонили. За это время ничего не изменилось. Ты не можешь со мной. А Карина и...

— Я тоже поеду. Мне с папой быть надо. Вы меня тут не оставите.

Я медленно повернула голову, так же тяжело дыша. Перед глазами плывет все, лихорадит. Карина воду протянула, и я сделала глоток, стараясь успокоиться, прислушиваясь к себе. Больно внутри. Раздирает грудную клетку... и мне почему-то показалось, что это правильно. Пока больно... это правильно. Пусть будет больно.

* * *

Мы гнали в аэропорт на такси, а я цеплялась за руку Фаины, снова и снова умоляла позвонить Андрею, но нам никто не отвечал. Мне казалось, что я с ума схожу. Я хваталась за горло, за ворот платья, продолжая задыхаться.

— Ну куда в таком состоянии лететь, Даш. Даша-а-а-а. На меня

смотри.

— К нему... — голос дрожит, и сама себя не слышу. — Я должна там быть. Я чувствую, что должна. Иначе я задохнусь, Фая. Понимаешь? Я задохнусь.

Она кивала головой, прижимая меня к себе, а когда зазвонил ее сотовый, мы все вздрогнули.

— Да. Андрей. В аэропорт еду. Ну что там? В операционную? Когда? Кто оперирует? Да, я его знаю. Толковый врач. Я наберу, как только приземлюсь. Давай. Держитесь там.

Повернулась ко мне, медленно выдыхая.

— Только не лги. Не лги мне.

— Он в критическом состоянии. Никаких прогнозов. Надо ждать, Даша.

— Или никаких шансов? — хрипло спросила я.

— Прогнозов, — упрямо ответила она, — прогнозов.

Я схватила свой телефон дрожащими руками. Холодные пальцы сами пробежались по цифрам, словно выучили свои движения наизусть. Я прижала сотовый к уху, слушая длинные гудки, глядя в никуда... наверное, глядя в себя саму, где все еще по-прежнему адски больно.

Я вдруг почувствовала непреодолимое желание это сделать. Сейчас, в эту минуту. Немедленно. Позвонить. Услышать голос. Хотя бы на автоответчике. Хочу. Безумно, неуправляемо желаю слышать его голос. До боли в груди.

Карина и Фая наблюдали за мной со стороны, как за сумасшедшей.

"Вы, конечно, можете оставить мне сообщение, но я никогда не слушаю этот дерьмовый автоответчик. Поэтому поговорите сами с собой и перезвоните мне позже".

От звука его голоса полетела в пропасть, затрясло всю, как при ознобе. Боже. Я не слышала его голос больше семи месяцев. Я все еще жива после этого? Нет... меня не было все это время. Сердце защемило, заболело от сумасшедшего восторга. Просто голос. Хотя бы вот так, издалека. Я, как наркоман, долго воздерживающийся от дозы, всеми силами избегающий любых напоминаний о наркотиках, вдруг почувствовала смертельную тягу и горячо зашептала в трубку, срываясь на всхлипы:

"Ты обещал. Слышишь? Ты обещал меня не оставлять. Обещал, что я никогда не задохнусь без тебя. Держи свое обещание, черт тебя раздери, Макси-и-им, держи свое проклятое обещание"

Понимаю, что это по-идиотски, что это какое-то сумасшествие, что в никуда звоню, в никуда кричу, в ничто... а там, внутри, хочется верить, что

нет этого в никуда. Есть вселенная, есть космос, есть эти звезды. Мои звезды для него по-прежнему горят. Он должен меня услышать. Должен. Иначе зачем все это? Зачем все это было?

В самолете я с такой силой сжимала руку Фаины, что мне казалось, я сломаю ей пальцы, но она не выпускала мои не на секунду. Едва мы приземлились, она выхватила сотовый и снова набрала Андрея.

— Еще оперируют? Ясно. Мы в дороге. Сейчас такси берем. Мы — я, Дарина и дочь твоя. Нет, не встречай. Там будь. Конечно я знаю Русого. Ты звони сразу, если что-то станет известно.

— Почему так долго? Почему, Фая? Ты не врешь? Ты мне не врешь?

— Не вру. О таком не врут. Ты постарайся хотя бы немного успокоиться. Совсем немного. Нельзя тебе так нервничать. Все хорошо будет. Надо верить. Мысль материальна. Возьми себя в руки.

Я когда увидела Андрея, внутри что-то оборвалось, бросилась к нему, рывком обнимая за шею, прижимаясь всем телом, и он меня так осторожно обнял, слегка поглаживая мою спину, а потом я подняла голову и посмотрела ему в глаза. Хочу спросить, и не могу. Мне страшно. Мне так страшно услышать его ответ. Так страшно, что колени подгибаются. Вопрос задала Фаина.

— Ну что? Как прошла операция?

— Он уже в интенсивной терапии. Все еще никаких прогнозов. Должен начать дышать самостоятельно, но... травма головы, пробитое легкое.

— Давай отойдем, Андрей... — Фаина бросила на меня тревожный взгляд.

— НЕТ. При мне говорите. Я знать хочу. Я все хочу знать.

По мере того, как Андрей рассказывал, я все сильнее сжимала его пальцы одной рукой, а другой свой живот.

Я слышала их голоса, но словно впала в некую прострацию. На меня надвигалось нечто чудовищное, нечто огромное, удушающее своей силой. Я чувствовала, как эта чернота поглощает меня всю. Я словно видела себя со стороны. Себя и их. Как будто внутри меня все перевернулось. Пазл сложился, все вернулось и выстроилось в новую картину. Печальную, мрачную, но уже настоящую. Вот она, правда и истина. Нет, Макс не изменился вдруг в моих глазах, он изменил меня. Он заставил меня стать другой, не самой собой, он вывернул мою душу наизнанку, и я перестала его понимать и чувствовать, как раньше. Словно выбил у меня почву из-под ног в самом прямом смысле этого слова. Только теперь я начинала по-настоящему осознавать, что происходит в его черной душе. Он себя

наказывает. За то, что сделал со мной. С нами. Он, как всегда, занимается самобичеванием. Вот почему он развернул эту проклятую машину. Он ищет смерти. Жуткая у него любовь, разрушающая, еще страшнее, чем моя собственная, это наваждение. Но именно такой любви я хотела от него, именно ее я всегда видела в его безумных синих глазах, в его невыносимо синих глазах, в его безумно мною любимых синих глазах. В тот самый первый миг, когда его увидела, разве не прочла приговор себе, не пошла за ним? Когда он бил меня, он бил самого себя. Причиняя боль мне, он причинял ее себе. Да. Так похоже на этого безумца. Так на него похоже. Что же это за проклятье такое — любить чудовище с такой силой, даже осознавая все, что он сделал и еще сделает. Мой Зверь. Никем не понятый, никем не прощенный. Зачем ты это сделал, Макс? Тебя уже ничего не держит? Черта с два. Держит. Я держу. Мы тебя держим и будем держать.

— Хочу увидеть его, — так громко, что на нас обернулись люди.

— Это невозможно, Даша. Нет. Нельзя. Никто тебя не пустит туда.

— Пустят. Пожалуйста. Ты же знаешь врача, Фая. Андрей. Ну поговорите с кем-то. Пусть меня пустят. Пожалуйста-а-а-а. Я нужна ему там. Я знаю.

Андрей сильно сжал челюсти и посмотрел на Фаину, потом все же отвел ее в сторону и что-то говорил ей, а я чувствовала, как опять начинаю задыхаться. Они не говорят мне всего. Они от меня скрывают то, что происходит на самом деле.

Фаина ушла сразу после разговора с Андреем, на ходу набрасывая белый халат, а брат вернулся ко мне и снова молча обнял, прижимая к себе.

— Все плохо, да? — шепотом спросила я, склоняя голову ему на грудь.

Не ответил, поглаживая по голове, а я теребила пуговицу на вороте его рубашки и слышала, как гулко бьется его сердце.

* * *

Когда увидела Максима, всхлипнула и закусила губу, чтобы не закричать. Там, под ребрами, все еще невыносимо саднило, словно все разворотили чудовищными клещами панического страха потерять.

Медленно подошла, стараясь дышать ровнее, не впасть в истерику именно сейчас. Больно видеть его таким... Таким беспомощным. Самого сильного из всех мужчин, что я когда-либо знала. На голове и глазах бинты, весь в трубках, капельницах. Тишина... и датчики везде пищат. Я, неслышно ступая, подошла к постели, постепенно выравнивая собственное

дыхание.

— Я здесь... — очень тихо, а мне кажется, слишком громко в этой зловещей тишине. — Ты меня слышишь, Максим?

Опустила взгляд на его руку и непроизвольно коснулась ее кончиками пальцев. Такая холодная. Провела по запястью, словно обрисовывая каждую вену, каждый палец.

— Когда-то... ты впервые взял меня за руку. Помнишь? Я тогда подумала, что у тебя самые сильные и красивые руки на свете. Потом я долго сжимала и разжимала пальцы, вспоминая, каково это — чувствовать твои между ними.

Скользнула к ладони, поглаживая ее, осторожно приподняла и, склонившись, прижалась к ней щекой. Датчики все так же равнодушно пищали в тишине с какой-то зловещей монотонностью, а я смотрела на его осунувшееся лицо, на эти сплошные повязки, и чувствовала, как разрываюсь изнутри от этого щемящего чувства собственного бессилия. Прижала его ладонь к животу, закрывая глаза.

— Не бросай меня, пожалуйста. Я не смогу без тебя... мы не сможем. Мы хотим, чтобы ты к нам вернулся. Дыши для меня... дыши, Максим. Дыши мной.

Малышка снова зашевелились внутри, и я закусила губу, сдерживая слезы. Что-то вдруг оглушительно запищало, и я, вздрогнув, в панике выронила его руку. В палату тут же заскочили медсестры. Меня вывели чуть ли не насильно, а я оборачивалась на него и повторяла про себя, как умалишенная, сдирая с головы шапочку и повязку с лица.

"Дыши, Макс. Дыши, черт бы тебя побрал. Дыши мной. Ты же обещал. Не смей меня бросать".

Почувствовала сильные объятия Андрея, он уводил меня дальше по коридору к раскрытому окну, а я вырывалась и смотрела, как закрываются двери палаты. Когда через несколько минут оттуда вышла медсестра, у меня подогнулись колени. Она направлялась прямо к нам, а я сжимала ворот рубашки Андрея и смотрела, как она приближается, оседая в его руках, хватаясь за плечо, открывая и закрывая глаза.

— У нас хорошие новости — мы отключили его от искусственной вентиляции легких. Он начал дышать сам.

Я обмякла в руках брата, а он слегка приподнял меня, прижимая к себе, зарываясь пальцами в мои волосы, вытирая слезы ладонью другой руки.

— Тш-ш-ш-ш... Все хорошо будет, — тихо, но уверенно. — Все. Будет. Хорошо... — и спустя пару секунд добавил. — Теперь...

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ